

ДЖОН СТЕЙНБЕК

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

В БИТВЕ С ИСХОДОМ СОМНИТЕЛЬНЫМ

эксклюзивная классика

В битве с исходом сомнительным

Джон Эрнст Стейнбек

Аннотация
Джон Стейнбек. В битве с исходом сомнительным
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15

Аннотация

1930-е годы. Америка истерзана экономическим кризисом. По заверениям правительства, Великая депрессия осталась позади, однако тысячи людей, лишившихся работы и крова, по-прежнему колесят по стране в поисках любой, пусть даже самой трудной и неблагодарной, работы. Многие рвутся в Калифорнию, где в сезон сбора урожая рабочие руки нарасхват. Однако в разгар сезона работодатели беззастенчиво снижают расценки, пользуясь безвыходным положением сезонных сборщиков фруктов – у тех просто нет денег на обратную дорогу. Возмущенные несправедливостью и постоянными притеснениями рабочие готовят забастовку. Но готовится и другая сторона…

Джон Стейнбек
В битве с исходом сомнительным

John Steinbeck
In Dubious Battle

© John Steinbeck, 1936
© Перевод. Е. Осенева, 2020
© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

* * *

Бесчисленные силы
Под предводительством моим дерзнули
Оспорить власть, от века
Неоспоримую, и ринулись на битву,
Колебля трон Создателя, просторы
Небесные, устои мирозданья.
Исход той битвы – сомнителен.
Мы проиграли? Нет!
В нас не угасли воля, жажда мести,
И, вкупе с мужеством,
В сердцах живет надежда,
Которую врагу не одолеть.
А если так, то впереди – победа!

Дж. Мильтон «Потерянный рай»

Глава 1

Наконец-то наступил вечер. За окном на улице зажглись огни. Неровный свет вывески соседнего ресторана замигал, задергался ярко-красными вспышками. Но в комнату Джима Нолана слепящий свет вывески проникал лишь нежно-розовым отсветом. Вот уже два часа Джим сидел неподвижно в тесном и жестком кресле-качалке, задрав ноги на белое покрывало кровати. Теперь, когда окончательно стемнело, он спустил на пол затекшие ноги и похлопал по ним. Выждав секунду, пока не прошло покалывание в икрах, он встал и потянулся к выключателю лампы без абажура. Зажегшийся свет осветил его номер в меблированных комнатах: просторную чистую постель под безупречно белым, как мел, покрывалом, бюро из золотистого дуба, тщательно вычищенный потертый до бурых проплешин красный ковер.

Подойдя к раковине в углу, Джим вымыл руки, мокрыми пальцами взъерошил волосы. На секунду он задержал взгляд на своем отражении в зеркале над раковиной. Из зеркала на него при-

стально глядели небольшие серые глаза. Достав из внутреннего кармана пиджака прицепленную там расческу, Джим расчесал на косой пробор прямые каштановые волосы. На нем был темный костюм и серая фланелевая рубашка с открытым воротом. Обсушив полотенцем тонкий обмылок, он кинул его в стоявший на кровати наготове бумажный пакет. Внутри уже лежали бритва «жилетт», четыре пары новых носков и сменная рубашка — такая же серая фланелевая. Обежав взглядом комнату, он защипил горловину пакета, в последний раз глянул в зеркало, после чего погасил свет и вышел. Спустившись по узким, ничем не покрытым ступеням лестницы, он стукнул в дверь у входа. Дверь приоткрылась. В щели показалась женщина. Признав Джима, она открыла дверь пошире — крупная плотная женщина с темной родинкой у рта.

Женщина улыбалась Джиму.

— Мистер Но-о-лан… — протянула она.

— Я уезжаю, — сказал Джим.

— Но вы же вернетесь… Хотите, я оставлю номер за вами?

— Нет. Я уезжаю совсем. Меня письмом вызвали.

— Сюда никаких писем для вас не было, — воз-

разила женщина с некоторым подозрением.

— Письмо пришло мне на работу. Возвращаться я не буду, а заплатил за неделю вперед.

Улыбка слиняла с лица женщины. Приветливое выражение медленно сменялось негодующим.

— Вы должны были предупредить меня за неделю. Таковы правила, — резко бросила она. — А теперь я не отдам аванс, потому что вы поступили не по правилам.

— Знаю, знаю, — успокоил ее Джим. — Все в порядке. Я не возражаю. Просто я не знал, как долго здесь пробуду.

Улыбка вновь засияла на лице хозяйки.

— Вы были хорошим постояльцем, — сказала она. — Жили пусть и недолго, зато тихо — не шумели, не скандалили. Случится вам опять в наши края завернуть, отправляйтесь прямиком ко мне. Уж я для вас местечко найду. Какой корабль в порт ни приди, у меня все моряки останавливаются. Помнят, что здесь им всегда приют отыщется, а в другие места им даже и смысла заглядывать нет.

— Буду помнить и я, миссис Меер. Ключ я в двери оставил.

— Свет выключили?

— Да.

— Ну, хорошо. До утра подыматься к вам не стану. Может, зайдете, перекусим?

— Нет, спасибо. Мне пора.

Хозяйка прищурилась с видом хитроватым и проницательным.

— Может, у вас неприятности какие? Я ведь и тут помочь могу.

— Нет, — отвечал Джим. — Никто меня не преследует. Работу новую нашел, вот и все. Ну, доброй вам ночи, миссис Меер.

Она протянула ему испещренную старческими пятнами кисть, и Джим, переложив пакет в другую руку, пожал эту кисть, на секунду ощутив, как податлива под его пальцами ее мягкая плоть.

— Так что не забудьте, — сказала она, — комната для вас у меня всегда найдется. Я уж привыкла, что постояльцы возвращаются ко мне. И моряки, и коммивояжеры там всякие так и тянутся вереницей год за годом.

— Буду помнить. Спокойной ночи.

Он вышел через парадную дверь, спустился по бетонным ступеням крыльца, а она все смотрела ему вслед.

Дойдя до перекрестка, он взглянул на циферблат часов в витрине ювелира. Семь тридцать. Торопливо шагая в восточном направлении, он

миновал район универмагов и специализированных магазинов, а затем и кварталы оптовой торговли, сейчас, в вечернее время, тихие и пустынные: узкие улочки безлюдны, ворота пакгаузов заперты и перегорожены деревянными перекладинами и железными решетками. Наконец он достиг цели — старинной улицы с кирпичными домами в три этажа: на нижних размещались закладные конторы, ломбарды и лавки подержанного хозяйственного инвентаря, верхние же облюбовали адвокаты-неудачники и прогоревшие дантисты со своими приемными. Джим торкался то в одну, то в другую подворотню, пока не отыскал нужный номер. Подъезд был плохо освещен, ступени выщербленной, истертой множеством резиновых подошв лестницы обрамлены полосами меди. На самой верхней площадке теплился тусклый свет, но в конце длинного коридора освещена была лишь одна дверь. Джим направился туда и, увидев на матовом стекле цифру «шестнадцать», постучал.

Послышалось резкое «войдите».

Открыв дверь, Джим шагнул в маленькую, скудно обставленную комнатенку: всего лишь письменный стол, металлический шкаф с картотекой, раскладушка и два стула с прямой

спинкой. На столе электрическая плитка, а на ней кипит, булькает и пускает пар кофе в жестяном кофейнике. Человек за столом, строго взглянув на вошедшего, сверился с лежавшей перед ним карточкой.

— Джим Нолан? — осведомился он.

— Да.

Джим разглядывал его. Невысокого роста, в аккуратном темном костюме. Темные густые волосы зачесаны с макушки и свисают так, чтобы скрыть белый в полдюйма толщиной шрам над правым ухом. Черные зоркие глаза мужчины нервно бегают, взгляд мечется от Джима к карточке на столе, оттуда к будильнику, а от него обратно к Джиму. Нос мясистый, толстый у переносицы и тонкий у кончика. Губы, от природы, возможно, полные и мягкие, привычным упрямым сжатием вытянуты в ниточку. Хотя лет ему и не могло быть больше сорока, необходимость вечно противостоять атакам исполосовала лицо мужчины морщинами. Руки, столь же нервные, как и глаза, с широкими ладонями, большие, казались несоразмерными росту и постоянно двигались над столом. Длинные, с плоскими толстыми ногтями, чуткие, как у слепого, пальцы то щупали бумаги на столе, то гладили его край,

то перебирали пуговицы на куртке мужчины — одну за другой. Затем правая рука потянулась к плитке и выдернула шнур из розетки.

Тихонько прикрыв за собой дверь, Джим приблизился к столу.

— Мне велено прийти сюда, — сказал он.

Внезапно мужчина вскочил и через стол протянул ему руку.

— Я Гарри Нилсон. У меня твое заявление. — Джим пожал мужчине руку. — Присаживайся, Джим!

Нервно изменчивый голос звучал теперь мягко, но мягкость эта, видимо, требовала определенных усилий и давалась мужчине нелегко.

Взяв себе второй стул, Джим сел напротив. Выдвинув ящик стола, Гарри достал оттуда початую банку молока, дырки в которой были заткнуты спичками, плошку с сахаром и две толстые кружки.

— Кофе будешь?

— Конечно, — отозвался Джим.

Нилсон разлил по кружкам черный кофе и сказал:

— Я должен объяснить тебе, как мы с заявлениями работаем. Твоя карточка с заявлением о приеме поступила в членский комитет, и моя

задача — побеседовать с тобой и написать доклад-представление. Комитет обсудит мой доклад, и все проголосуем. Так что если я стану лезть к тебе в печенки с вопросами, то это только потому, что так положено.

Он подлил молока себе в кружку и поднял взгляд. В глазах его мелькнула смешинка.

— Ну, ясное дело, — сказал Джим. — Да я и знаю уже, слыхал, что попасть к вам не проще, чем в «Юнион-Лиг-клаб»[1]. Отбор строгий.

— А как иначе, приходится! — Нилсон кивком указал Джиму на плошку с сахаром и неожиданно задал вопрос: — А почему ты в партию вступить хочешь?

Джим помешал свой кофе и поморщился в желании, сосредоточившись, дать точный ответ, затем потупился, разглядывая колени.

— Ну… Я мог бы назвать тебе массу мелких причин, но главная — это то, что всю семью мою

---

[1] Примечания: 1

Сеть клубов «Юнион-Лиг» возникла в период Гражданской войны в Северных штатах. Устроителями были бизнесмены-республиканцы, ставившие целью поддержку администрации президента Линкольна, с тем чтобы оказывать на нее влияние. Впоследствии клубы продолжили деятельность в качестве организации единомышленников, осуществляющих контроль за политикой местных властей. Предполагаемые члены подвергались тщательной проверке: клуб объединял лишь тех, кто обладал подтвержденным финансовым, общественным и политическим весом. Этнические меньшинства и женщины в организацию не допускались вплоть до 1960-х годов.

сгубила система эта чертова! Старика моего, отца то есть, столько били и колошматили во всех этих стачках, столько травм он получил, что совсем озверел. Говорил, что с удовольствием взорвал бы эту бойню, где работал: заложил бы динамиту, и все дела. Ему зарядом картечи в грудь перепало во время беспорядков.

— Постой-ка… — прервал его Нилсон. — Твой отец Рой Нолан, что ли?

— Ага. Три года как убили его.

— Боже ты мой… — пробормотал Нилсон, — так он же знаменитость был, опасный малый! Рассказывали, что он пятерых копов голыми руками в одиночку уложить мог.

— Похоже, так и было, — осклабился Джим, — только что толку, если после такого стоило ему за порог выйти, а его там уже шестеро копов поджидают! И тут уж оттягиваются по полной! Он домой весь в крови возвращался. Придет, бывало, и сидит как куль на кухне возле плиты. Слова не вымолвит. Тут уж мы знали, что надо его в покое оставить, не приставать с расспросами, а не то заревет. Позже, когда ему мать раны врачевала, он стонал и скулил, как пес побитый. — Джим помолчал. — Знаешь, он ведь забойщиком работал, так на бойне кровь теплую пил, чтобы

силы были.

Нилсон бросил на Джима быстрый взгляд и тут же отвел глаза. Помусолил карточку с заявлением — завернул уголок, потом разгладил ногтем большого пальца.

— Мать-то жива? — спросил он осторожно, мягко.

Джим прищурился:

— Месяц как померла. Я в тюрьме был. Тридцать суток за бродяжничество. Узнал, что мать при смерти. Отпустили домой с полицейским. Болезни никакой у нее вроде заметно не было, только не говорила она. Мать католичка была, но в церковь отец мой ее не пускал. Терпеть он не мог церквей этих. Я спросил ее, может, она священника позвать хочет, но она не ответила — глядит на меня и молчит. Под утро часам к четырем померла. Внезапно как-то… Тихо… Ни с того ни с сего. На похороны я не пошел. Они бы разрешили, да я сам не захотел. Думаю, ей просто жить надоело, а в ад потом или нет, тоже уже все равно было.

Гарри встрепенулся, нервно бросил:

— Кофе-то пей! Хочешь, еще налью? Ты словно в полусне… Как у тебя с зависимостью?

— Ты про наркотики? Нет, не употребляю. Да и

не пью я даже.

Взяв листок бумаги, Гарри сделал на нем какие-то пометки.

— Как случилось, что ты вдруг бродягой заделался?

— Я у Талмена в универмаге работал, — с азартом принялся объяснять Джим, — начальником упаковочного цеха. Раз вечером в кино пошел, а когда возвращался, вижу, на Линкольн-сквер толпа собралась. Остановился узнать, в чем дело. Посередке парень речь держит. Я на постамент памятника сенатору Моргану влез, чтобы разглядеть получше, и тут слышу — сирены завыли. Спецотряд по разгону митингов тут как тут. И за спиной у меня другой отряд, так меня из-за спины коп и ударил прямо в затылок! А когда я в себя пришел, выяснилось, что меня уже успели в бродяги записать. Я ведь не сразу понял, что к чему, так здорово меня оглоушили. Саданули прямо вот сюда… — Джим тронул затылок у основания черепа. — Я объяснял им, что никакой я не бродяга, что работа у меня есть, и попросил связаться с мистером Уэббом, управляющим у Талмена. Связались, Уэбб спросил, где меня взяли, сержант и скажи: «На митинге радикалов». Ну, и мистер Уэбб тут же и заявил, что знать меня не

знает, даже имени моего не слыхал никогда. Вот тут-то меня в тюрьму и замели.

Нилсон опять включил плитку. Вновь забулькал кофе в кофейнике.

— Ты как пьяный, Джим. Что с тобой происходит?

— Не знаю. Словно умерло во мне что-то. И прошлое отлетело. Я перед тем, как сюда прийти, из меблирашек выписался, ушел. А ведь у меня еще неделя проживания оставалась оплаченной. Наплевать. Не хочу туда возвращаться. Хочу, чтоб с концами.

Нилсон доверху наполнил обе чашки.

— Послушай меня, Джим. Мне следует обрисовать тебе всю картину, чтобы ты уяснил себе, каково это — быть членом партии. Тебе дают право голосовать за каждое решение, но после того, как голосование проведено и решение принято, ты обязан ему подчиниться. Когда у нас есть деньги, мы нашим уполномоченным на местах по двадцать долларов выдаем на пропитание. Только не припомню, чтобы были у нас когда-нибудь деньги. Прибыв на место, ты будешь работать там наравне с местными, а партийная работа — это уж после рабочего дня. На круг выходит по шестнадцать-восемнадцать часов в сутки. И

кормиться сам, чем сможешь. Выдюжишь, как тебе кажется?

— Выдюжу.

Легкими касаниями пальцев Нилсон пробежал по столу.

— Даже те, ради кого ты стараешься, в большинстве своем станут тебя ненавидеть. Ты это понимаешь?

— Понимаю.

— Так почему же тогда ты хочешь вступить в партию?

Трудный этот вопрос вызвал у Джима замешательство. Серые глаза его прищурились. Подумав, он сказал:

— В тюрьме сидели несколько партийцев. Они беседовали со мной. В моей жизни все всегда было так запутанно, такая сумятица… А в их жизни никакой сумятицы не было. Они работали, двигаясь к какой-то цели. Я тоже хочу работать, двигаясь к цели. Во мне словно умерло что-то. И я подумал, что так может получиться вновь ожить.

Нилсон кивнул:

— Понимаю. Ты чертовски прав. Понимаю. Сколько лет ты в школе проучился?

— В средней только год с лишним пробыл. Потом работать пошел.

— Но говоришь ты так, словно проучился подольше.

Джим улыбнулся:

— Я книжек много прочел. Мой старик был против того, чтобы я книжки читал. Говорил, из-за них я от своих совсем отобьюсь. А я все же читал. Однажды я в парке с одним человеком познакомился. Он стал для меня списки составлять, что прочесть следует. Ой, я читал и читал как проклятый. Там в списке Платон был с его «Республикой», и «Утопия», и Беллами, и Геродот, и Гиббон, и Маколей, и Карлейль, и Прескотт, и еще философы всякие, типа Спинозы и Гегеля с Кантом, и Ницше, и Шопенгауэр. Он даже «Капитал» меня заставил одолеть. Человек этот сам себя чудаком называл, говорил, что хочет представление иметь о вещах самых разных, чтобы ничего не принимать на веру. Вот и книги подбирал соответствующие.

Гарри Нилсон помолчал, потом сказал:

— Ты должен понять, почему мы так осторожничаем. Ведь наказаний мы признаем только два — выговор и исключение. Ты всей душой стремишься в партию. Я собираюсь тебя рекомендовать, потому что, по-моему, человек ты хороший, но, конечно, могут тебя и забаллоти-

ровать.

— Спасибо тебе.

— Теперь послушай, что скажу. У тебя имеются родственники, которые могут пострадать, если ты будешь работать под настоящей своей фамилией?

— У меня дядя имеется. Теодор Нолан. Механик. Но Ноланов-то пруд пруди… Фамилия распространенная.

— Пожалуй, это так. Деньги у тебя есть?

— Примерно три доллара осталось. Было больше, да я на похороны потратился.

— Ну а остановиться где планируешь?

— Не знаю даже. Я все прежнее оборвал. Хотел начать жизнь заново, чтобы ничто надо мной не висело и меня не давило.

Нилсон покосился на раскладушку.

— Я тут и живу, в конторе. Сплю, и ем, и работаю — все тут. Если ты не против на полу спать, можешь здесь несколько деньков перекантоваться.

Лицо у Джима расплылось в счастливой улыбке.

— Да я с удовольствием. Шконки в тюрьме уж никак не мягче твоего пола.

— Ты поужинал?

— Да я и забыл об ужине.

— Если ты думаешь, что я тебя облапошить хочу, подвох какой подозреваешь, то дело твое, — сварливо пробурчал Нилсон. — Только денег у меня нет, а у тебя всего три доллара.

— Да брось ты! — засмеялся Джим. — На вяленую сельдь, сыр и хлеб хватит. А завтра мы еще накупим всякого разного и тушеное рагу соорудим. Я умею первоклассное рагу готовить.

Гарри Нилсон разлил по кружкам остаток кофе.

— Вот ты и просыпаться начал, Джим. И выглядишь получше. Но во что ты влезть хочешь, тебе неведомо. Рассказать тебе я могу много кой-чего, только все это будет без толку, пока собственной шкурой не почувствуешь.

Джим окинул его невозмутимым взглядом.

— С тобой случалось, чтобы, когда ты достигал мастерства в своем деле и надеялся на повышение, тут тебя как раз и увольняли, а на твое место брали другого? Рассуждения о славных традициях родного предприятия, о верности этим традициям слушать приходилось? Причем традиция-то одна: шпионить за теми, кто рядом! Только это им от тебя и надо! Так что терять мне, черт побери, нечего!

— Кроме одного только, — тихонько прогово-

рил Гарри, — ненависти. Ты удивишься, когда поймешь, что перестал ненавидеть людей. Не знаю, по какой причине, но так происходит всегда.

Глава 2

Весь день Джим места себе не находил и метался по комнате. Погруженный в кропотливую работу Гарри Нилсон то и дело негодующе косился на него.

— Слушай, — наконец не выдержал он, — ты можешь и один пойти, если тебе так неймется. Почему бы и нет. Но если потерпишь еще часок, то я с тобой пойду. Просто мне мою писанину закончить надо.

— Я все думаю, так ли уж обязательно менять фамилию, — сказал Джим. — Может, это как-то отражается на человеке?

— Когда выполняешь поручения одно другого труднее и арестовывают тебя не однажды, и берешь ты фамилию то одну, то другую, тебе что фамилия, что номер арестантский — разницы нет.

Стоя у окна, Джим глядел вниз на улицу. Напротив были стена и узкий проулок между двумя зданиями. Ватага мальчишек, сгрудившись у стены, била в нее мячом. Даже через стекло доносились их громкие крики.

— В детстве я столько времени проводил в играх этих, — сказал Джим. — А еще больше, как помнится, в драках. Интересно, дерутся теперешние мальчишки, как мы когда-то дрались?

— Конечно, — отвечал Гарри, не отрывая глаз от работы. — Глянешь в окно — вечно они там. И дерутся не хуже прежнего.

— У меня сестра была, — продолжал Джим, — так в играх она могла обштопать любого. В шарики играла так, что с десяти шагов расколоть могла самый твердый, ей-богу, Гарри, я сам видел, да и в орлянке ей равных не было.

Гарри вскинул голову:

— Не знал я про сестру… А что с ней сталось?

— Мне это неизвестно.

— Неизвестно?

— Ага. Как ни смешно это может показаться. Нет, я не о том, что смешно, просто бывает такое в жизни…

— Ты что сказать хочешь? Тебе неизвестно, что произошло с сестрой?

Гарри даже карандаш выронил.

— Ну, могу поделиться с тобой всей историей. Звали ее Мэй, и была она на год старше меня. Спали мы с ней в кухне — порознь, конечно, на отдельных койках спали. Когда Мэй было около

четырнадцати, а мне около тринадцати, она отгородила угол простыней, вроде как чуланчик себе соорудила, чтобы там одеваться-раздеваться. И хихикать много моду взяла. Сидит, бывало, с другими девчонками на лестнице, и хихикают они там, пересмеиваются. Веселятся, одним словом. Блондинка она была, волосы такие светлые. Что называется, хорошенькая. И вот однажды вечером возвращаюсь я домой после игры в мяч. На углу Двадцать третьей и Фултон мы играли, там тогда пустырь был, где теперь банк. Мать спрашивает: «Мэй там на лестнице не видел?» «Нет», — говорю. Потом старик с работы вернулся. «А где Мэй?» — спрашивает. Мать говорит: «Еще не возвращалась».

Подождали немного с ужином. Потом отец подбородок выпятил — бесится, значит. «Хватит, — говорит. — Ставь еду на стол! Вольничает слишком Мэй. Осмелела что-то очень. Думает, если вымахала большая, так и ремня на нее нет!»

У матери глаза голубые были, очень светлые. А тут, помнится, совсем побелели. Словно камушки белые сделались. Поужинали, и старик мой сел в свое кресло у плиты. Сидит, и злость в нем все больше закипает. Мать рядом с ним сидит. Я спать лег. Заметил, что от отца мать отвернулась

и губы у нее шевелятся. Видать, молилась она. Она ведь католичкой была, а отец терпеть не мог церкви все эти. Он то и дело бурчать принимался, все грозился задать Мэй жару, когда вернется.

Часам к одиннадцати отец с матерью к себе пошли спать, но свет в кухне гореть оставили, и было слышно, что они все разговаривают и разговаривают друг с другом. Ночью я как ни проснусь, ни встану, мать тут же из комнаты своей выглядывает, а глаза у нее по-прежнему как белые камушки.

Отойдя от окна, Джим присел на раскладушку. Гарри ковырял карандашом столешницу. И Джим продолжил:

— Наутро, когда я проснулся, солнышко светило вовсю, а свет в кухне все горел. Странным это казалось, и как-то тоскливо становилось от этого света среди бела дня. Вскоре мать из комнаты своей вышла, плиту разожгла. Лицо у нее было как каменное, и смотрела она в одну точку. Потом и отец появился. Вид у него был пришибленный — точно вдарили ему между глаз. И молчит — слова не вымолвит. Уже на работу собираясь, стоя в дверях, бросил: «Я, пожалуй, в участок загляну. Может, она под машину угодила».

Ну, я в школу отправился, а сразу после школы

— домой. Мать велела мне девчонок порасспрашивать, не видали ли Мэй. К тому времени уже слух пошел, что Мэй пропала. Девчонки уверяли, что никто из них Мэй не видел. Отвечали робко, выглядели напуганными. Вернулся отец. На обратном пути с работы он в полицию успел завернуть. Сказал: «Копы приметы ее взяли. Обещали быть начеку».

Вечер прошел как предыдущий. Мой старик и мама сидели рядышком, только теперь старик уже не бурчал. И опять всю ночь свет горел. Назавтра отец опять в участок наведался. Копы сыщика прислали опросить ребят соседских, и к матери полицейский пришел — побеседовать. Кончилось тем, что розыск объявили. И все. Больше мы ничего не знаем и с тех пор о ней не слышали.

Гарри упер карандаш в стол и сломал грифель.

— А с парнями постарше она не водилась? Может, сбежала с кем-нибудь, кто повзрослее?

— Не знаю я. Девчонки говорили, что нет, не водилась. Они бы знали.

— Но ты хоть подозрения имеешь, что такое могло случиться?

— Нет, пропала, и все. С глаз долой. То же самое с Бертой Райли произошло двумя годами позже

— исчезла, и с концами.

Джим потер подбородок.

— Может, это только воображение мое, но мне все казалось, что мать с тех пор еще тише стала, притихла. Двигалась как автомат. И все помалкивала, слова лишнего из нее не вытянешь. И глаза у нее потухли, будто помертвели. А старик мой от всего этого еще пуще озлился. Кулаки распускать стал. На работу шел — мастера побил с мясокомбината Монеля. Ему девяносто суток ареста дали за оскорбление действием.

Гарри, поглядев в окно, неожиданно положил карандаш и встал.

— Пошли, — велел он. — Отведу тебя на место. Пора сбыть тебя с рук, чтоб закончить наконец доклад. Этим и займусь, когда вернусь.

Джим снял с радиатора две пары влажных еще носков, свернул их и бросил в бумажный пакет.

— На новом месте досушу, — сказал он.

Гарри надел шляпу и, сложив листки с докладом, сунул их в карман.

— В любую минуту сюда копы могут заявиться, — пояснил он. — Так что я стараюсь ничего здесь не оставлять.

Уходя, он запер дверь.

Они прошли через деловой центр города, мино-

вали район многоквартирных домов и очутились наконец среди старинных домов с палисадниками. Гарри свернул на подъездную аллею.

— Пришли. Вот здесь. За этим домом.

Следуя по гравийной дорожке, они обогнули дом, за которым обнаружилась маленькая свежевыкрашенная хижина. Подойдя к двери, Гарри распахнул ее и жестом пригласил Джима войти.

В хижине оказалась всего одна большая комната с кухонькой. В комнате стояло шесть железных коек, застеленных одеялами из грубого солдатского сукна, и находились трое мужчин. Двое из них лежали на койках, третий, плотный, с лицом закаленного в боях боксера-профессионала, медленно тюкал на пишущей машинке.

Едва Гарри открыл дверь, он вскинул на него глаза, тут же встал и с широкой улыбкой двинулся ему навстречу.

— Привет, Гарри! — воскликнул он. — Зачем пожаловал?

— Это Джим Нолан, — объяснил Гарри. — Помнишь, о нем шла речь намедни? А это, Джим, Мак, человек, который агитработу знает как свои пять пальцев, другого такого не сыщешь во всем штате.

Мак сверкнул зубами в улыбке.

— Рад видеть тебя, Джим! — сказал он.

— Возьми над ним шефство, Мак, — торопливо произнес Гарри, уже стоя в дверях. — И к делу приспособь. А меня работа ждет.

Он помахал рукой двум лежавшим на койках:

— Привет, мальчики!

Когда дверь за ним захлопнулась, Джим огляделся. Дощатые стены комнаты были голы, а единственный стул стоял возле пишущей машинки. Из кухоньки несся запах стоявшей на огне солонины. Джим перевел взгляд на Мака — широкоплечий, длиннорукий, лицо скуластое и плоское, как у скандинава. Губы сухие, потрескавшиеся. Джиму он ответил таким же пристальным взглядом.

— Вот у собак, — неожиданно произнес он, — у них все проще. Обнюхали друг друга — и дело с концом: либо друзья, либо грызутся. Но Гарри говорит, что ты парень подходящий, а Гарри понимает, что к чему. Давай с ребятами тебя познакомлю. Вот этот, бледный, Дик, наш сердцеед. Сколько пирогов и пирожных получили мы через него, не сосчитать!

Лежавший на койке бледный темноволосый парень осклабился и протянул Джиму руку.

— Видишь, какой он красавчик? — продолжал

Мак. — Мы зовем его Приманка. Рассказывает женщинам о рабочем движении, а те взамен шлют нам пирожные с розовой глазурью! Правда, Дик?

— Пошел к черту! — беззлобно отозвался тот.

Взяв Джима под локоть, Мак подвел к человеку на другой койке. Определить, сколько тому лет, было бы затруднительно: лицо изможденное, иссеченное морщинами, нос расплющен, а тяжелая челюсть искривлена.

— Это Джой, — представил его Мак. — Джой — наш ветеран. Верно, Джой?

— Да уж, черт возьми! — произнес Джой, глаза его ярко вспыхнули, но свет в них сразу же и погас. Джой открыл было рот, чтобы продолжить речь, но повторил лишь свое «да уж, черт возьми!», повторил с важностью, будто завершая этим некий спор. Он поглаживал рукой другую руку, и Джим заметил, что руки у него изуродованы шрамами.

— Джой руки тебе подать не может, — объяснил Мак. — У него все кости переломаны, и от рукопожатий ему больно.

Глаза у Джоя опять сверкнули.

— А все почему? — выкрикнул он пронзительно. — Потому что били меня, нещадно били! К

решетке тюремной наручниками приковывали и давай по голове лупить! И копытами лошадиными давили тоже. Мутузили меня почем зря! Верно, Мак?

— Верно, Джой.

— А сдрейфил я хоть раз, Мак, скажи! Нет, я в лицо их суками обзывал, и кричал, и кричал им это до последнего, пока сознание не терял!

— Все так, Джой. А держал бы рот на замке, не били бы тебя до потери сознания.

— Да разве и вправду не суки они конченые! — Голос у Джоя так и взвился, поднявшись до визга. — Вот я и кричал им это. И пусть били они меня по голове, когда я в наручниках пошевелиться не мог, пусть копытами давили! Видишь руку мою? Мне на нее лошадь ихняя копытом наступила! Все равно я им это в лицо кричал и кричать буду! Да, Мак?

Склонившись к Джою, Мак похлопал его по плечу:

— Да, Джой, конечно! Никто не заставит тебя смириться!

— Точно, черт возьми! — пробормотал Джой, и свет в его глазах вновь померк.

— Пойдем-ка сюда, Джим, — позвал Мак, увлекая его в дальний угол комнаты, к стоявшей на

маленьком столике пишущей машинке. — Печатать умеешь?

— Немножко.

— Вот и отлично. Можешь сразу к работе и приступать. — И вполголоса добавил: — А Джоя ты не пугайся. Ему малость мозги отшибло. Слишком уж часто по голове доставалось. Мы присматриваем за ним и в обиду не даем, уберечь от неприятностей стараемся.

— С моим стариком похоже было, — сказал Джим. — Однажды вижу, он по улице идет и словно круги выписывает, на ходу влево его заносит. Пришлось ему подсобить, чтобы шел ровно. Скэб[2] его медным кастетом по уху съездил, так у него, кажется, с равновесием что-то сделалось.

— Вот. Гляди, — показал Мак. — Это текст документа-обращения. В машинку я четыре копирки заложил. Нужны двадцать копий. Сделаешь, пока я ужин сварганю?

— Конечно.

— И жми на клавиши посильнее — копирка-то плоховата.

Мак удалился в кухню, крикнув: «Давай-ка, Дик, почисти лучку, если не боишься запаха этого

---

[2] Примечания: 2
Скэб — штрейкбрехер.

жуткого!»

Дик встал и, засучив рукава белой рубашки едва ли не выше локтя, последовал за Маком в кухню.

Чуть только Джим приноровился к небыстрому и раздумчивому печатанию, как к нему приковылял Джой.

— Кто производит продукт? — требовательно вопросил он.

— Ну… рабочие производят.

На лице у Джоя отобразилась хитроватая ухмылка некоего сокровенного знания.

— А прибыль кто получает?

— Те, кто вкладывает деньги.

— Но они же не производят ни черта! — вскричал Джой. — Так какое же право они имеют прибыль себе забирать!

Из кухни выглянул Мак. И поспешил на крик, держа в руках половник.

— Послушай, Джой, — сказал он. — Кончай ты своих агитировать! Ей-богу, мне кажется иногда, что ребята наши только тем и заняты, что друг друга агитируют! Пойди ляг, Джой. Отдохни. Джиму работу надо сделать. Вот закончит он работу, и я, может, поручу тебе несколько конвертов — адреса писать.

— Правда, Мак? Ну, я ведь говорил им все как есть, да, Мак? Все, что думал, выкладывал. Даже когда били меня, я не молчал!

Ласково взяв его под локоть, Мак отвел Джоя к койке.

— Вот тебе экземпляр «Нью мэссиз»[3], Джой. Посмотри картинки, а я пока стряпать докончу.

Джим продолжал тюкать пальцем, печатая текст документа. Четырежды отпечатав текст, он сложил возле машинки стопку из двадцати копий и крикнул в сторону кухни: «Готово, Мак!»

Мак подошел, просмотрел копии.

— Ты здорово печатаешь, Джим. И помарок считай нет… Вот тебе конверты. Вложи в них обращения. Поедим, тогда подпишем адреса.

Мак разложил по тарелкам солонину, картошку, морковь и нарезанный сырой лук. Все разошлись по койкам — есть. В комнате было сумрачно, пока Мак не зажег свисавшую из центра потолка мощную лампочку без абажура.

Когда тарелки опустели, Мак опять пошел в кухню и вернулся оттуда с блюдом кексов.

---

[3] Примечания: 3

«Нью мэссиз» — официальный орган Коммунистической партии США. Основанный в 1926 году, выходил раз в неделю. После кратковременной приостановки в 1933 году в январе 1934 года возобновил выход, оставаясь еженедельником вплоть до 1949 года, когда слился с ежеквартальником «Мэссиз энд мейнстрим».

— Вот еще одна часть партийных обязанностей Дика. Он использует постель в политических целях. Рекомендую вам, джентльмены: Дю Барри[4] нашей партии!

— Пошел к черту! — отозвался Дик.

Мак взял с койки Джима заклеенные конверты.

— Здесь у меня двадцать писем с обращениями. Каждый подпишет адрес на пяти конвертах. — Отодвинув на край стола тарелки, он достал из выдвижного ящика ручку и склянку чернил. Затем вытащил из кармана список и аккуратно написал адреса на пяти конвертах. — Твоя очередь, Джимми. Напишешь адреса на этих пяти.

— Зачем это? — удивился Джим.

— Ну, может, это особо и ни к чему, а может, и к чему. Ведь нашу почту частенько перехватывают. Вот я и подумал, что шпикам, может, потруднее будет, если адреса написать разными почерками. Мы письма в почтовые ящики кинем. Зачем на неприятности нарываться?

Пока еще два парня писали свою порцию адресов, Джим убрал со стола посуду, отнес ее в кухню, поставил стопкой на край раковины. Когда он

---

[4] Примечания: 4

Дю Барри, Жанна Бекю, графиня (1743–1793) — последняя фаворитка и любовница Людовика XV. Гильотирована во время террора.

вернулся в комнату, Мак клеил марки на конверты и совал письма в карман.

— Дик, — сказал он, — сегодня посуду тебе с Джоем мыть. Вчера вечером я один с этим справился. А сейчас иду письма отправлять. Хочешь со мной пойти, Джим?

— Ясно, хочу, — кивнул Джим. — У меня доллар есть. Я кофе куплю, и мы, когда вернемся, кофейку выпьем.

Мак протянул руку:

— Нет, кофе у нас есть, на доллар мы лучше марок купим.

И Джим отдал ему доллар.

— Ну вот, теперь я чист, — сказал он. — Теперь у меня ни цента не осталось.

Вслед за Маком он вышел в вечерний сумрак, и они направились по улице, глядя по сторонам в поисках почтовых ящиков.

— А что, Джой действительно не в себе? — спросил Джим.

— Ну да, порядком не в себе. Знаешь, последний случай с ним был самым тяжелым. Джой в парикмахерской речь держал, парикмахер сделал звоночек, и на митинг полиция нагрянула. Ну, Джой драться-то мастак, пришлось им челюсть ему дубинкой сломать, чтобы не брыкался, когда

его в каталажку тащили. Не знаю уж, как ухитрялся Джой говорить со сломанной челюстью, но, похоже, он и доктора тюремного агитировал, потому что тот заявил, что не станет лечить «этих чертовых красных», и Джой промаялся в тюрьме целых три дня со своей челюстью. Вот с той поры он малость с катушек и слетел. Думаю, недолго ему на свободе гулять осталось — упекут. Слишком часто по башке получал.

— Бедняга, — пробормотал Джим.

Вынув из кармана ворох конвертов, Мак подобрал из них пять с разными почерками.

— Что ж, Джой никогда не умел язык свой придержать. Ты на Дика погляди. Ни одной царапинки на нем! А ведь в крутости наш красавчик Джою не уступит, только знает, когда показывать ее стоит. Схватят его, бывало, копы, а он им тут же: «сэр», уважительно так, и вот они в нем уже души не чают, и не успеешь оглянуться — он на свободе! А у Джоя соображения не больше, чем у бульдога!

Возле самой Линкольн-сквер, на обочине, отыскался последний из четырех требующихся ящиков. Мак бросил туда свои конверты, и они неспешно двинулись по брусчатой дорожке парка, на которой уже валялись кленовые листья.

Лишь некоторые скамейки на аллеях были заняты. На высоких столбах зажглись фонари, и на землю легли черные тени деревьев. Неподалеку от центра Линкольн-сквер высился памятник бородатому мужчине во фраке. Джим указал на памятник.

— Вон там я на постаменте стоял, — заметил он, — разглядеть, что происходит, пытался. А коп, видать, подскочил и шмякнул меня по шее, сильно так, как муху прихлопывают. Догадываюсь поэтому, каково Джою приходится. У меня ведь и самого дней пять с головой плохо было. Какие-то мелкие картинки мелькали, а что к чему, понять не мог. Прямо в затылок меня угораздило.

Мак завернул к скамейке, сел.

— Да знаю я, — сказал он. — Читал доклад Гарри. И только одно это тебя в партию вступить подтолкнуло?

— Нет, — ответил Джим. — В тюрьме в камере со мной еще пятеро сидели, тогда же задержанных — мексиканец, негр, еврей, ну, и двое других — американцы, вроде меня — обычных смешанных кровей то есть. Они, понятное дело, разговоры со мной вели. Но не это меня подтолкнуло. Читать-то читал я побольше ихнего. — Джим поднял с земли кленовый листок и стал задумчиво от-

щипывать его края, превращая лист в округлое подобие ладони со скелетиком из жилок внутри. — Понимаешь, — сказал он. — Дома нам все время бороться приходилось с тем или иным, в основном с голодом. Отец с хозяевами своими боролся. Я тоже боролся — в школе. И всегда мы в проигрыше оказывались, так что постепенно, думаю, это как бы нам в мозг впечаталось, что все равно мы всегда проиграем. Мой старик бился, точно кот, которого в угол свора собак загнала. Рано или поздно та или иная псина его прикончит, а он все равно бьется, отбивается. Можешь ты понять, каково это — чувствовать безнадежность? Я вот рос с ощущением безнадежности.

— Понимаю тебя, — сказал Мак. — Миллионам людей это знакомо.

Джим помахал ободранным листком, пропустил его между пальцами — большим и указательным.

— Я больше скажу, — продолжал он, — дом, где мы жили, был вечно полон злобы. Злоба витала в воздухе, подавленная лютая злоба — на хозяина, на управляющего, на лавочника, когда он кредит закрывал. От злобы этой нам самим тошно было, а куда денешься!

— Ты давай выруливай поскорее, — поторопил

его Мак. — А то не пойму, к чему ты клонишь. Может, объяснишь все-таки.

Вскочив с места, Джим стеганул себя по руке ободранным кленовым листком.

— Сейчас объясню суть. В камере со мной сидели люди, выросшие в обстановке вроде как у меня, а у некоторых и того хуже. В них тоже чувствовалась злоба, но другого рода. Каждый из них не хозяина своего ненавидел или там мясника. Они ненавидели всю эту систему, из хозяев состоящую. Вот в чем разница, Мак. И безнадежности в них не было. Они не ярились, не кипятились, а работали, делали свое дело, но где-то в подкорке у них таилось убеждение, что они найдут способ выбраться из этой ненавистной им системы. В людях этих, хочешь — верь, хочешь — нет, даже спокойствие какое-то чувствовалось.

— Ты, кажется, меня агитировать вздумал? — саркастически усмехнулся Мак.

— Нет, просто объяснить тебе пытаюсь. Я никогда не знал, что такое надежда, что такое спокойствие, и мне этого ужас как не хватало. Может, я и больше знал о всяком там радикализме, о революционном движении, чем все эти люди, вместе взятые. И читал я больше, зато в них было то, к чему я так стремлюсь. А достигли они этого,

потому что дело делали, работали!

— Ну вот, ты поработал, письма перепечатал. Так что, лучше тебе теперь? — с едкой иронией осведомился Мак.

Джим вновь опустился на скамейку.

— Я этим с удовольствием занимался, Мак, — мягко ответил он. — Не знаю уж почему, но это так. Мне казалось, что я хорошее дело делаю. Что-то, в чем смысл есть. Раньше все, что я ни делал, мне бессмысленным представлялось — так, круговерть какая-то бестолковая. Думаю, меня не особо возмущало, что кто-то руки греет на всей этой бессмыслице, но очень уж обидно было себя крысой в крысоловке ощущать!

Мак вытянул ноги, а руки засунул в карманы.

— Ну, если от работы тебе так хорошо делается, — произнес он, — то впереди у тебя счастливое время. Если научишься готовить восковки и управляться с мимеографом, то я, похоже, смогу гарантировать тебе по двадцать часов счастья в день и, заметь, совершенно бесплатно.

Сказано это было вполне добродушно.

— Ты, Мак, важная шишка в организации, правда же? — спросил Джим.

— Я? Да нет, я говорю то или это, но никто не обязан слушаться. Никаких приказов отдавать я

не могу. Исполнению подлежат только те приказы, за которые проголосовали.

— Но все равно же к тебе прислушиваются, Мак. Чего мне на самом деле хочется, так это работать на местах, с людьми. Быть в гуще борьбы!

Мак усмехнулся.

— Пострадать хочешь, да? Вот уж не знаю, единственное, что мне известно, это что комитету до зарезу требуется хороший печатник. Придется тебе на время притушить в себе романтические порывы, отставить представления вроде «благородные рыцари партии бьются в кровь с чудовищем капитализма»!

Внезапно он переменил тон и словно в атаку бросился:

— Работа и там и там, понятно? На местах работать трудно и опасно, но не думай, что работа внутри организации — это сахар! Никогда не знаешь, в какой вечер вдруг шайка ребят из Американского легиона[5] нагрянет — ребят, накачанных виски и мелодиями полковых маршей. Ввалятся они и зададут тебе перцу. Я прошел, знаю, что говорю, уж поверь. Ветераны — это тебе не парни, которых призвали, чтобы они по

---

[5] Примечания: 5

Американский легион — организация ветеранов боевых действий, основанная в 1919 году после окончания Первой мировой войны.

полгода в тренировочном лагере в мешок с опилками штыком тыкали! Солдаты в окопах — те в основном дело другое, но для подстрекательства, поджогов и патриотических драк с кастетом в кулаке нет ничего лучше шайки из двадцати головорезов, солдат-ветеранов, ведущих занятия в тренировочном лагере. Да разве не смогут они родину защитить против безоружных, если их целых двадцать, да еще если вечерком они виски достать сумели! И все нашивки их за ранения достались им только потому, что пьяны были так, что не смогли до ближайшего профилактория доползти!

Джим хохотнул.

— Видать, не шибко любишь ты солдат, Мак!

— Почетных ветеранов не люблю. Я был во Франции. Там солдаты другие были — честные, порядочные, добродушные, туповатые, как скотина. Война им не нравилась, но они послушно делали, что требуется.

Он перевел дух, и Джим заметил, как по лицу его пробежала смущенная ухмылка.

— Что-то я распалился малость, да, Джим? Могу объяснить почему. В один прекрасный вечер десять таких бравых молодцов меня здорово побили. А после, когда я без сознания уже был, еще

и плясали на мне и правую руку мне сломали. А вдобавок дом материнский подожгли. Мать меня во двор сумела вытащить.

— Из-за чего это все? — спросил Джим. — Что ты такого сделал?

В голос Мака опять вернулись саркастические нотки.

— Что сделал? Ну как же! Основы подрывал! Свергал правительство! Я речь сказал, в которой было, что голодают, мол, некоторые. — Он встал. — Давай-ка возвращаться, Джим. Они уж там, поди, помыли тарелки. Не хотел я кипятиться, только рука искалеченная порою свербит, вот на стенку и лезешь от злости.

Они медленно пошли назад, люди на скамейках поджимали ноги при виде проходящих.

— Если ты, Мак, замолвишь словечко, с тем чтоб я работой на местах занялся, то я рад буду.

— Ладно. Но лучше бы ты освоил изготовление восковок и к мимеографу приспособился. Ты хороший парень, я рад, что с нами будешь.

Глава 3

Сидя под режущей глаза лампочкой, Джим печатал документы. Время от времени он останавливался, обратив лицо к двери. Кроме хрипловатого бульканья кастрюли в кухне, в доме было тихо. Доносившиеся издалека мягким гулом звон трамваев, шарканье ног прохожих на тротуаре перед домом делали тишину внутри еще полнее. Он взглянул на висевший на гвозде будильник, потом встал, пошел в кухню, помешал в кастрюле и прикрутил газ, превратив пламя всех горелок в крохотные голубые шарики.

Возвращаясь к машинке, он услышал торопливые шаги по гравийной дорожке. Дик ворвался в комнату.

— Мак еще не пришел?

— Нет, не пришел, — ответил Джим, — и Джоя тоже нет. Много собрал сегодня?

— Двадцать долларов, — сказал Дик.

— Господи, ну ты даешь, парень! И как это тебе удается, не знаю! На эти деньги мы месяц питаться сможем, если Мак их на марки не заберет. Прорва какая-то марки эти…

— Слышишь? — вскричал Дик. — По-моему, это шаги Мака!

— Или Джоя.

— Нет, это не Джой.

Дверь распахнулась, и в проеме появился Мак.

— Привет, Джим. Привет, Дик. Собрал сегодня денег с поклонниц?

— Двадцать долларов.

— Молодец!

— Знаешь, Мак, Джой сегодня это таки сделал!

— Что сделал?

— Толкал речь на углу, нес свою бредятину, коп его схватил, так Джой его в плечо ножиком пырнул перочинным. Джоя забрали и шьют ему умышленное нападение. Сейчас он в камере сидит и вопит как резаный, что все они суки.

— То-то утром мне показалось, что состояние у него похуже, чем обычно. Теперь слушай меня, Дик, утром мне уехать придется, так что действовать надо сегодня. Беги к автомату и позвони Джорджу Кемпу. Номер — Оттман сорок два одиннадцать, сообщишь ему все и объяснишь, что Джой не в себе. Пусть он подскочит туда, если сможет, и скажет, что он адвокат Джоя. За Джоем много чего числится, если они ему это припомнят — штук шесть подстрекательств к бунту,

не то двадцать, не то тридцать задержаний за бродяжничество, а вдобавок чуть ли не с дюжину случаев сопротивления полиции и актов непредумышленной агрессии. Он по полной получит, если Джордж не вмешается. Попроси Джорджа попытаться выдать его за пьяного. — Мак помолчал. — Господи боже, только бы бедняге на психиатрическую экспертизу не попасть! Ведь запрут его тогда на веки вечные! И вели Джорджу попробовать уговорить Джоя язык придержать. А когда сделаешь это, Дик, побегай пособирай денег на поручительство — может, получится.

— А можно я поем сперва? — спросил Дик.

— Нет, черт возьми. Сначала Джорджа туда направь. Да еще — дай мне десять из двадцати долларов. Мы с Джимом завтра в Торгас-Вэлли едем. Позвонишь Джорджу, вернешься и поешь. А потом обежишь сочувствующих — на поручительство соберешь. Бог даст, Джордж выбьет предписание и организует поручительство сегодня же.

— Идет.

И Дик быстрым шагом удалился.

Мак повернулся к Джиму:

— Думаю, придется им все-таки его навсегда изолировать. Дело слишком уж далеко зашло.

Впервые он за нож-то схватился.

Джим указал на пачку готовых документов-обращений на столе:

— Вот, Мак, эти сделал. Еще три осталось, и точка. А куда, ты сказал, мы едем?

— В Торгас-Вэлли. Там огромные, на тыщи акров тянутся, яблоневые сады. Яблоки созрели, снимать пора. И тыщи две кочующих сезонников там собралось. Ну а Союз садоводов объявил, что урезает оплату сборщикам. Те злы будут как черти. Если мы сможем раскачать их на большой шум, реально ему потом дальше, на хлопковые плантации в Тандейле перекинуться. А это будет уже кое-что. Всколыхнет многих! — Он потянул носом воздух. — Как вкусно пахнет! Готово уже?

— Сейчас на тарелки положу, — сказал Джим.

Он внес две глубокие тарелки, до половины наполненные густым варевом с кусочками мяса, картошки, моркови, бледными ломтиками репы и дымящимися цельными луковицами.

Поставив свою тарелку на стол, Мак попробовал еду.

— Черт, ей остыть требуется! Дело вот в чем, Джим: я всегда считал, что негоже посылать зеленых новичков в неспокойные районы. Слишком много ошибок наделают. Можно сколько угодно

изучать тактику — если и поможет, то не очень. Но я запомнил, о чем ты просил тогда в парке и что говорил в вечер первого нашего знакомства, поэтому, когда получил это задание — очень выигрышное, то поинтересовался, можно ли прихватить тебя в качестве дублера, что ли. В такого рода вылазках я-то дока, знаешь ли. Я обучу тебя, а ты потом новичков обучать сможешь. Ведь вот собак охотничьих как натаскивают? Пускают в одной своре со старыми, опытными. Ясно? Учиться-то лучше на практике, чем читая всякое разное. Бывал в Торгас-Вэлли, а, Джим?

Джим подул на горячий ломтик картофеля.

— Я даже где это, понятия не имею. Мне из города-то выезжать раза четыре за всю жизнь довелось. Спасибо, что берешь меня с собой, Мак.

Небольшие серые глаза Джима так и сияли от восторга.

— Да ты, может, с кулаками на меня кидаться станешь, прежде чем мы успеем улепетнуть оттуда в случае заварушки. Ведь не на пикник едем. Как я слыхал, Союз садоводов — организация серьезная и очень даже монолитная.

Джим оставил попытки справиться с горячим, как огонь, блюдом.

— Так как же мы действовать будем, Мак? С

чего начнем?

Окинув парня взглядом и заметив, как тот взволнован, Мак рассмеялся.

— Да не знаю я, Джим! В этом-то и беда всякого книжного знания. Работать приходится с тем, что есть, и всякий раз по-разному. И тут никакая в мире тактика не поможет. Даже двух одинаковых случаев не бывает.

Мак помолчал немного, налегая на еду, а когда тарелка опустела, вздохнул, выпустив изо рта облачко пара.

— Там у тебя на добавку хватит? А то я не наелся.

Пройдя в кухню, Джим наполнил ему тарелку новой порцией.

— Значит, так, — сказал Мак, — расклад такой. Торгас — долина небольшая, и там почти сплошь яблоневые сады. Владеют ими по большей части несколько крупных собственников. Есть, конечно, и мелкие владения, но их немного. Когда яблоки созревают, туда налетают кочующие сезонники — сборщики яблок. После, когда урожай собран, им прямая дорога через перевал на сбор хлопка. Если нам удастся устроить заварушку с яблоками, то она естественным образом может распространиться и туда, где хлопок собирают.

Так вот. Эти крупные владельцы яблоневых садов выждали, пока большинство бродяг-сезонников уже прибыли на место. Почти все свои деньги они успели потратить по дороге, добираясь до Торгаса. Дело обычное. И вот тут как раз садоводы и объявляют, что оплата сборщикам будет снижена. Сезонники, конечно, на дыбы. А что делать? Надо работать, яблоки снимать, хотя бы для того, чтобы оттуда выбраться.

Джим даже есть перестал. В раздумье он мешал ложкой еду — мясо и картофель, кругами, опять и опять. Затем подался вперед.

— Так мы попробуем, значит, поднять людей на забастовку? Да?

— Конечно. Может, там уже готово все взорваться, полыхнуть, а от нас требуется только толчок. Мы организуем людей и выставим пикеты в садах.

— А что, если владельцы поднимут плату, чтобы яблоки все же были собраны? — спросил Джим.

Мак отодвинул в сторону вторично вылизанную тарелку.

— Ну, в таком случае для нас вскорости отыщется другая работа в другом месте. Нам, черт возьми, не нужны временные подачки, отдель-

ные уступки, хотя мы и рады, конечно, были бы, если б нескольким бедолагам повезло немного заработать, поправить свое положение. Но надо мыслить перспективно. Забастовка, слишком быстро оканчивающаяся миром, не научит людей организовываться, сплачиваться для совместных действий. Нужна хорошая драчка! Мы хотим, чтобы люди поняли, какая они сила, когда действуют сообща, вместе!

— Нет, ну все-таки, — упорствовал Джим. — Предположим, что хозяева согласились на требования рабочих. Что тогда?

— Да не думаю, что они согласятся. В руках этих немногих большая сила. А люди в таких случаях становятся самонадеянными. Итак, мы начинаем забастовку, а власти Торгаса отвечают распоряжением считать всякое сборище незаконным. К чему это приводит? Мы все-таки собираем людей. Подручные шерифы делают попытку их разогнать, начинается драка. Нет ничего лучше для сплочения людей! Хозяева тогда в свой че-

ред обращаются в Комитет бдительности[6], эту дурацкую шайку прилипал — клерков и старых моих знакомцев из Американского легиона, молодящихся ветеранов, старательно затягивающих пояса потуже, чтобы пузо не так выпирало. Ну а нам это только на руку! «Бдительные» затеют стрельбу, грохнут нескольких сезонников, а мы тогда соберем толпу на похороны. И вот тут уж дела пойдут и взаправду круто: может быть, хозяевам придется даже и солдат Национальной гвардии вызывать! — Мак пыхтел от возбуждения. — Солдаты возьмут верх? Ладно! Пусть так! Только в ответ на каждый тычок гвардейского штыка в бродягу-сезонника на нашу сторону перейдет тысяча людей по всей стране! Господи, Джим, ради такого мы этих гвардейцев и сами бы вызвали! — Он опустился на койку. — Я что-то шибко размечтался. Пока что наша задача — толкнуть народ, если сможем, на маленькую, детскую такую забастовочку. Но, черт возьми,

[6] Примечания: 6

Комитеты бдительности впервые были организованы в Сан-Франциско в период «золотой лихорадки» (1849–1850), чтобы противодействовать угрозам нараставшей преступности. Подобный способ самоорганизации граждан время от времени возрождался, в особенности на американском Западе, в периоды общенациональной истерии, к каковым можно причислить, например, антигерманскую кампанию, развернувшуюся в Штатах после вступления страны в Первую мировую войну.

Джим, если сейчас, когда сбор урожая на носу, до Национальной гвардии дело дойдет, то к весне весь округ наш будет.

Джим ерзал на койке — глаза горят, зубы стиснуты. Он то и дело нервно хватался за горло.

— Эти кретины думают, что солдатами можно усмирить бастующих! — продолжал Мак. Внезапно он рассмеялся: — Опять я из себя уличного оратора корчу. Завожусь с пол-оборота! Ни к чему это. Надо мыслить здраво. Ой, да, Джим, рабочие штаны у тебя имеются?

— Нет. Единственная моя одежда — это то, что на мне.

— Что ж, в таком случае придется нам выйти и купить тебе штаны какие-нибудь рабочие в лавке подержанных вещей. Ты же будешь яблоки снимать. Спать в ночлежках. А партийной работой заниматься после того, как в саду десять часов оттрубишь. Но ты же хотел такой работы!

— Спасибо тебе, Мак, — сказал Джим. — Мой старик всю жизнь в одиночку дрался. Вот и били его поэтому.

Мак встал, наклонился над Джимом:

— Допечатай-ка что осталось, Джим, и пойдем покупать тебе штаны!

Глава 4

Солнце еще только-только яснее обозначило очертания городских зданий, когда Мак с Джимом вышли к сортировочной станции, где сияющие металлом рельсы, то сбегаясь, то разбегаясь, ширились в гигантскую паутину запасных путей и рядами стоящих вагонов.

— В семь тридцать отсюда товарный отойти должен, — сказал Мак. — Порожняком. Давай подальше пройдем по этой вот ветке. — И он быстрым шагом направился туда, где путаница бесчисленных линий и ответвлений от них превращалась в главную магистраль.

— Мы что, на ходу в него запрыгивать будем? — удивился Джим.

— О, да он не быстро идти будет. Я и позабыл совсем, что раньше тебе не приходилось товарняк ловить. Правда ведь?

Джим старался шагать пошире, чтобы не наступать на все шпалы подряд. Оказалось, не так-то это просто.

— Похоже, мне раньше вообще мало что приходилось делать, — признался он. — Для меня

все так внове.

— Сейчас-то это что, железнодорожники дозволяют парням так путешествовать, а раньше, если тебя ловили, сбрасывали с поезда прямо на ходу — без разговоров — и на рельсы!

Сбоку от них тянула гусиную шею черной своей трубы водонапорная башня. Паутина пересекающихся путей осталась позади, и вдаль устремлялась лишь одна истертая колесами колея с отполированными до зеркального блеска рельсами.

— Можно присесть передохнуть чуток, — предложил Мак. — Скоро появится.

Конец фразы утонул в долгом и заунывном, словно вой, паровозном свистке, сопровождаемом протяжным и оглушительным выпуском пара. И как по сигналу из ближайшей к железнодорожному полотну канавы стали подниматься и лениво потягиваться на утреннем солнышке люди.

— Вот и компания нам будет, — заметил Мак.

Длинный товарный состав из пустых вагонов медленно двигался от сортировочной — красные закрытые вагоны, желтые рефрижераторы, черные железные лодочки платформ, круглые цистерны. Состав шел со скоростью, едва ли

превышающей скорость пешехода, и машинист поприветствовал людей в канаве взмахом черной засаленной рукавицы. «На пикник собрались?» — крикнул он игриво и выпустил под колеса новую порцию белого пара.

— Нам закрытый вагон нужен, — сказал Мак. — Вот он! Дверь приоткрыта!

Семеня вровень с вагоном, он толкнул дверь и крикнул:

— Подсоби!

Ухватив ручку двери, Джим приналег на нее всем телом. Тяжелая задвижная дверь со ржавым скрежетом сдвинулась, расширив отверстие еще на несколько футов. Мак, опершись руками о порожек, подпрыгнул, развернулся в воздухе и очутился в двери уже в положении сидя. Он тут же встал и посторонился, позволив тем самым Джиму повторить его маневр. Пол вагона был замусорен кусками содранной со стен бумажной прокладки. Пихая ногами бумагу, Мак собрал ее в кучу возле стены.

— Набери и себе тоже! — крикнул он Джиму. — Хорошая подстилка получится!

Но не успел Джим набрать себе бумаги, как в двери появилась чья-то голова. В вагон впрыгнул мужчина, а за ним еще двое.

Первый мужчина окинул быстрым взглядом пол вагона и, подступив к сидящему Маку, угрожающе навис над ним:

— Все заграбастал, да?

— Что я заграбастал?

— Бумагу. Всю сгреб подчистую!

Мак улыбнулся обезоруживающей улыбкой.

— Мы же не знали, что к нам гости пожалуют. — Он встал. — Бери себе, пожалуйста.

Секунду мужчина, приоткрыв рот, недоуменно глядел на Мака, а потом, наклонившись, ухватил в охапку всю его бумажную подстилку.

Мак легонько тронул его за плечо.

— Слышь, ты, сопляк вонючий, — ровным голосом, гнусаво произнес он. — Положи-ка все на место. Хочешь свинячить, так ничего не получишь!

Мужчина уронил бумагу.

— Ты меня, кажется, уделать вздумал? — вопросил он.

Неспешно отойдя на несколько шагов, Мак привстал на цыпочки, покачался на носках, ладони раскрыты, руки свободно висят вдоль тела.

— На боксерских состязаниях на стадионе Розанна бывать приходилось?

— Ну, приходилось. Дальше что?

— А то, что врешь как сивый мерин. Если бы приходилось, ты бы знал, кто я есть и что лучше тебе быть со мной поаккуратнее.

На лице у мужчины появилось выражение замешательства. Он с тревогой покосился на двух своих спутников. Один из них, стоя в дверном проеме, неотрывно глядел на проплывающий мимо пейзаж. Другой сосредоточенно ковырял в носу кончиком банданы и с интересом разглядывал результаты раскопок. Первый мужчина вновь перевел взгляд на Мака:

— Я что? Я в драку не лезу. Мне бы только бумаги немного, чтоб сесть.

Мак встал на полную ступню.

— Ладно, — сказал он. — Так и быть, бери. Только оставь чуток.

Приблизившись к куче бумаги, мужчина взял себе несколько обрывков.

— Да можешь и побольше взять!

— Нам недалеко ехать, — отозвался мужчина. Он сел возле двери и, обхватив руками колени, уткнул в них подбородок.

Городские кварталы закончились, и поезд набрал скорость. Деревянный вагон грохотал, что тебе орган. Джим встал и, толкнув дверь, раскрыл ее во всю ширь, впуская в вагон лучи утреннего

солнца. Усевшись в дверном проеме, он свесил ноги наружу и глядел вниз, пока от мелькания земли под колесами у него не закружилась голова. Тогда он поднял голову и стал разглядывать пробегавшие мимо покрытые желтой стерней сжатые поля. Воздух был свеж и приятно попахивал паровозным дымком.

Вскоре к нему присоединился Мак.

— Послушай, не вывались смотри, — крикнул он. — А то один мой знакомый парень тоже так вниз смотрел, голова закружилась, и он из вагона полетел — мордой о землю шлепнулся.

Джим ткнул пальцем в сторону беленького дома фермерской усадьбы с красным амбаром, притаившимся за рядком молодых эвкалиптовых деревьев.

— А место, куда мы едем, такое же красивое, как вот это?

— Красивее, — отвечал Мак. — Там сплошь сады яблоневые на мили и мили вокруг, а ветви яблонь сейчас, в сезон, будут ломиться от плодов, сгибаться под тяжестью яблок, которые у нас в городе пятицентовик штука продают!

— Знаешь, Мак, странно даже, почему я не выбирался за город почаще. Забавно, как люди, бывает, хотят чего-то, а не делают. Когда еще

мальчишкой был, какой-то там приют или общество благотворительное вывезло пятьсот ребятишек на пикник за город, погрузили нас на грузовики, и мы поехали. Мы там гуляли, нагуляться не могли. Деревья в том месте росли высокие, и, помню, взобрался я высоко, на самую верхушку дерева, и сидел там долго, чуть ли не весь пикник просидел. Я думал, что вернусь туда обязательно, как только сумею — вернусь. Но так и не вернулся.

— Вставай, Джим, и давай-ка дверь закроем, — сказал Мак. — Мы к Уилсону подъезжаем. Не стоит железнодорожную полицию лишний раз раздражать.

Совместными усилиями они задвинули дверь, и в вагоне внезапно стало тепло и сумеречно. Вагон дрожал, как корпус гигантской виолы; постукивание колес на рельсовых стыках стало реже, потому что поезд теперь шел по городу и сбавил скорость. Трое мужчин поднялись.

— Мы здесь выходим, — объявил главный и, толкнув дверь, приоткрыл ее на фут. Два его спутника скользнули вон. Главарь повернулся к Маку: — Надеюсь, ты на меня зла не держишь, приятель?

— О чем речь!

— Ну, бывай. — Скользнул прочь и он, а уже приземлившись, крикнул: — Сукин ты сын трёхнутый!

Мак рассмеялся и, потянув дверь, почти задвинул ее. Какое-то время поезд катил плавно, и ритм колес, постукивающих на стыках, участился. Мак вновь открыл дверь пошире и сел на солнышке.

— Красиво это он, ничего не скажешь! — заметил Мак.

— А ты и вправду чемпион по боксу? — спросил Джим.

— Господи, да какое там… Просто парень этот — слабак и недотепа. Вообразил, когда я с ним бумагой поделиться хотел, что это я с испугу, что боюсь его очень. Это уж, считай, общее правило. Хотя бывает, конечно, что оно и не срабатывает, но в большинстве своем те, кто пытается на испуг взять, сами тебя боятся. — Он обратил к Джиму добродушное, с крупными тяжелыми чертами лицо. — Не знаю, как так выходит, но почему-то всякий раз, как с тобой разговор завожу, я либо ораторствовать начинаю, либо поучать…

— Да ладно тебе, Мак! Слушать — это по моей части, черт побери!

— Надеюсь, что так. Нам в Уивере слезать придется и ловить товарный, что на восток идет. Это

миль через сто будет. Если повезет, до Торгаса ночью доберемся. — Вытащив кисет, он скрутил себе самокрутку, стараясь, чтобы порывом ветра не вырвало из рук бумагу. — Закуришь, Джим?

— Нет, спасибо.

— Никаких вредных привычек, да, Джим? А ведь не святоша, поди… С девчонками-то хоть знаешься?

— Нет, — ответил Джим. — Когда очень уж припекало, в бордель ходил. Не поверишь, Мак, но я сызмальства, как взрослеть начал, боялся девушек. Наверно, боялся в ловушку попасть.

— Из-за красотки какой-нибудь?

— Нет. Понимаешь, со всеми приятелями моими такое случалось. Все они тискали девчонок где-нибудь на складах, зажимали их в углу за рекламными щитами, добиваясь того самого. Рано или поздно девчонка залетала, и тут уж пиши пропало. Точка! Я боялся, Мак, в ловушке очутиться, как мать моя или старик-отец — квартира двухкомнатная, дровяная плита… Господи боже, разве ж я о роскоши мечтал какой? Я только не хотел получать тычки и затрещины, не хотел, чтобы дубасили меня. Не хотел жить жизнью, какой, я знал, жили все парни вокруг: по утрам завтрак с собой захватить, кусок пирога непропе-

ченного, несвежий кофе в термосе…

— Если так, то жизнь ты выбрал себе чертовски неподходящую. В нашем деле без того, чтоб дубасили, не обойдешься.

— Я не о том! — возразил Джим. — Пяткой в челюсть я готов получать и удары от жизни тоже, не хочу только, чтобы изводила меня она, умучивала, откусывая по кусочку, и так до самой смерти! Вот в чем разница!

Мак зевнул.

— А по мне — разница небольшая, и там и там — скука смертная. И в борделях тоже не шибко повеселишься.

Он поднялся и, пройдя в глубь вагона к своей бумажной куче, лег там и заснул.

Джим долго еще сидел у двери, глядя на проплывавшие мимо дома фермеров. Виднелись обширные огороды с рядами круглых кочанчиков салата, с кудрявой, как листья папоротника, морковью, ряды свеклы с красноватой ботвой, между рядами овощей поблескивали ручейки воды. Поезд шел, минуя поля люцерны, мимо белых коровников, откуда ветер доносил густой здоровый дух навоза и аммиака. А затем поезд нырнул в ущелье, и солнце скрылось. Высокие крутые холмы по обе стороны дороги поросли

папоротником и виргинским дубом, и заросли подступали к самому полотну. Громкий ритмичный перестук колес бил Джиму в уши, отупляя и навевая дремоту. Пытаясь прогнать сон, мешавший ему любоваться окрестностями, он яростно тряс головой. Но насильственная встряска не помогала. В конце концов он встал и, задвинув дверь почти полностью, побрел к своей бумажной куче. Его сон был темной, гулкой, наполненной отзвуками эха пещерой, и пещера эта все длилась и длилась до бесконечности.

Маку пришлось несколько раз тряхнуть его за плечи, прежде чем он проснулся.

— С поезда прыгать вот-вот надо будет! — вопил Мак.

Джим сел.

— Господи, неужто уже сотню миль проехали?

— Почти. Шум этот вроде как наркотиком тебя шибает, правда? Меня в закрытых вагонах сон прямо с ног валит. Соберись. Через минуту-другую поезд ход замедлять будет.

На секунду Джим замер, обхватив руками гудящую голову.

— Меня словно плетками отстегали, — пожаловался он.

Сильным движением Мак открыл дверь.

— Прыгай так, точно мы идем, а земля бежит!

Он прыгнул, и следом за ним прыгнул Джим.

Спрыгнув, он огляделся. Солнце стояло высоко, почти над головой. Прямо напротив теснились дома и купы тенистых деревьев маленького городка. Товарняк поехал дальше, а они остались.

— Здесь дорога разветвляется, — пояснил Мак. — Наша ветка, та, что на Торгас-Вэлли ведет, — вон она! Но через город мы не пойдем, он нам вовсе ни к чему. Мы двинем наискосок по полю, а к дороге выйдем уже подальше.

Вслед за Маком Джим перемахнул через проволочную изгородь, прошел вместе с ним по стерне и очутился на грунтовке, прошагав по которой с полчаса и оставив в стороне окраину городка, вышел к железнодорожной ветке.

Мак сел на насыпь и, кивнув Джиму, пригласил его сесть рядом.

— Это место хорошее. Здесь поезда взад-вперед так и шмыгают. Не знаю, правда, сколько ждать придется.

Он скрутил себе самокрутку из оберточной бумаги.

— Тебе стоит начать курить, Джим, — сказал он. — Это хороший способ общения. Ведь тебя ждут встречи и разговоры с массой людей.

Хочешь растопить лед, смягчить собеседника — предложи ему папироску или попроси ее у него. Лучше не придумаешь! Многие даже обижаются, если на предложение дать закурить отвечают отказом. Правильнее будет тебе начать курить.

— Думаю, у меня получится, — кивнул Джим. — Мальцом я курил с ребятами. Интересно, как это будет теперь, не затошнит ли опять.

— Так попробуй. Сейчас. Я скручу тебе.

Джим взял самокрутку, поднес огонек.

— Вроде ничего. Приятно. Я почти и забыл этот вкус.

— Ну, если даже и неприятно, все равно кури. В нашей работе это штука полезная. Маленькая хитрость таких, как мы, шаг к сближению. А что другое нам остается? — Мак встал. — Похоже, товарняк движется.

По рельсам медленно приближался поезд.

— Боже ты мой! — вскричал Мак. — Восемьдесят седьмой! Наш, родной! В городе говорили, что он на юг идет. Видно, отцепили от него вагон-другой, и он опять вышел!

— Давай в наш старый вагон влезем, — сказал Джим. — Мне там понравилось.

Когда их закрытый вагон поравнялся с ними, они опять впрыгнули в него. Мак устроился на

своей бумажной куче.

— Могли бы и не просыпаться…

Джим опять уселся у двери и просидел там все время, пока поезд полз между бурых круглых холмов и по двум коротким туннелям. Он все еще чувствовал во рту вкус табака, и вкус этот был ему приятен. Неожиданно в кармане рабочей куртки он что-то нащупал.

— Мак! — воскликнул он.

— Да? Что такое?

— У меня со вчерашнего вечера две шоколадки завалялись!

Мак взял одну шоколадку, лениво развернул.

— Теперь вижу, что в любой революции ты человек незаменимый, — сказал он.

Спустя час Джима вновь стала одолевать дремота. Он нехотя задвинул вагонную дверь, зарылся в кучу бумаги и почти моментально вдруг оказался в темной гулкой пещере. От звуков вокруг ему представлялась вода и что струи воды заливают его всего, рядом кружатся какие-то обломки, куски дерева, мусор. А потом его утянуло вниз, в темную глубь беспамятства за гранью сна.

Проснулся он оттого, что Мак тряс его за плечи:

— Слушай, ты неделю проспать готов, если

тебя не будить! Вот уже двенадцать часов, как ты дрыхнешь!

Джим яростно тер глаза:

— Опять меня словно плетками отстегали!

— Ну, приободрись как-то. Вот он, Торгас!

— Господи, а час который?

— Полночь скоро, думаю. Изготовься. Спрыгнуть-то сумеешь?

— Конечно.

— Ладно. Тогда давай.

Поезд медленно удалялся от них. Станция была в двух шагах. Впереди маячил красный огонек, и что-то мелькало за столбом светофора. Это размахивал фонарем тормозной кондуктор.

Одинокие городские огни справа от них отбрасывали в небо бледное зарево.

Пробирало холодом. Внезапными резкими порывами налетал ветер.

— Я оголодал, — признался Джим. — Что думаешь насчет поесть, а, Мак?

— Подожди, когда к фонарю выйдем. У меня тут хороший адресок записан.

Он быстро шагал в темноте, и Джим поспевал за ним. Вскоре они очутились на окраине городка, и на углу, под фонарем, Мак, остановившись, вытащил листок бумаги.

— Мы теперь в хорошем месте, Джим, — сказал он. — В городе этом почти пятьдесят активно сочувствующих. Парней, на которых всегда можно положиться. Вот. Этот мне и нужен. Элфред Андерсон, Таунсенд, между Четвертой и Пятой улицами. Фургон-закусочная Эла. Как тебе такая перспектива?

— Что это за список у тебя? — спросил Джим.

— Список тех в городе, кто на нашей стороне. У кого мы можем, как нам известно, раздобыть все что угодно — от вязаных перчаток без пальцев до боевых патронов. И вот фургон-закусочная Эла — такие закусочные, Джим, обычно работают круглосуточно, а Таунсенд — это, должно быть, одна из центральных улиц. Топай, давай. Попробуем этот вариант.

Вскоре они свернули на нужную им центральную улицу и, пройдя по ней, в самом конце, там, где высились коробки пустых складов, а между зданиями зияли пустыри, отыскали фургон-закусочную Эла, уютный с виду вагончик с цветными стеклами окон и задвижной дверью. Через окно можно было разглядеть двух посетителей на табуретах и парня за стойкой — толстого, с увесистыми голыми руками.

— Парни эти за кофе с пирогом пришли, — ска-

зал Мак. — Обождем, пока они закончат.

Пока Мак и Джим медлили, приблизившийся полицейский вперил в них очень внимательный взгляд.

Мак громко произнес:

— Нет, без куска пирога я отсюда не уйду!

Джим мгновенно подхватил игру:

— Пойдем домой. Не до еды, так спать хочется!

Полицейский прошел мимо, словно принюхиваясь к ним.

— Думает, мы с духом собираемся, чтоб грабануть эту забегаловку! — вполголоса заметил Мак.

Полицейский развернулся и опять двинулся в их сторону.

— Ну иди, если хочешь, — сказал Мак. — А я хочу пирога!

И он, вскарабкавшись на три ступеньки, раскрыл дверь вагончика.

Хозяин улыбнулся вошедшим:

— Вечер добрый, джентльмены! Холодненько становится, а?

— Не без этого, — ответил Мак.

Пройдя к дальнему краю стойки, он сел там, подальше от посетителей.

По лицу хозяина пробежала тень досады.

— Послушайте, парни, — сказал он, — если у вас нет денег, то я дам вам кофе и пару пышек, а на ужин не рассчитывайте. Так, чтоб налопаться от пуза, а потом советовать звать полицию — не выйдет. Меня попрошайки скоро разорят совсем!

Мак хмыкнул:

— Кофе и пышки! Это ж красота, Элфред!

Хозяин, с подозрением покосившись на него, снял белый поварской колпак и поскреб в затылке.

Двое посетителей дружно опорожнили свои чашки. Один из них спросил:

— Ты всех бродяг кормишь, Эл?

— Господи, а что поделаешь?.. Если парень холодным вечером просит чашечку кофе, неужто ж гнать его только за то, что нет у него паршивого пятицентовика!

Спросивший хохотнул.

— Ну, двадцать таких чашечек — это доллар. Прогоришь, если будешь так дело вести! Пошли, Уилл, да?

Они поднялись и, расплатившись, удалились.

Выйдя из-за стойки, Эл проводил их до двери и поплотнее закрыл ее за ними. Затем вернулся за стойку и наклонился к Маку.

— Кто вы такие, парни? — строго спросил он.

Белые, голые по локоть руки действовали с неспешной, надежной уверенностью. Эл мелкими круговыми движениями протер стойку, протер опять, еще и еще. Его манера склоняться к собеседнику придавала таинственность каждому сказанному слову.

Мак подмигнул — с важностью, заговорщически.

— Нас сюда из большого города по важному делу прислали.

Щеки у Эла взволнованно вспыхнули.

— Угу-у, так я сразу и подумал, как только вы вошли. Кто же вас надоумил ко мне заглянуть?

— Ты услугу нашим людям оказал, а мы таких вещей не забываем.

Эл так и засиял от горделивой радости, словно гости пришли, чтобы вручить ему подарок, а не выставить на деньги.

— Подождите-ка, — сказал он. — Вы, ребята, верно, и не ели сегодня. Сейчас я вам бифштексы сварганю.

— Вот это отлично! — с энтузиазмом отозвался Мак. — Мы просто умираем с голоду.

Эл направился к холодильнику и выудил оттуда две пригорошни фарша. Расплющив мясо между ладонями, он смазал щеточкой стоявшую на газу

сковороду. Поверх и вокруг котлет он насыпал резаного лука. И тут же в воздухе расплылся аппетитный аромат.

— Господи! — воскликнул Мак. — Так и сиганул бы через стойку, чтобы с головой в сковородку нырнуть!

Мясо громко шипело, и лук на сковороде начал приобретать коричневатый оттенок. Эл вновь перегнулся через стойку:

— А что за важное такое дело для вас, парни, тут нашлось?

— Ну, — сказал Мак, — в округе, говорят, яблоки поспели.

Эл выпрямился и сложил на стойке мощные руки. Маленькие глазки блеснули хитрой тайной усмешкой.

— Та-ак, — протянул он. — У-гу-у… Понял!

— В таком случае переверни-ка лучше мясо, — посоветовал Мак.

Эл тряхнул котлеты и прижал их лопаточкой. Потом собрал в кучку раскиданный по сковороде лук, и, разложив поверх мяса, вжал внутрь котлет. Движения его были размеренными, вид — отрешенным, задумчиво-сосредоточенным, как у жующей жвачку коровы. Затем он оторвался от сковороды и вернулся к Маку.

— У моего старика садик фруктовый есть и участочек небольшой, — сказал он. — Вы ведь, ребята, его не обидите, правда? Я же с вами обошелся хорошо, разве не так?

— Конечно, хорошо, — подхватил Мак. — И мелких фермеров мы не обижаем. Можешь передать отцу, что от нас ему никакого вреда не будет, а если он нам палки в колеса вставлять не будет, мы ему со сбором урожая подсобим.

— Спасибо, — сказал Эл. — Я ему передам.

Положив на тарелку бифштексы, он зачерпнул из мармита картофельного пюре и, добавив его к бифштексам, влил туда подливку.

Мак с Джимом с жадностью ели и пили кофе, который приготовил для них Эл. Поев, они вытерли тарелки хлебом и жевали этот хлеб, покуда Эл подливал им еще кофе.

— Это было отлично, Эл, — похвалил Джим. — Я был голоден как волк.

— Отлично, другого слова нет, — поддакнул Мак. — Ты хороший парень, Эл!

— Я бы с вами был, — пояснил тот, — если бы не бизнес и если бы старик мой землей не владел. Думаю, если бы кто про меня пронюхал, заведению моему была бы крышка.

— От нас никто ни о чем не пронюхает, Эл.

— Конечно, не пронюхает. Знаю.

— Слушай, Эл, а много батраков сюда собралось на период сбора?

— Да уж порядком. Многие пообедать ко мне наведываются. Я хороший обед за четверть доллара даю: суп, мясо, два овощных гарнира, хлеб, масло, пирог и две чашки кофе за четвертак. Выручки немного, зато продажи растут.

— Хорошее дело, — кивнул Мак. — Послушай теперь, ты не слыхал разговоров, что рабочим каким-нибудь вожак требуется?

— Вожак?

— Ну да. То есть кто-нибудь, чтоб разъяснял, как быть и куда податься.

— Понимаю, про что ты толкуешь, — сказал Эл. — Ничего такого припомнить не могу.

— Ну а где ребята обычно собираются?

Эл потер мягкий подбородок.

— Есть две компании, что мне известны. Одна на Пало-роуд собирается, у главной окружной автострады, другая кучкуется возле реки, там вроде старый их лагерь в зарослях ивняка.

— Вот это уже кое-что. Как туда добраться?

Эл ткнул толстым пальцем:

— Вы по улице, что эту пересекает, пойдете и топайте до самой окраины. Там будет река и

мост. Потом отыщете тропку в зарослях, от моста с левой стороны. Пройдете по ней с четверть мили, и вы у цели. Сколько там парней, правда, я не знаю.

Мак встал и надел шляпу.

— Ты хороший парень, Эл. Ну, мы двинем. Спасибо, что подкормил.

— У моего старика сарай есть с койкой, — заметил Эл. — На случай, если вам захочется в сторонке оставаться.

— Никак нельзя, Эл. Если нам требуется работу проводить, значит, надо быть в самой гуще.

— Ну а если вам перекусить и всякое такое, то ко мне захаживайте, — предложил Эл. — Только выбирайте время, как сегодня, попозже, когда у меня народу нет, хорошо?

— Конечно, Эл. Мы тебя понимаем. Еще раз спасибо.

Мак пропустил Джима вперед и выскользнул из вагончика, задвинув за собой дверь.

Они спустились по ступенькам и пошли по улице, которую указал им Эл. На углу путь им преградил полицейский.

— Куда это вы собрались? — сурово спросил он.

Неожиданное появление полицейского заставило Джима отпрянуть, но Мак остался

невозмутим.

— Мы два сезонника, мистер, — сказал он. — Хотим немного яблок попробовать собрать.

— А что на улице делаете в такой час?

— Господи, так мы всего час как с транзитного товарняка здесь спрыгнули.

— Ну а направляетесь куда?

— Думаем к парням, что возле реки, присоединиться и там заночевать.

Но полисмен не отступал:

— А деньги у вас имеются?

— Вы же видели, что мы ужинаем. Денег у нас достаточно, чтобы за бродяжничество не упекли.

Только тут полисмен посторонился.

— Ладно. Проходите и не гуляйте по улицам в ночное время.

— Хорошо, мистер, договорились.

И они поспешили прочь.

— Ловко ты с ним беседу вел, Мак, — сказал Джим.

— Ну а что тут такого хитрого? Урок первый: никогда не спорь с полицейским, в особенности ночью. Хорошенькое дело было бы загреметь в тюрьму за бродяжничество на тридцать суток, верно?

Они поплотнее запахнули на груди легкие

хлопчатобумажные куртки и ускорили шаг навстречу все более редким уличным фонарям.

— С чего ты работать начать собираешься? — поинтересовался Джим.

— Не знаю. Приходится использовать любую возможность. Видишь ли, генеральный план у нас имеется, а детали отрабатываются в зависимости от обстоятельств. В дело идет все, к чему можно прицепиться. Только это нам и остается. Прибудем и изучим обстановку.

Почувствовав прилив энергии, Джим ускорил шаг.

— Послушай, дай мне дело делать, Мак, хорошо? Не хочу я всю жизнь вроде как на подхвате быть!

Мак засмеялся.

— Пообвыкнешься, привыкнешь. Так с головой в дела влезешь, что взвоешь, еще мечтать станешь о городе и восьмичасовом рабочем дне!

— Нет, Мак, не думаю, что стану об этом мечтать. Никогда раньше мне не было так хорошо, так привольно. У тебя тоже бывает такое чувство?

— Иной раз бывает, — отвечал Мак. — Но чаще я слишком занят, чтобы в чувствах своих копаться.

С каждым их шагом здания, мимо которых

они шли, становились все более ветхими. Между ними виднелись пустыри с кучами мусора, сварочной аппаратуры, свалки старых поломанных машин, зияли темные окна брошенных, заросших темным бурьяном домов. Холод и тьма вокруг заставляли идти быстро.

— Мне кажется, я вижу огни на мосту, — сказал Джим. — Видишь по три огня с двух сторон?

— Вижу. Он вроде говорил забирать влево?

— Ага. Влево.

Бетонный в два пролета мост соединял берега узкой речушки, высохшей в это время года до болотистого ручейка с песчаной отмелью посередине. Держась левой стороны, Мак и Джим прошли по мосту и уже за спуском на берегу отыскали тропинку, убегавшую в заросли ивняка. Мак пошел впереди. Свет фонарей на мосту сюда не достигал, со всех сторон их окружила чаща. Глаз различал силуэты веток на более светлом фоне неба и черную стену тополей справа у реки.

— Тропки не видно, — сказал Мак. — Я ее только ногами и чувствую. — Он шел медленно, осторожно. — Руки подними, береги лицо, Джим.

— Да я уж и так берегу. Меня только что веткой прямо по губам хлестнуло.

Через некоторое время они почувствовали под

ногами жесткую исхоженную землю.

— Дымком тянет, — принюхался Джим. — Теперь, видать, недалеко.

Внезапно Мак замер.

— Там огни впереди. Слушай, Джим, тут такая штука, что как раньше надо. Давай я говорить буду.

— Ладно.

Дорога неожиданно вывела их на просторную поляну, освещенную костерком. За костром располагались три грязно-белые палатки, в одной из которых горел свет, отбрасывавший на полотно гигантские черные тени от движущихся внутри фигур. На самой поляне собралось человек пятьдесят. Одни спали прямо на земле, свернувшись наподобие сосиски, закутавшись в одеяло, некоторые сидели вокруг костра на расчищенной выровненной площадке. Едва Джим и Мак ступили из зарослей ивняка, выйдя на поляну, как услышали вскрик — короткий, громкий, тут же оборвавшийся. Звук шел из освещенной палатки. И тут же по стенке палатки заметались, нервно задвигались тени.

— Плохо кому-то, — негромко произнес Мак. — Пока мы ничего не слышали. Иной раз стоит притвориться, что твое дело сторона.

Они приблизились к костру, вокруг которого на корточках, сжав руками колени, сидели мужчины.

— Можно парню к вам в компанию присоединиться, — осведомился Мак, — или этот вопрос надо на голосование поставить?

Лица сидящих обратились к нему — небритые лица с горевшими отсветом костра глазами. Один из мужчин подвинулся, освобождая место.

— Земля некупленная, бесплатная.

— Только не там, откуда я приехал, — хмыкнул Мак.

Вмешался другой мужчина. Свет от костра падал на его худое лицо.

— Ну, значит, ты в правильное место прибыл, приятель. Здесь у нас все бесплатно — еда, спиртное, дома, автомобили. Давай, двигай к нам и отведай индейки.

Мак присел на корточки и сделал знак Джиму присесть рядом. Вытащив кисет, он красивыми точными движениями свернул аккуратную самокрутку, после чего, как бы спохватившись, добавил:

— Может, кто из господ капиталистов закурить желает?

К кисету сразу же потянулось несколько рук.

Мужчины передавали кисет друг другу.

— Только что прибыли? — спросил тот, что с худым лицом.

— Только что. Рассчитываю яблоки пособирать и на заработанные отчалить.

— Да знаешь, сколько платят здесь! — с яростной злобой выкрикнул тот, что с худым лицом. — Пятнадцать центов, приятель! *Пятнадцать вшивых центов*!

— Ну а ты чего хотел? — возразил Мак. — Господи ты боже, чего еще можно ожидать, если храбрости не хватает сказать, что людям жрать надо! Жрите яблоки! Снимете яблоко и жрите! Чудные яблочки, все как на подбор! — Тон его стал строгим. — Ну а если прекратить их собирать?

— Нельзя прекратить! — выкрикнул худой. — Я вот все до последнего цента на то, чтоб сюда добраться, ухнул!

— Чудные яблочки, все как на подбор… — негромко повторил Мак. — А если мы не станем их собирать — сгниют.

— Мы не станем, станут другие!

— А если не дать другим это делать?

Люди у костра насторожились.

— Это ты что, на стачку намекаешь? — спросил худой.

Мак рассмеялся.

— Да ни на что я не намекаю!

— Когда Лондон узнал, сколько они платят, — заговорил коротышка, сидевший у костра, уткнув подбородок в колени, — его чуть удар не хватил, ей-богу! — Он повернулся к соседу: — Ты вот видел его тогда, Джо.

— Он аж позеленел, — поддакнул Джо. — Стоит и прямо на глазах зеленеет. Схватил палку и в щепки ее разломал!

Кисет вернулся туда, откуда начал свое путешествие, но заметно похудевшим. Мак ощупал его и сунул в карман.

— А кто это — Лондон? — поинтересовался он.

Ему ответил худой:

— Лондон — хороший парень. Мы с ним в дороге познакомились. Он парень крутой.

— Он главный у вас, да?

— Нет, не главный. Просто хороший парень. Мы с ним попутчики, что ли… Слыхал бы ты, как он с копами разговаривает! Он…

Из палатки вновь раздался вопль, на этот раз более продолжительный. Мужчины повернули головы на звук и тут же безучастно вновь воззрились на огонь.

— Кому-то плохо? — осведомился Мак.

— Это Лондона сноха. Рожает.

— Негоже здесь рожать-то, — заметил Мак. — Доктор хоть есть там?

— Да откуда бы, черт возьми, взяться здесь доктору!

— Так почему бы им в больницу окружную ее не отвезти?

Худой насмешливо скривился.

— Не принимают они бродяг-сезонников в больнице окружной! Разве не знаешь? Мест у них нет в больнице, всегда под завязку.

— Я-то знаю, — заметил Мак. — Хотел узнать, знаете ли вы.

Джима пробирал озноб, и он, подобрав ивовую хворостину и сунув ее конец в тлеющие угли, разжег пламя посильнее. Рука Мака, украдкой протянувшись из темноты, на секунду сжала его руку.

— А хоть есть у них рядом кто-то, кто понимает в этом деле? — спросил Мак.

— Старуха там с ними, — отвечал худой. В глазах у него мелькнуло подозрение. — Слушай, а тебе-то что до этого, а?

— Да я обучался кой-чему, — как бы между прочим бросил Мак. — Разбираюсь немного. Подумал, что мог бы помочь.

— Ну, к Лондону иди, обращайся тогда, — мгновенно снял с себя ответственность худой. — А нам отвечать на расспросы, как там у него и чего, не с руки.

На вызванные его расспросами подозрения Мак внимания не обратил.

— Наверно, так я и сделаю. — Он поднялся. — Идем, Джим. Лондон в той палатке, где свет, да?

— Угу. Там он.

Освещенные пламенем лица повернулись, провожая Джима и Мака, а затем головы опять свесились над костром. Мужчины пересекли поляну, обходя матерчатые свертки спящих на земле людей.

— Вот шанс так уж шанс! — прошептал Мак. — Если сдюжу, это и станет началом.

— А что ты делать-то собираешься, Мак? Не знал, что у тебя медицинский опыт имеется.

— Да об этом вообще мало кто знает, — обронил Мак.

Они приблизились к палатке, по стенкам которой двигались темные тени. Подойдя к палатке вплотную, Мак позвал:

— Лондон!

И почти мгновенно борт палатки заколыхался и перед ними вырос крупный мужчина. Ширина

его плеч вызывала изумление. Жесткие темные волосы окаймляли подобную тонзуре лысину на макушке. Лицо мужчины избороздили складки морщин, а темные глаза были красны и сверкали яростью, как у гориллы. Все в этой фигуре говорило о силе и власти. Чувствовалось, что вести за собой людей для этого человека совершенно естественно. Огромной рукой он прикрыл за собой борт палатки.

— Чего вам нужно? — требовательно бросил он.

— Мы только что прибыли сюда, — объяснил Мак, — и от парней у костра узнали, что тут у вас женщина рожает.

— Ну и что с того?

— Я и подумал, что мог бы помочь, раз у вас доктора нет.

Лондон отвел край палатки, и луч света упал Маку на лицо.

— И чем ты думал помочь?

— Я в больницах работал, — объяснил Мак. — Мне приходилось раньше это делать. Не стоит упускать любые шансы, Лондон.

Великан сказал уже потише:

— Ну, давай тогда, заходи. У нас тут старуха одна шурует, но, по-моему, она трёхнутая.

Он придержал край палатки, пропуская их внутрь.

В палатке было тесно и жарко. В плошке горела свеча. Посередине стояла сделанная из керосиновой канистры печка, возле нее сидела сморщенная старуха. В углу стоял очень бледный парнишка. У задней стенки палатки на земле был брошен старый тюфяк, и на нем лежала девушка с бледным, в полосах грязи лицом. Глаза всех троих обратились на Мака и Джима. Старуха на секунду подняла взгляд, а затем сразу же опустила его к раскаленной докрасна печке, почесывая тыльную сторону ладони.

Лондон направился к тюфяку и опустился перед ним на колени. Девушка отвела испуганный взгляд от Мака и обратила его на Лондона. Он сказал:

— Вот, мы доктора раздобыли. Так что можешь больше не бояться.

Мак взглянул на девушку и подмигнул ей. Лицо у той словно застыло от ужаса. Выйдя из своего угла, парень тронул Мака за плечо:

— С ней все будет в порядке, док?

— Конечно. Все будет отлично.

Мак повернулся к старухе:

— Вы повитуха?

Не переставая почесывать морщинистые руки, она глядела на него отсутствующим взглядом и молчала.

— Я спрашиваю, повитухой ты была или нет? — гаркнул Мак.

— Нет, но пару новорожденных за свою жизнь приняла.

Наклонившись, он взял руку старухи и поднес к ней горящую свечу. Поломанные ногти были черными от грязи, а сами руки имели синевато-серый цвет.

— Ну, видать, детей ты мертвыми принимала, — подытожил он. — А пеленки ты откуда взять собираешься?

Старуха ткнула пальцем в кучу газет.

— У Лайзы всего только две схватки и было… — плаксиво прошамкала она. — А ребеночка мы в газетки примем.

Лондон подался вперед, рот его был слегка приоткрыт от настороженного внимания, глаза вопрошающе вглядывались в глаза Мака. Освещенная свечой тонзура посверкивала.

— У Лайзы две схватки было, вторая только что прошла, — подтвердил он слова старухи.

Мак мотнул головой, предлагая выйти, и вынырнул из палатки. Лондон с Джимом после-

довали за ним.

— Послушай, — сказал Мак Лондону, — ты видел ее руки. Ребенок, может, и выживет, если схватят его такими руками, а вот у девушки шансов, черт возьми, не будет. Лучше, если ты прогонишь взашей эту старушенцию!

— Ты все сделаешь сам? — удивился Лондон.

Мак помедлил секунду, потом сказал:

— Конечно, я сделаю все, что требуется. Тут мне и Джим поможет. Но нужны еще помощники, до черта нужны!

— Ну, я подсоблю, — предложил Лондон.

— Этого мало. Может, кто-нибудь из ребят, что там собрались, помощь окажет?

Лондон коротко хохотнул.

— Ты верно дело понимаешь. Они все сделают, если я им велю.

— Так вели им, — сказал Мак. — Сейчас же вели.

И он возглавил шествие к костерку, вокруг которого все еще сидела группа людей. Все подняли глаза на подошедших.

Худой сказал:

— Привет, Лондон.

— Хочу, чтоб вы, парни, послушали, что док скажет.

К костру подошли еще несколько человек и остановились в ожидании. Они были безмолвны и безучастны, но поспешили на властный голос.

Мак откашлялся.

— У Лондона сноха имеется. Она рожает. Он пробовал отправить ее в больницу. Больница переполнена, а кроме того, мы ведь для них всего лишь шайка грязных бродяг. Пусть так. Помощи от них не будет. Мы должны справиться сами.

Мужчины словно напряглись, плотнее притиснувшись друг к другу. Короста безучастности начинала спадать с них. Еще ниже склонились они над костром.

— Ну а я, — продолжал Мак, — работал в больницах и, значит, могу помочь, но и от вас, парни, мне требуется помощь. Господи, да если мы сами не защитим своих, то за нас этого никто не сделает!

Худой поднялся на ноги.

— Ладно, приятель, — обратился он к Маку. — Какой помощи ты от нас желаешь?

При свете костра было видно, как по лицу Мака скользнула радостная победная улыбка.

— Отлично! — воскликнул он. — Работать сообща вы умеете. Первым делом нам надо вскипятить воду. Как закипит — кинуть туда белую

ткань и проварить ее хорошенько. Мне все равно, где и как вы эту ткань раздобудете. — Ткнув пальцем, он выделил из собравшихся троих: — Вот ты, ты и ты, разожгите большой огонь. А ты разыщи парочку котлов. Должны же быть у вас пятигаллоновые баки, чаны, кастрюли какие-нибудь. Остальные пусть наберут белой материи. Годится все — платки носовые, старые рубахи, все что угодно — лишь бы белые. Когда будет кипяток, бросайте в него все, что насобирали, и пусть полчаса кипит. А еще мне нужен черпачок горячей воды, и срочно.

Люди зашевелились.

— Погодите минуту. Еще одно: требуется лампа хорошая, светлая. Пусть кто-нибудь из вас мне ее устроит. Если люди добром не захотят отдать, стащите потихоньку.

Атмосфера в лагере заметно переменилась. Апатии, безразличия не осталось и в помине. Спящих будили и, объяснив задание, присоединяли к группе. Волна возбуждения захлестнула лагерь, возбуждения радостного и веселого. Развели большой огонь. Поставили четыре больших котла с водой, а вскоре стало набираться и белое тряпье. У каждого нашлось что добавить к куче. Какой-то мужчина снял с себя нижнюю рубаху и

надел верхнюю на голое тело. Все внезапно повеселели и дружно, радостно принялись ломать сухие тополиные ветки для костра.

Стоя возле Мака, Джим наблюдал этот взрыв деятельной энергии.

— А мне что ты поручишь делать? — спросил он.

— Со мной в палатку пойдешь. Там мне помогать будешь.

В этот момент из палатки донесся крик, и Мак торопливо добавил:

— Черпани-ка мне горячей водички, Джим! Живо! Вот, возьми! — Он протянул ему пузырек. — Бросишь таблетки по четыре в каждый из больших котлов. И не забудь пузырек мне вернуть, когда воду притащишь.

Джим отсчитал таблетки, бросил их в котлы, затем зачерпнул из одного полный ковш воды и вслед за Маком прошел в палатку.

Старуха забилась в угол, чтобы не мешать. Почесывая руки, она с подозрением следила за тем, как Мак кидает в теплую воду таблетки, как болтает в воде руками.

— Руки-то по крайней мере нам вымыть можно, — заметил Мак.

— Что в пузырьке-то? — спросил Джим.

— Сулема. Я всегда ее с собой таскаю. Вымой руки и ты, Джим, а потом принесешь еще воды.

Снаружи послышалось:

— Вот тебе твои лампы, док.

Мак откинул борт палатки и принял два предмета — массивную лампу с круглым фитилем и мощный бензиновый фонарь.

— Какому-то бедолаге предстоит дойка в потемках, — шепнул он Джиму.

Мак подкачал давление в фонаре, зажег его, а когда трубка накалилась, из фонаря полился яркий свет и раздалось громкое шипение. Снаружи доносились голоса и треск ломаемых сучьев.

Мак поставил фонарь возле тюфяка.

— Все будет хорошо, Лайза, — сказал он и очень осторожно, мягко попытался приподнять грязное одеяло, которым была укрыта девушка. Лондон и мальчик с бледным лицом не сводили с него глаз. В приступе стыдливости Лайза вцепилась в одеяло и еще плотнее завернулась в него.

— Не надо, Лайза, я же должен тебя подготовить, — уговаривал ее Мак, но она упорно сопротивлялась.

Лондон шагнул к тюфяку.

— Лайза, — сказал он. — Прекрати.

Испуганный взгляд девушки метнулся к Лон-

дону, и с большой неохотой она ослабила хватку. Мак завернул одеяло ей на грудь и расстегнул на ней полотняное белье.

— Джим, — позвал он, — пойди и выуди для меня из котла тряпку и мыла принеси кусок.

Когда Джим принес ему дымящуюся паром тряпку и тоненький твердый кусочек мыла, Мак обмыл девушке ноги, бедра и живот. Проделал это он так ласково, что испуг у Лайзы несколько ослаб.

Мужчины внесли прокипяченную ткань. Схватки становились все чаще, и на рассвете начались потуги.

В какой-то миг стенку палатки сотрясла дрожь. Мак глянул через плечо.

— Лондон, мальчишка твой в обморок упал, — сказал он. — Вытащи-ка ты его лучше на воздух.

С видом глубокого замешательства Лондон взвалил на плечо тощее тело сына и вынес его из палатки.

Показалась головка. Мак поддерживал ее руками, и под сдавленные крики Лайзы роды завершились. Стерилизованным перочинным ножом Мак перерезал пуповину.

Солнце ярко светило, заливая светом полотнища палатки, а фонарь все продолжал шипеть.

Джим выжимал теплые тряпки и передавал их Маку, а тот обмывал сморщенное тельце новорожденного младенца. Потом он отмыл и выскреб руки старухи, после чего Мак позволил ей взять ребенка. Спустя час вышла плацента, и Мак вновь тщательно вымыл Лайзу.

— Теперь вынеси всю эту грязь, — велел он Лондону. — А тряпки сожги.

— Даже те, которые не понадобились? — спросил Лондон.

— Да. Все сожги. Не нужны они.

Уставшие глаза его опухли и слипались. Напоследок он окинул взглядом внутренность палатки. Старуха держала запеленутого младенца. Лайза лежала на тюфяке, закрыв глаза. Дыхание ее было спокойным и ровным.

— Идем, Джим. Давай соснем чуток.

Мужчины на поляне уже опять спали. Солнце заливало верхушки ив. Мак и Джим отыскали пещерку в зарослях, заползли туда, улеглись бок о бок.

— В глаза как песок насыпан, — вздохнул Джим. — Устал я. Вот уж не знал, что ты в больнице работал, Мак.

Мак скрестил руки под головой.

— А я и не работал.

— Где же ты тогда научился роды принимать?

— До сегодняшнего дня я не знал про это ничего. И родов никогда в жизни не видел. Единственное, что я знал, это что правильно тут соблюдать чистоту. Господи, как же мне повезло, что все сошло благополучно. Случись что, и мы бы пропали! Старуха эта про роды знала больше моего. Думаю, и она об этом догадывалась.

— Но ты делал все так уверенно…

— Господи ты боже, а как иначе! Пришлось! Нам надо хвататься за любую возможность. А тут такой шанс! Как не воспользоваться! Ведь помочь девушке это так хорошо, ну а если это ее убьет… Словом, надо использовать все.

Он повернулся на бок, оперся головой о руку.

— Я совсем без сил, а настроение прекрасное. Всего за одну ночь мы завоевали доверие этих людей, доверие Лондона. Больше того: мы заставили всех их работать на себя, для своей защиты, работать сообща, коллективно. Для этого ведь мы и прибыли сюда — научить их совместной борьбе. Мы же не только поднять оплату хотим. Впрочем, ты и без меня все это знаешь.

— Да, — согласился Джим. — Я и раньше это знал, не знал только, каким образом ты собираешься этого достичь.

— Ну, единственный способ тут — работай с тем материалом, что имеешь. Ни солдат, ни пулеметов ведь у нас нет. Сегодня нам повезло: материал представился готовенький, мы — тут как тут, за него и ухватились. Теперь с нами Лондон. Он прирожденный вожак. Мы обучим его, куда следует вести народ. Однако все должно происходить естественно. Руководители должны родиться в гуще народных масс. Мы можем преподать им метод, но саму работу они будут выполнять самостоятельно. Вскоре мы начнем обучать Лондона методу, а он, в свою очередь, обучит тех, кто подчиняется ему. Вот увидишь, — продолжал Мак, — история о том, что происходило сегодня ночью, к вечеру уже разнесется по округе. Мы окунули весла в воду, запустили процесс, это превосходит самые смелые мои ожидания. Может, нас и привлекут потом за то, что оказывали медицинские услуги без лицензии, но это лишь теснее свяжет нас с людьми.

— Как такое могло случиться? — спросил Джим. — Ты сказал всего несколько слов, и все завертелось, работа пошла четкая, как часы, и людям это нравилось. Они отлично себя чувствовали.

— Конечно, им это нравилось. Людям всегда

нравится работать сообща. Они изголодались по такому труду. Известно тебе, например, что, работая вдесятером, человек способен поднять груз в двенадцать раз тяжелее, чем работая в одиночку? Стоит лишь заронить в людях искру, и смотришь, дело пошло на лад! Большинству, правда, свойственна подозрительность, потому что люди привыкли к тому, что выгоду от их совместного труда у них всегда отнимали, изымали, но увидишь, что будет, когда они начнут работать для себя! Сегодняшняя работа захватила их, это была работа для себя, их работа. И ты сам мог наблюдать, как ладно все работали.

— Ты ведь не все собранные тряпки использовал, — сказал Джим. — Почему же ты велел Лондону сжечь их подчистую?

— Пойми, Джим… Неужели неясно? Каждый, кто пожертвовал частью своей одежды, стал ощущать это дело как свое кровное. Все они чувствуют теперь ответственность за новорожденного. Он их, потому что что-то от них перешло к нему. Вернуть им тряпки — значило бы отвергнуть их. Нет лучшего способа подключить человека к делу, как заставить его что-то отдать на благо этого дела. Бьюсь об заклад, все они сегодня чувствуют себя как нельзя лучше.

— А работать сегодня мы будем? — спросил Джим.

— Нет, пусть история сегодняшней ночи походит по округе, разойдется по ней волнами. Назавтра она, черт побери, станет легендой. Нет, к работе приступим позже. А пока нам нужно выспаться. Господи, как же нам подфартило поначалу!

Над их головами ветерок тронул ивы, и на них спланировало несколько листков. Джим сказал:

— Не помню, чтобы когда-нибудь я чувствовал такую усталость, а все же мне очень хорошо!

Мак на секунду приоткрыл глаза.

— Ты хорошо справляешься, малый. Думаю, из тебя выйдет отличный работник. Я рад, что взял тебя сюда. Ночью ты мне здорово помог. А сейчас попробуй-ка, черт побери, закрыть глаза, захлопнуть рот и дать нам обоим малость отдохнуть!

Глава 5

Послеполуденное солнце залило ярким светом верхушки яблонь, а потом, расколовшись на полосы и косые лучи, скользнуло ниже — за густоту листвы на толстых сучьях — и пятнами легло на землю. Широкие аллеи между рядами деревьев устремились вдаль, сливаясь в видимом мареве бесконечности. Огромный сад кипел деятельной работой. Среди листвы виднелись лестницы, прислоненные к большим ветвям, а в проходах громоздились новенькие желтые ящики. Издалека доносились грохот сортировочных машин и стук молотков, которыми заколачивали ящики. Мужчины с большими ведрами на тросах карабкались на лестницы, свинчивали с ветвей крупные зеленые яблоки — пиппины, наполняли доверху, до самого края ведра и спускались вниз, чтобы опорожнить ведра в ящики. Между рядами двигались грузовики, принимавшие собранные яблоки и отвозившие их на сортировку, а потом и упаковку. Возле ящиков стоял учетчик. Всякий раз, когда перед ним появлялся очередной сборщик с полным ведром, учетчик отмечал его

карандашом в своем блокнотике. Сад казался живым. Ветви деревьев сотрясались под тяжестью лестниц. Перезревшие плоды, падая, с глухим стуком ударялись о землю. Скрывшись в листве возле самой верхушки, лихо насвистывал трели какой-то виртуоз.

Джим быстро спустился с лестницы, оттащил ведро к ящику, вывалил груз. Учетчик, белобрысый парень в чистеньком белом комбинезоне, сделал пометку и кивнул.

— Полегче, дружок, — предупредил он. — Так ты их помнешь!

— Ладно, — отозвался Джим и направился обратно к лестнице, постукивая по коленке пустым ведром. Очутившись опять на верху лестницы, он приладил ведро и перекинул через ветку трос. На дереве он вдруг увидел мужчину, который, спрыгнув с лестничной перекладины, стоял на толстом суку и тянулся вверх за целой гроздью яблок. Почувствовав, как дрогнуло дерево под тяжестью Джима, он глянул вниз.

— Привет, парнишка. Не знал, что это твое дерево!

Джим поднял голову. Худощавый старик, черноглазый, с редкой встрепанной бороденкой. На руках выпирают набрякшие синие вены. Худые

ноги торчат палками и кажутся слишком тонкими для тяжелых, на толстой подошве башмаков.

— Да наплевать мне на дерево, — ответил Джим. — Не стареват ли ты, чтобы прыгать по веткам как мартышка?

Старик сплюнул и проследил за тем, как густой белый плевок шлепнулся о землю. В мутных глазах сверкнула ярость.

— Это ты так думаешь, — парировал он. — И другие, молокососы паршивые, думают, что я слишком стар. Да я могу работать так, как никому из вас даже не снилось! Заруби у себя на носу!

Говоря это, он демонстративно сгибал и разгибал ноги в коленях, потом потянулся вверх и, сорвав намеченную гроздь вместе с веткой, побросал яблоки в ведро и швырнул на землю голую ветку.

— Эй, вы там, с деревьями полегче! — раздался голос учетчика.

Старик ощерился, обнажив зубы — два наверху и два внизу — желтые, длинные, выпирающие вперед, как у суслика.

— Деловой какой, правда? — буркнул старик, обращаясь к Джиму.

— Из колледжа, поди, образованный, — подхватил Джим. — Куда ни ткни, везде они, обра-

зованные эти.

Старик приник к ветке.

— Да что они там знают! — с жаром заговорил он. — Ходят-ходят в эти свои колледжи, а толком ни черта не знают! Этот вот умник с блокнотиком, как в хлеву задницу не замарать, и то не знает.

И он опять сплюнул.

— Да, а умничают так, что только держись, — поддакнул Джим.

— Возьмем вот тебя или меня, — продолжал старик. — Мы знаем, может, и немного, но уж что к чему знаем точно!

Помолчав, Джим сделал то, что перенял у Мака, слушая его разговоры, — постарался уязвить гордость старика.

— И все же не так много ты знаешь, раз в семьдесят лет продолжаешь по деревьям прыгать. И я знаю не так много, чтобы в белых штанах расхаживать и карандашиком в блокнотике чиркать!

— Нас никто вперед не толкал, вот в чем все дело, — рявкнул старик. — Не помог нам никто легкую работу раздобыть, вот и выбросило нас на обочину!

— Ну и что, по-твоему, нам теперь с этим делать?

От такого вопроса старик словно сдулся, сразу

же выпустив пар. На лице его появилось выражение озадаченности и даже легкого испуга.

— Одному богу это ведомо, — сказал он. — А нам остается принять все как есть. Мотаемся взад-вперед по стране, бродим, как скот, как стадо свиней неприкаянных, и еще тычки получаем от умников всяких, вроде этого.

— Парень не виноват, — заметил Джим. — Работа у него такая. А чтобы не потерять работу, он и делает что требуется.

Старик ухватил следующую яблочную гроздь, легкими крутящими движениями свинтил с ветки плоды и аккуратно уложил каждое яблоко в ведро.

— В молодости я все думал, что можно это поправить. А сейчас мне семьдесят один год. — В голосе его звучала усталость.

Мимо проехал грузовик с полными ящиками. Старик продолжал:

— Я на севере лес валил, когда уоббли[7] шум большой подняли. Я верховым был, отменным, надо сказать, верховым. Заметил небось, как я в мои годы по деревьям лазаю. Ну, в то время были у меня кой-какие надежды, потому что от уоббли

---

[7] Примечания: 7

Уоббли — уничижительное прозвище членов организации «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ).

польза была, ведь лесорубы тогда ни сортиров не имели — их ямы в земле заменяли, — ни мест, где помыться, душ принять. Уоббли заставили хозяев туалеты построить, душевые. Но все это прахом пошло потом. — Рука его машинально потянулась за новыми яблоками. — Я вступил в профсоюз. Выбрали мы председателя, а первое, что он сделал, как мы узнали, управляющему задницу лизать стал. Мы взносы платили, а казначей кинул нас. Не знаю, может вы, из молодых да ранних которые, что-нибудь придумать сможете. А мы делали что могли.

— Ты, кажется, приготовился сдаться, лапки сложить? — спросил Джим, метнув в старика насмешливый взгляд.

Старик скорчился на своем суку, присел, помогая себе иссохшей рукой.

— Я кожей чувствую что-то, — сказал он. — Можешь меня старым болваном считать и всякое такое, только что-то готовится. Может, и не выйдет ничего, но я чувствую, прямо кожей чувствую.

— Что же именно ты чувствуешь? На что это похоже?

— Трудно это объяснить, парнишка. Знаешь, когда вода вот-вот закипеть готова, она вроде как

вздыбливается, замечал? Вот это я и чувствую. Я всю жизнь среди рабочих-сезонников. Не то чтоб план какой-то был, нет… Но точь-в-точь как вода, прежде чем закипеть ей, вздыбливается…

Взгляд старика затуманился, стал отсутствующим, как у слепого. Он высоко вздернул подбородок, и жилы, перерезавшие его шею от подбородка вниз, напряглись и вздулись.

— Может, голодных стало слишком много, может, хозяева уж слишком нас прижали. Не знаю. Только чувствую вот кожей…

— Что чувствуешь-то?

— Гнев, вот что! — выкрикнул старик. — Бывало с тобой перед дракой, когда от гнева ты сам не свой, на стенку лезть готов, кишки как огнем обжигает и внутри тошнота? Вот на что это чувство похоже. Только не в одном оно отдельном человеке, а во всех, в миллионах и миллионах, будто все они, забитые, голодные, стали одним целым и чувствуют одно. Сезонники не понимают, что такое с ними, но когда этот большой парень, великан этот, в которого превратились все они, взбесится от ярости, встанут все, и тогда страшно даже подумать. Господи, что тогда начнется! Они станут горла перегрызать, когтями впиваться, вырывая из глоток добычу! — Старик покачнулся

на суку, но удержался, обхватив его покрепче. — Вот что я кожей чувствую, — повторил он. — Куда бы ни подался, везде одно чувствую — будто вода закипеть готова.

Джим дрожал от возбуждения.

— Но должен же быть план, — сказал он. — Когда произойдет взрыв, должен быть план, куда этот взрыв направить, чтобы прок от него какой-то был!

Старик словно выдохся после своей пламенной тирады.

— Когда великан на свободу вырвется, никаким планом его не удержишь. Он ринется, как бешеный пес, и станет кусать все, что движется, слишком долго его впроголодь держали, били слишком много, а хуже всего, что слишком много чинили ему обид…

— Но если достаточное количество народу будет это предвидеть и выработает план, — продолжал настаивать Джим.

Старик покачал головой:

— Надеюсь, что помру раньше, чем это случится. Они перегрызутся, примутся убивать друг друга, а после, когда опомнятся, устанут или перемрут, все опять пойдет по-старому. Надеюсь, что лягу в гроб, накроюсь крышкой и не увижу всего

этого. Это вы, молодняк, живете еще какими-то надеждами. — Он поднял полные ведра. — Посторонись, я по лестнице спущусь. Болтовней не заработаешь, а чтобы следить за этим, умники образованные здесь и поставлены.

Джим отступил, встав на сук, и позволил старику слезть на землю. Тот опорожнил свое ведро и побрел к другому дереву. Джим выждал, но старик не возвращался. В упаковочном сарае грохотала сортировочная машина, стучали молотки. С шоссе доносился рев проносящихся мимо больших грузовиков. Джим набрал полное ведро яблок и отнес его к куче ящиков. Учетчик сделал пометку в блокнотике.

— Заплатишь потом, если нормы не выработал, — предупредил учетчик.

Кровь бросилась в лицо Джиму. Плечи напряглись.

— Ты знай в своем блокнотике чиркай, черт тебя побери.

— Крутого из себя корчишь, да?

Джим тут же взял себя в руки и улыбнулся смущенной улыбкой.

— Устал я, — извиняющимся тоном сказал он. — К работе этой я непривычный.

Белобрысый учетчик улыбнулся.

— Да понимаю я, как это бывает, — сказал он. — Когда устаешь, то обижает каждая мелочь. Может, на лесенку влезешь и курнешь там?

— Да, пожалуй. — И Джим вернулся к дереву. Прицепив ведро, он поднял его, приладив трос на дерево, и вновь занялся яблоками. И сказал вслух: «Даже я, как шавка последняя… Не умею! Вот старик мой, тот умел!» Он не стал работать быстрее, но движения его стали более экономными и четкими, как у машины. Солнце опустилось, а потом и совсем ушло. Оставив землю в полумраке, оно освещало теперь лишь верхушки деревьев. Вдали, в городке, завыла сирена. Но Джим упорно продолжал работать. Уже смеркалось, когда замолк грохот машины в упаковочном сарае и учетчики прокричали: «Кончай, ребята! Топайте сюда! Время!»

Джим спустился с лестницы, вывалил яблоки из ведра, присоединив их к остальным. Учетчик записал все ведра, сделал общий подсчет. Стоя поодаль, люди крутили самокрутки, вели негромкие вечерние беседы. Потом они медленно побрели по междурядью к проселочной дороге и садовому бараку.

Джим заметил шедшего впереди старика и ускорил шаг, догоняя. Ноги у старика двигались

скованно, с трудом сгибаясь в суставах.

— Это ты опять, — сказал старик, когда Джим догнал его.

— Подумал, может, с тобой поселюсь.

— Ну, разве тебя остановишь! — Было видно, что старик польщен.

— Ты здесь с родными? — спросил Джим.

— С родными? Нет.

— Если у тебя и вовсе родных нет, — сказал Джим, — так почему бы тебе в какой-нибудь приют благотворительный не податься, и пускай государство тогда о тебе заботится.

— Я верховой! — Тон старика был полон ледяного презрения. — Правда, что это такое, вам, молокососам паршивым, которые и в лесу-то не бывали, сроду не понять. Только мало кто из верховых до моих лет доживал, это точно. А слабакам, вроде тебя, плохо становилось, когда они лишь глядели на мою работу! Что мне какие-то паршивые яблоньки! А ты говоришь — в приют! Я в своей жизни делом занимался, для которого характер требуется! Я на высоте девяносто футов корягу рубил, а с меня щепой пояс безопасности срывало! Парней рядом со мной сук упавший в кашу превращал! Это меня-то в приют! Где скажут мне: «Вот, Дэн, тебе твой супчик», — и я

стану макать в тот супчик хлеб и сосать потом этот хлеб и кланяться им за это? Нет уж! Скорее я с яблони сигану и шею сломаю, чем в приюте их благотворительном окажусь! Я верховой!

Они тяжело шагали между рядами яблонь. Джим снял шапку и держал ее в руке.

— Ты ничего не выгадал на своей работе, — сказал он. — А как только состарился, тебя просто вышвырнули вон!

Большая рука Дэна сжала плечо Джима с такой силой, что стало больно.

— Я много чего выгадывал, пока там был, — отвечал Дэн. — Я взбирался на высоту и знал, что ни хозяину, ни лесоторговцу, ни президенту компании это не по зубам, нет у них мужества делать то, что делаю я. Я *один* способен на это! И я глядел на все вокруг сверху вниз. И все вокруг казалось маленьким, мелким, и люди тоже. А я был наверху, я не уменьшался в размерах! Так что кое-что я все-таки выгадывал!

— Они наживались на твоем труде, — сказал Джим. — Они разбогатели, а когда ты не смог больше лазать наверх, тебя вышвырнули.

— Да, это так, — согласился Дэн. — Наверно, я здорово состарился, парнишка, но мне и на это наплевать. Да, черт возьми, наплевать, и точка.

Впереди показалось беленое строение, которое владельцы отвели сборщикам, — низкий сарай почти пятидесяти ярдов в длину, с дверями и маленькими квадратными оконцами через каждые десять футов. Некоторые двери были открыты, и впереди можно было различить горящие свечи и лампы. Кое-кто из рабочих, сидя в дверях, любовался сумерками. Перед длинным строением находился кран, возле которого толпился народ — мужчины и женщины. Каждый из собравшихся, когда до него доходила очередь, складывал руки ковшиком, подставлял их под струю воды, после чего в течение минуты плескал водой в лицо, омывая его и волосы, и тер одна об другую руки. Женщины несли к крану горшки и кастрюли, запасая в них воду.

Из темноты дверных проемов выныривали дети и сновали взад-вперед, неугомонные и беспокойные, как крысята. Все возвращались к месту ночлега — мужчины из сада, со сбора яблок, женщины из сарая — с упаковки и сортировки.

Углом к бараку, с северной стороны, располагалась местная лавка, сейчас ярко освещенная.

Еду и рабочую одежду здесь можно было купить в кредит по ведомости. Вереница женщин и мужчин выстроилась, ожидая возможности

войти, другая вереница тянулась из лавки, люди шли, нагруженные консервными банками и батонами хлеба.

Джим и Дэн приблизились к строению.

— Вот она, ночлежка, — сказал Джим. — Неплохо бы, конечно, если бы была у тебя женщина, чтобы стряпать.

— Пойду-ка я в лавку — банку бобов куплю, — сказал Дэн. — Кретины эти платят по семнадцать центов за фунт консервированных бобов. А могли бы за ту же цену купить четыре фунта сухих бобов и сварить их. Вышло бы целых восемь фунтов.

— Чего ж ты сам так не делаешь? — спросил Джим.

— Времени нет. Приходишь усталый как черт, и есть охота.

— Ну а у других разве полно времени? Женщины работают с утра до ночи весь день, а хозяин дерет три лишних цента с каждой банки, потому что люди так выматываются, что не могут сходить в город за продуктами.

Дэн обратил к Джиму свою клочковатую бороду.

— Тебе это покоя не дает, да, парнишка? Ты прямо как щенок с толстой костью, которую не разгрызть. Щенок грызет, примеряется к ней и

так и эдак, а на ней даже и следа от зубов его не остается, а он все грызет, пока зуб об кость не сломает.

— Ну а если всем скопом на кость наброситься, можно и разгрызть.

— Может, и так, только я вот уже семьдесят один год среди людей и собак живу и видал, как они все больше норовят стибрить друг у друга кость. Не встречал я что-то, чтобы собаки помогали друг другу кость разгрызть, а вот как вырывают они, черт их возьми, друг у друга эти кости, я сплошь и рядом видел.

— По-твоему, выходит, что все бесполезно.

Старый Дэн осклабился, обнаружив четыре своих зуба, длинных, торчавших как у суслика.

— Мне ведь уже семьдесят один стукнуло, — как бы извиняясь, бросил он. — Так что давай, грызи свою кость, а на меня внимания не обращай. Может, люди и собаки теперь переменились, стали не такими, как прежде были.

Когда они ступили на мокрую площадку возле крана, от толпы сгрудившихся там людей отделилась фигура и направилась в их сторону.

— Вот мой товарищ, — представил Джим. — Это Мак. Отличный парень.

— Не желаю я ни с кем разговоры разговари-

вать, — неприветливо отозвался Дэн. — Мне даже и бобы-то разогревать неохота.

Мак подошел к ним совсем близко.

— Привет, Джим! Как делишки?

— Очень даже неплохо. Это Дэн, Мак. Он на севере лес валил, когда уоббли там шуровали.

— Рад познакомиться. — Мак постарался, чтоб слова его прозвучали почтительно. — Слыхал я о том, что тогда в тех местах делалось. Там и к саботажу прибегали.

Тон Мака доставил Дэну некоторое удовольствие.

— Я не был уоббли, — сказал он. — Я верховым был. А уоббли порядочные мошенники, конечно. Но эти сукины дети дело свое знали. Лесопилку вот в два счета спалили.

— Ну, если знали они свое дело, то что ж тут удивительного, — по-прежнему крайне почтительно заметил Мак.

— Жесткие они были, шайка эта, — продолжал Дэн. — Не большая это радость была — с ними разговаривать. Ненавидели они всех и каждого, всё на свете ненавидели. Пойду-ка я за бобами схожу. — И он, развернувшись вправо, удалился от них.

Почти стемнело. Джим, глядя на небо, увидел,

как его пересекает какое-то темное клиновидное пятно.

— Мак, гляди! Что это?

— Утки дикие. Раненько они в этом году с места снялись. Ты что, никогда раньше диких уток не видел?

— Похоже, не видел, — сказал Джим. — Читал только про них, наверно.

— Слушай, Джим, ты не прочь сардинками с хлебом сегодня подзаправиться? Нам вечером работа предстоит, и я не хочу тратить время на готовку.

До этого Джим был вялым и двигался через силу, так как непривычная работа очень его утомила. Но теперь мускулы его словно налились силой, и он поднял голову:

— А что за работа будет, а, Мак?

— Вот, слушай. Я сегодня рядом с Лондоном работал. Этот парень почти готов. На две трети он наш. Говорит, что может раскачать наших сезонников. И он знает парня, который вроде как сагитирует для нас другую группу. Они в большущем саду работают, самом крупном в округе — четыре тысячи акров яблоневого сада. Лондона так бесит это снижение платы, что он готов на все. А дружок его, что с Хантеровой плантации,

зовется Дейкином. Мы туда вечером отправимся и с Дейкином переговорим.

— Так что ж, дело сдвинулось, по-твоему?

— Да, похоже.

Мак нырнул в один из темных дверных проемов и тут же появился опять с жестянкой сардин и батоном хлеба. Положив хлеб на ступеньку, он покрутил ключ жестянки, наворачивая на него крышку.

— Ты расспрашивал людей, как я тебя учил, а, Джим?

— Мне мало случаев представилось. Но со стариком Дэном я побеседовал.

Мак перестал крутить ключ.

— Господи, это еще зачем? На кой тебе понадобилось с ним беседовать?

— Мы на одном дереве оказались.

— Ну, так на другое перешел бы! Слушай, Джим, наши люди в большинстве своем тратят время зря. Смысл был бы молодняк в нашу веру обратить. А за стариков вроде этого твоего биться — игра не стоит свеч. Ни к чему это, разговаривать с ними — так они сами тебя в безнадежности всех усилий убедят. Весь запал свой они уже израсходовали. — Он снял крышку и поставил открытую жестянку перед собой. — Вот. Положи

себе рыбки на хлеб. Лондон сейчас ужинает, но совсем скоро будет здесь. И мы поедем на его «фордике».

Джим вынул из кармана перочинный нож, отрезал ломоть хлеба и, положив на него три сардины, слегка вмяв их в хлеб и сбрызнув маслом из жестянки, прикрыл другим ломтем.

— Как девушка? — спросил он.

— Какая девушка?

— Ну, та, с ребенком которая.

— О, с ней все в порядке. Но ты, видно, думаешь, что я Господь Бог, как уверяет всех Лондон. Я признался ему, что никакой я не доктор, а он продолжает меня доком величать. Уж очень переоценивает мои заслуги. А знаешь, если девушку эту приодеть и накрасить как надо, она будет очень даже недурна. Сделай себе еще сэндвич.

Тем временем совсем стемнело. Большинство дверей закрылось, и тусклый отсвет зажженных в каморках огней лег на землю аккуратными светлыми квадратиками.

Мак жевал свой сэндвич.

— В жизни не видел столько страхолюдин в одном месте! Единственной хорошенькой в лагере тринадцать лет. Правда, ее уже наверняка какой-нибудь восемнадцатилетний обхаживает,

но ведь и мне не пятьдесят…

— Нелегко тебе, видать, приходится без этого самого, — заметил Джим.

— Почему же без этого самого, черт побери! — хохотнул Мак. — У меня, как солнышко пригреет, в штанах так и свербит. Это уж как положено.

На небе показались звезды — яркие, крупные. Звезд было немного, но свет их в холодном ночном небе словно пронизывал острыми иголками. Из ближних каморок доносился многоголосый шум — он шел волнами, то поднимаясь, то стихая, иногда из многоголосья вырывался единичный выкрик.

Джим повернулся на шум:

— Что там происходит, Мак?

— В очко играют. Как выдалась минутка — тут же и начинают. Не знаю, на что вместо денег ставят. Может, на недельный заработок следующий. Так мало что останется от этого заработка, когда долг в лавке погасят. Сегодня там один парень две банки смеси изюмно-миндальной взял. Слопает вот вечером их разом, а к утру ему живот скрутит. Изголодались они, знаешь, по вкусному. Замечал, когда проголодаешься, что мысли без конца вокруг одного какого-нибудь блюда крутятся? Мне вот всегда пюре картофельное мерещится,

и чтобы масло в нем так и плавилось! Наверное, этот парень сегодняшний о тушенке месяцами мечтал.

Вдоль фронтона здания двигался крупный мужчина, и падавший из окон свет то и дело освещал его фигуру, когда он проходил мимо.

— Вот и Лондон, — заметил Мак.

Мужчина вразвалку подошел к ним, нетерпеливо поведя плечами. Тонзура его в сравнении с черным ободком волос казалась очень белой.

— Я поел, — сказал Лондон. — Теперь в дорогу. Мой «форд» вон там стоит, сзади.

Он повернулся и направился туда, откуда появился. Мак и Джим последовали за ним. За бараком, уткнувшись в него носом, стоял «форд» модели «Т» — туристский, с откидным верхом. Сиденья его были обтрепаны, клеенка на них растрескалась до такой степени, что из щелей торчал конский волос. Лондон влез в машину и повернул ключ зажигания; раздался скрежет контактных прерывателей.

— Заведи ее, Джим, — попросил Мак.

Джим всем телом приналег на тугую заводную ручку.

— Искра на нуле? Не хочу, чтобы меня по башке треснуло.

— На нуле. Вытяни дроссель там впереди, — велел Лондон.

Запыхтело, поступая, горючее.

Джим крутанул ручку. Мотор закашлял, и зловредная ручка рванула назад.

— Чуть по мне не заехала!

— Уменьши подачу. Она всегда брыкается немного, — сказал Лондон. — Больше дроссель-то не тяни.

Джим опять крутанул ручку. Взвыл мотор. Тускло загорелись фары. Джим залез на заднее сиденье и уселся возле старых покрышек, камер и джутовых мешков.

— Шумит, конечно, но ездить все еще ездит! — прокричал Лондон.

Он дал задний ход, вырулил на проселок и, проехав по саду, выкатил на бетонное окружное шоссе. Машина с грохотом и дребезжанием двигалась по дороге, холодный ветер со свистом врывался через щель треснувшего лобового стекла. Джим съежился за спинкой переднего кресла, прячась от ветра. На небе светилось зарево городских огней. По обеим сторонам дороги тянулись высокие темные яблони, и время от времени сквозь их листву просвечивали огоньки придорожных домов. «Форд» обгонял большие фуры

и грузовики, бензовозы, серебристые, с каемкой синих огоньков молоковозы. Из маленького ранчо на дорогу выбежала овчарка, и Лондон резко повернул руль, чтобы не сбить ее.

— Недолго она так протянет! — крикнул Мак.

— Терпеть не могу собак давить, — проворчал Лондон. — С кошками — дело другое. Я трех кошек порешил, пока сюда ехал из Рэдклиффа.

Машина, дребезжа, катила дальше со скоростью тридцать миль в час. Когда вырубались два цилиндра, машина начинала двигаться рывками, пока цилиндры внезапно не включались снова.

Проехав так миль пять, Лондон сбавил скорость.

— Здесь где-то дорожка должна быть, — пояснил он.

Ряд серебристых почтовых ящиков подсказал им, в каком месте следует свернуть на проселочную дорогу. Над въездом высилась деревянная арка с надписью: «Компания братьев Хантер. Отборные яблоки». Машина медленно тащилась по дороге. Внезапно перед ним возник мужчина, который, подняв руку, преграждал им путь. Лондон остановил «форд».

— Вы что, парни, работаете здесь? — спросил мужчина.

— Нет, не работаем.

— А новых сезонников нам не требуется. У нас полный комплект.

— Нам друзей здесь повидать надо, — сказал Лондон. — Мы у Тэлбота в садах работаем.

— Спиртное, часом, не везете продавать?

— Нет, конечно.

Мужчина осветил фонариком все задние сиденья, оглядел неразбериху камер и покрышек и выключил фонарик.

— Ладно, парни, проезжайте. Только недолго там.

Лондон нажал на педаль газа.

— Въедливый какой, сукин сын, — проворчал он. — Нет хуже копов, чем эти, из частных агентств!

В сердцах он резко выкрутил руль и, сделав поворот, подкатил и встал за строением, очень похожим на то, от которого они отъехали, — тоже длинным, низким, барачного типа зданием, разделенным на каморки.

— Здесь у них чертова уйма народу работает, — сказал Лондон. — Еще три барака есть, таких, как этот.

Он подошел к первой из дверей и постучал. За дверью заворчали, послышались тяжелые

шаги. Дверь приоткрылась. Выглянула рыхлая женщина с вислыми лохмами волос. Лондон грубо спросил:

— Где Дейкин проживает?

Властный тон заставил женщину ответить мгновенно:

— Третья дверь отсюда, мистер. Он там живет, с женой и двумя ребятишками.

— Спасибо, — буркнул Лондон и отвернулся, оставив женщину с открытым для продолжения разговора ртом. Высунувшись из-за двери, она следила за тем, как троица проследовала к третьей двери и Лондон забарабанил в нее. К себе она отправилась лишь после того, как дверь Дейкина закрылась за ними.

— Кто это был? — спросил ее мужской голос.

— Не знаю, — ответила она. — Здоровый какой-то детина Дейкина спрашивал.

Дейкин оказался мужчиной щуплым, с мелкими чертами лица, настороженным непроницаемым взглядом и малоподвижным ртом. Голос его звучал резко и однотонно.

— Сукин ты сын! Заходи уж, с самого Рэдклиффа от тебя ни слуху ни духу!

Он посторонился, давая пройти.

— Это док, Дейкин, — сказал Лондон, — и его

дружок. Док помог Лайзе прошлой ночью. Может, слыхал?

Дейкин протянул Маку длинную бледную руку.

— Слыхал, конечно. Двое наших там как раз были. Можно подумать, будто Лайза слоном разродилась, столько разговоров вокруг этого. Вот моя хозяйка, док. Можешь взглянуть. И на мальцов моих тоже. Здоровенькие!

Женщина встала — красивая, большегрудая, круглолицая, со следами румян на щеках и сверкающим на свету золотом коронок верхним рядом зубов.

— Приятно познакомиться, мальчики, — произнесла она хрипловато. — Кофейку вам налить или, может, выпьете глоточек?

Взгляд Дейкина немного потеплел от гордости за жену.

— Ну, мы замерзли чуток по дороге-то, — осторожно намекнул Мак.

Золото коронок сверкнуло в улыбке.

— Так я и думала!

Она достала бутылку виски и мерный стаканчик.

— Налейте себе, мальчики. Больше, чем доверху, не получится.

Бутылка и стаканчик пошли по кругу. Последней опрокинула свой стаканчик миссис Дейкин. Затем она заткнула бутылку пробкой и убрала ее в импровизированный буфетик.

В комнате стояли три складных парусиновых стула и две парусиновые детские раскладушки. К стене приткнулась большая раскрытая походная кровать.

— Уютно у вас здесь, мистер Дейкин, — заметил Мак.

— У меня грузовичок имеется, — отвечал Дейкин. — Я перевозками здесь подрабатываю, ну и для себя вещи возить могу. А хозяйка моя рукастая. В лучшие времена она сдельной работой хорошую деньгу зашибала.

Миссис Дейкин улыбнулась от такой похвалы.

Внезапно Лондон оставил всякие церемонии.

— Нам надо пройти куда-нибудь, чтобы переговорить, — сказал он.

— Почему бы не здесь переговорить?

— Разговор будет как бы не для посторонних ушей.

Дейкин не спеша повернулся к жене и произнес монотонным, без модуляций голосом:

— Тебе бы с детьми неплохо миссис Шмидт навестить, Алла.

Лицо женщины выразило разочарование. Обиженно выпятив губу, она спрятала свои коронки и секунду вопросительно глядела на мужа, на что он отвечал ей холодным взглядом. Потом длинные белые руки его чуть дернулись, приподнимаясь. И тут же губы миссис Дейкин раздвинулись в широкой улыбке.

— Ну, мальчики, оставайтесь тут и секретничайте, — сказала она. — А мне миссис Шмидт давно пора было навестить. — Она надела короткий жакет из кроличьего меха, взбила золотистые волосы. — Приятного вечера!

Послышались ее удаляющиеся шаги, а затем стук в какую-то дверь подальше.

Дейкин подтянул штаны, сел на широкую кровать и жестом пригласил гостей занять складные стулья. Непроницаемый взгляд его был сосредоточен и устремлен внутрь себя, как у боксера.

— Ну, о чем говорить собрался, Лондон?

Лондон поскреб щеку.

— Как тебе то, что оплату урезали, когда мы уже здесь были?

Крепко сжатые губы Дейкина чуть дернулись.

— Сам подумай, как мне это. Веселого мало!

Лондон подался вперед на своем стуле.

— Ну и что, по-твоему, с этим делать? Есть

идеи?

Непроницаемый взгляд стал чуть острее.

— Нет, а у тебя есть?

— Тебе приходило в голову, что можно собраться и организовать что-нибудь? — Лондон покосился на Мака.

Дейкин перехватил этот взгляд и кивком указал на Мака с Джимом.

— Радикалы, да? — спросил он.

Мак расхохотался.

— Если хочешь нормальной заработной платы, так сразу и радикал!

Дейкин бросил на него пристальный взгляд.

— Я ничего не имею против радикалов, — сказал он. — Но давай говорить начистоту. Недосуг мне ходить вокруг да около. Если вы в партии какой, то я ни о чем таком и знать не желаю. У меня жена, дети и грузовичок. Я не стану из кожи вон лезть, потому что кто-то вставил меня в какие-то списки. Так о чем тогда ты говорить хотел, Лондон?

— Яблоки собрать требуется, Дейкин. Предположим, мы организуем народ.

В светло-серых глазах Дейкина промелькнула неприкрытая угроза. Бесцветный голос произнес:

— Отлично. Вы организуете сезонников. Взбудоражите их шайкой подстрекателей, они проголосуют за стачку. А не пройдет и полусуток, как прикатит поезд, полный скэбов. И что тогда?

Лондон опять поскреб щеку.

— Ну, тогда, думаю, мы начнем пикетирование.

— А на это начальство выдаст вам распоряжение, — парировал Дейкин, — никаких сборищ и пикетов, и поставит сотню людей с автоматами!

Лондон озирался, ища глазами Мака. Взглядом он просил его дать ответ вместо него. Тот сосредоточенно размышлял. Потом сказал:

— Мы просто хотели узнать ваше мнение, мистер Дейкин. Предположим, на сталелитейном заводе три тысячи рабочих бастуют и выставили пикеты. Завод огорожен колючей проволокой. Хозяин пускает по проволоке ток высокого напряжения. Ставит стражу у ворот. Это нетрудно. Но сколько помощников шерифа потребуется, чтобы выставить стражу по всей долине?

На секунду глаза у Дейкина блеснули, но тут же взгляд его снова заволокло.

— Автоматы, — парировал он. — Предположим, со скэбами мы справились, а тут началась стрельба. Стрельбы эти бродяги уж точно не выдержат.

Не говори мне, что это не так. Как только жахнут из десятикалиберного, они тотчас, как кролики, в кусты сиганут! И что ты делать будешь со своими пикетами?

Взгляд Джима метался между спорящими. Затем и сам он влез в спор.

— Да скэбы по большей части побросают работу после первой же беседы с ними.

— Ну а те, что не побросают?

— Хорошая мобильная группа вполне справится с ситуацией, — заявил Мак. — Я работаю на сборе, знаю. Люди злы, как черти, обижены на это снижение платы. И не забывайте, что яблоки-то собрать необходимо. И сад не огородишь, как сталелитейный завод!

Дейкин встал, подошел к своему коробчатому буфету и налил себе выпить. Указал на бутылку остальным, но все трое покачали головами.

— Говорят, в нашей стране у нас есть право на забастовку, — сказал Дейкин, — а потом издают законы, запрещающие пикетирование. Выходит, что единственное право, которое у нас остается, — это право сдаться. Неохота мне лезть во все это. Я уж как-нибудь со своим грузовичком…

— А куда, — начал было Джим, но у него пересохло в горле, и он поперхнулся, откашлива-

ясь. — Куда вы отправитесь, когда яблоки будут собраны, мистер Дейкин?

— На хлопок, — отвечал Дейкин.

— Ну, там плантации даже крупнее. Если мы проглотим снижение платы здесь, то там ее снизят и того больше.

Мак улыбнулся ему ободряющей улыбкой.

— Вы отлично знаете, что именно так и будет, — подхватил он. — Они всегда так делают — снижают и снижают, пока люди наконец не взбунтуются и не вступят в драку.

Дейкин осторожно поставил на место бутылку, подошел к большой кровати, сел. Он разглядывал свои длинные белые руки, мягкость которых сохранили рукавицы.

— Не хочу я склок этих, — сказал он. — Мы с хозяйкой моей и ребятишками до сих пор как-то жили, и неплохо жили. Почему они не могут оставить нас в покое?

— Не вижу я другого выхода для нас, кроме как организоваться, — сказал Мак.

Дейкин беспокойно заерзал на кровати.

— Наверно, придется. Но сильно влезать я не согласен. Что вы, парни, хотите, чтобы я сделал?

— Ты можешь раскачать здешних парней, Дейкин, — сказал Лондон. — Начинай исподволь

здесь, а мне, может, удастся наших парней подстегнуть.

— Раскачать, если человек не хочет, чтобы его раскачали, не удастся, — вмешался Мак. — Дейкин и Лондон должны просто начать разговаривать с людьми, а больше ничего. И пусть люди выговорятся. Они уже на взводе, кипят, но возможности высказаться, выговориться, у них нет. И надо, чтобы разговоры пошли и в других местах, всюду, по всей округе. Пусть люди выскажутся завтра и послезавтра тоже. После этого мы созовем митинг. И брожение пойдет быстро, так накипело у парней.

— А мне вот что сейчас в голову пришло, — произнес Дейкин. — Предположим, устроим мы забастовку, и куда нам тогда? Здесь лагерем стоять мы не сможем. На дороги податься — окружные, федеративные, — так нас туда не пустят. Куда же мы денемся?

— Я думал об этом, — кивнул Мак. — И вот что надумал: если бы нам хороший участок земли, в частном владении который, отыскать, это было бы как раз то, что надо.

— Может, и так. Только знаешь, что в Вашингтоне учудили? Выгнали людей под тем предлогом, что те, дескать, угрозу общественному здоровью

представляют! А палатки их и бараки сожгли!

— Да, я об этом слыхал, мистер Дейкин. Ну а если доктор найдется, который возьмет ситуацию под контроль? Тогда руки у них будут связаны.

— Это вы тот самый доктор? — с подозрением в голосе осведомился Дейкин.

— Нет, я не доктор, но знакомый врач у меня имеется. И он, думаю, за это бы взялся. Я все обдумывал, мистер Дейкин. И кое-какую литературу о забастовках тоже читал.

От улыбки Дейкина повеяло льдом.

— Читал, говоришь, про забастовки ты чертову уйму. А состряпал их, поди, и того больше, — процедил он. — Уж слишком ты ученый по этой части! Не желаю я тебя слушать! Не знаю ничего и знать не хочу!

Лондон повернулся к Маку:

— Ты всерьез надеешься организовать здешний народ, док?

— Слушай, Лондон, — ответил Мак, — даже если мы проиграем, то поднимем такой шум, что снизить оплату сборщикам хлопка они не посмеют. А значит, это уже успех даже в случае проигрыша.

Дейкин медленно кивнул в знак согласия:

— Ладно, я прямо с утра и начну с людьми

разговаривать. Вы правы насчет того, что народ обозлен очень. Обиду-то они чувствуют большую, а что делать — не знают.

— Ну вот мы им идею и подкинем, — усмехнулся Мак. — Попробуйте связаться с людьми и на других ранчо, мистер Дейкин, завязать контакты, и как можно больше. — Он встал. — Ну, думаю, лучше нам обратно двинуть. — И он протянул руку: — Рад был познакомиться, мистер Дейкин.

Неподатливые губы Дейкина раздвинулись, обнажив ровный ряд очень белых искусственных зубов.

— Если бы в моем владении находилось три тысячи акров яблоневого сада, — сказал Дейкин, — знаете, что бы я сделал? Я притаился бы за кустом, и когда бы вы проходили мимо, то бросился бы и проломил вашу чертову башку! От многих несчастий это бы всех уберегло. Но все, чем я владею, — это грузовичок и кое-какая садовая мебелишка.

— Спокойной ночи, мистер Дейкин. Еще увидимся, — попрощался Мак.

Выходя, Джим и Мак услышали, как Лондон говорил Дейкину:

— Это отличные парни. Может, они и красные, но парни что надо.

Лондон вышел вслед за ними и закрыл за собой дверь.

Другая дверь, немного поодаль, приоткрылась, образовав квадратик света. Миссис Дейкин и дети приблизились к ним.

— Спокойной ночи, мальчики, — сказала миссис Дейкин. — Я караулила, смотрела, когда вы выйдете.

«Форд», дребезжа и кашляя, проделал обратный путь и уткнулся носом в стену барака. Мак и Джим расстались с Лондоном и отправились в свою темную каморку. Джим лег на пол, завернулся в обрывок ковра, укрылся шарфом. Мак, прислонившись к стене, закурил. Спустя немного времени он раздавил тлеющий окурок.

— Джим, ты не спишь?

— Нет, конечно.

— Это удачно было, Джим. Дело пошло на лад, когда ты ввернул насчет хлопка. Это ты удачно сказал.

— Я помочь хочу, — азартно заговорил Джим. — Господи, Мак, меня прямо переполняет все это, так и поет внутри! Спать не хочется, а хочется идти и сразу начать помогать.

— Лучше поспи, — осадил его Мак. — Нам предстоит много вечерней работы.

Глава 6

Наутро ветер дул в междурядьях, раскачивал ветви деревьев, и падалица с глухим стуком ударялась о землю. Ветер нес с собой мороз и странную осеннюю тишину. Сборщики суетились, убыстряя темп работы и поплотнее запахивая одежонку на груди. Когда в междурядьях проходили грузовики, столбом поднималась пыль, и ветер разносил ее.

На учетчике приемного пункта была куртка из дубленой овчины, и когда он не считал ведра, то руки, книжицу свою и карандаш совал в карманы и беспокойно переминался, согревая ноги.

Джим, притащив на пункт свое ведро, поинтересовался:

— Замерз малость, да?

— То ли еще будет, если ветер не переменится, — ответил учетчик. — Да и сейчас от холода яйца сводит.

Мрачного вида паренек, подойдя к ним, высыпал яблоки из ведра. Брови его были нахмурены. Темные волосы росли низко, спускаясь на лоб. Красные глаза злобно поблескивали. Он пересы-

пал яблоки в ящик.

— Не побей яблоки-то, — сказал учетчик. — На битых гниль заводится.

— Что ты говоришь!

— То, что слышишь. — Учетчик вычеркнул что-то в своей книжице. — Это ведро в счет не идет.

Полные затаенной злобы глаза окинули его враждебным взглядом.

— Я притащил ведро. Твое дело принять его!

Учетчик покраснел от гнева.

— Если ты собачиться вздумал, то давай, топай отсюда, и скатертью дорога!

Парнишка злобно сплюнул.

— Мы до тебя первого доберемся! — Он многозначительно взглянул на Джима. — Верно, приятель?

— Лучше пойди работой займись, — спокойно посоветовал Джим. — Не будем работать — денег не будет.

Парнишка указал на междурядье.

— Я вон там, — сказал он, — на четвертом дереве.

Он отошел.

— И чего взъелся… — пожал плечами учетчик. — Все с утра такие обидчивые…

— Может, это из-за ветра, — предположил

Джим. — Думаю, дело в этом. Ветер дует, и люди нервничать начинают.

Учетчик бросил на него быстрый взгляд, потому что уловил насмешку в его тоне.

— И ты нервничать начинаешь?

— Ну да.

— Что-то носится в воздухе, Нолан? Назревает что-то, да?

— Ты это о чем? Что «назревает»?

— Ты отлично знаешь, черт возьми, о чем я говорю!

Джим постучал по ноге пустым ведром. Потом отступил на несколько шагов от проехавшего мимо и поднявшего клубы пыли грузовика.

— Видимо, эта твоя черная книжица тебе зрение застит, — заметил он. — Ты оторвись от нее, взгляни по сторонам, может, что и увидишь.

— Значит, правда. Готовятся беспорядки, так? В воздухе это летает.

— В воздухе пыль летает, — отшутился Джим.

— Знаю я, что это за пыль. Видал раньше.

— Ну, стало быть, ты в курсе. — Он повернулся, собираясь отойти.

— Погоди-ка, Нолан. — Джим остановился, оглянулся. — Ты славный парень, Нолан, и работник хороший. Что происходит, а?

— Не понимаю я тебя, — прищурился Джим. — В толк не возьму, что ты такое говоришь.

— Я тебя черной меткой помечу.

Джим в сердцах шагнул к нему.

— Ну и черт с тобой, ставь свою проклятую метку! — выкрикнул он. — Я тебе слова не сказал, а ты накручиваешь, взъелся на меня из-за того, что парень тебе нахамил!

Учетчик смущенно отвел взгляд.

— Да пошутил я, — сказал он. — Послушай, Нолан, на северной стороне учетчик нужен. Я подумал, что ты бы сгодился для этой работы. Мог бы завтра и приступать. Плата выше будет.

На мгновение глаза у Джима потемнели от гнева, но он тут же улыбнулся и еще ближе подошел к учетчику.

— Чего ты хочешь? — миролюбиво спросил он.

— Скажу напрямик, Нолан. Что-то происходит. Старший велел мне попробовать разузнать. Добудь мне информацию, а я замолвлю за тебя словечко насчет работы учетчика с оплатой пятьдесят центов в час.

Казалось, Джим рассматривает предложение.

— Мне ничего не известно, — медленно заговорил он… — Я мог бы попробовать разузнать, если бы мне была в этом какая-то выгода.

— Ну, пять баксов устроят?

— Вполне.

— Хорошо. Ты побродишь по округе. Я стану начислять тебе ведра, так что за день в оплате ты ничего не потеряешь. Посмотрим, что ты для меня раздобудешь.

— Откуда мне знать, что ты не обманешь? Предположим, я что-нибудь узнаю, сообщу тебе. Если люди про это пронюхают, они с меня шкуру спустят.

— Об этом не волнуйся, Нолан. Старший верных людей ценит. Когда сбор яблок окончится, для тебя отыщется хорошая постоянная работа — на насосе, например, или еще где-нибудь.

Джим подумал еще минутку.

— Я ничего не обещаю, — сказал он. — Буду держать ушки на макушке и, если что узнаю, сообщу тебе.

— Вот и молодец. Будут тебе пять баксов, и работа будет.

— Я этого грубияна парнишку прощупаю, — решил Джим. — Похоже, он что-то знает.

И он направился по междурядью к четвертому дереву. Подойдя, он увидел, что парень слезает по лестнице с полным ведром.

— Привет, — кивнул парень. — Сейчас эти сгру-

жу и вернусь.

Джим взобрался по лестнице и уселся на сук. Ветер доносил бормотание сортировочной машины и запах свежего сидра из прессов. Джим уловил и далекий звук с железнодорожной станции — шипение и лязг сцепляемых вагонов, — сцепщик формировал состав.

Хмурый парнишка вскарабкался по лестнице с ловкостью мартышки. Бросил сердито:

— Когда мы начнем дело, я запасусь хорошим камнем и поквитаюсь с этим подонком!

Джим воспользовался методом Мака:

— Такой хороший парень… За что ты так на него взъелся? И что за «дело» такое, которое вы собираетесь начать?

Парень присел с ним рядом.

— А ты не слыхал?

— О чем?

— Ты не стукач, часом, не донесешь?

— Нет, не донесу.

— Бастовать мы собрались, вот что! — выкрикнул парень.

— Бастовать? На такой хорошей работе? За что бастовать?

— Да нас замордовали совсем, из-за этого и забастовка. В бараке вшей полно, а контора с нас

пять процентов за ночлег дерет! И еще плату урезали после того, как мы сюда добрались. Если мы это все им спустим, на хлопке условия еще хуже будут. Нас здесь в угол загоняют, и ты прекрасно это знаешь, черт возьми!

— Звучит разумно, — согласился Джим. — Кто еще бастовать собирается, кроме тебя?

Парень покосился на него. Глаза его злобно сверкнули.

— Шутить вздумал?

— Нет. Пытаюсь выяснить, что к чему, а ты мне ничего не рассказываешь.

— Нечего мне рассказывать. Пока говорить не о чем. Узнаешь, когда время придет. Люди собрались, сорганизовались. Все готово, на мази, скоро поднимем бучу. Сегодня вечером собрание у некоторых, остальные всё узнают потом.

— Кто стоит за всем этим? — спросил Джим.

— Не скажу. Все может прахом пойти, если сказать.

— Ладно, — кивнул Джим. — Не хочешь — не надо.

— Я бы сказал, если бы мог. Но я обещал молчать. В свое время узнаешь. Ты же с нами бастовать выйдешь, да?

— Не знаю, — пожал плечами Джим. — Не вый-

ду, если знать буду не больше сегодняшнего.

— Вот всех скэбов мы точно поубиваем. Это я могу сказать тебе уже сейчас, черт возьми!

— Быть убитым не собирался и не собираюсь. — Джим приладил на сук свое ведро и принялся неспешно его наполнять. — Есть шансы попасть на это собрание?

— Ни малейших. Там только важные шишки.

— Ты в их числе?

— Имею знакомства, — отвечал парень.

— Ну а кто эти шишки?

Парень установился на Джима хмурым, подозрительным взглядом.

— Слишком уж много вопросов ты задаешь. Не скажу я тебе ничего. По мне, ты шибко на стукача смахиваешь!

Ведро у Джима наполнилось, и он опустил его на землю.

— Что, парни на деревьях толкуют об этом?

– *Толкуют*? Где ты был все утро?

— Работал, — ответил Джим. — На хлеб зарабатывал. Неплохое, знаешь, занятие.

Парень так и вспыхнул:

— Вот и нечего пытать меня, если не собираешься быть со мной заодно!

Джим подмигнул ему, точно так же, как не раз

делал это Мак в его присутствии.

— Прикрути запал, парнишка. Не горячись так. Когда до дела дойдет, я буду с вами.

Парень улыбнулся глуповатой растерянной улыбкой.

— Умеешь распалить…

Джим оттащил свое ведро, высыпал в ящик.

— Времени сколько, знаешь?

Учетчик взглянул на часы:

— Полдвенадцатого. Узнал что-нибудь?

— Да черт его знает… Парень тот просто болтает, несет невесть что… Пускает пыль в глаза. Корчит из себя всезнайку. Я после обеда с другими поболтаю, тогда посмотрим.

— Ладно. Разузнай там, да побыстрее. Грузовик водить сумеешь?

— Приходилось.

— Мы, может статься, тебя на грузовик поставим.

— Было бы здорово.

Отойдя, Джим двинулся дальше по междурядью. Люди на деревьях и лестницах вели разговоры. Джим подошел к усыпанному плодами дереву, на котором работали двое.

— Привет, парень. Лезь к нам за компанию.

— Спасибо. — Джим пристроился на дерево и

начал собирать яблоки. — Столько разговоров сегодня утром, — заметил он.

— Конечно. Дела идут. Поговаривают о забастовке.

— Если народ поговаривает о забастовке, — заметил Джим, — то забастовка, как правило, происходит.

Мужчина, сидевший на ветке повыше, подал голос:

— Я как раз говорил Джерри, что не нравится мне это. Видит бог, зарабатываем мы немного, но все же зарабатываем, а начнем бастовать — вообще ничего не получим.

— Сейчас, может, и не получим, — возразил Джерри. — Зато потом получим больше. Этот чертов сбор яблок скоро закончится, а сбор хлопка — дело более долгое. Начальство, что на хлопке, по-моему, следит за нами в оба. Если мы, как овцы безмозглые, проглотим все и смиримся, они прижмут нас еще сильнее. Вот как оно будет, по-моему.

— Резонно, — улыбнулся Джим.

— Ну а мне все это не нравится, — настаивал другой. — Не люблю я нарываться, если можно этого избежать. Пострадают многие. Не вижу я в этом толку. Не помнится что-то, чтобы забастов-

кой удалось поднять расценки и надолго.

— А если парни пойдут бастовать, ты что, скэбом будешь? — спросил Джерри.

— Нет, Джерри. Скэбом я не буду. Если выйдут бастовать, то и я выйду. Но мне это не нравится.

— А организация, которая всем этим заправляет, уже действует? — спросил Джим.

— Не слыхал я, чтобы действовала, — ответил Джерри. — На митинг пока вроде не созывают. Мы хотим до поры сидеть тихо, но, думаю, если выйдут люди, то и я с ними выйду.

От упаковочного сарая донесся звучный гудок.

— Полдень, — сказал Джерри. — У меня тут под ящиком сэндвичи имеются. Хочешь?

— Нет, спасибо, — отказался Джим. — Мне с попутчиком моим встретиться надо.

Оставив свое ведро учетчику, он направился к паковочному пункту. Сквозь деревья проглядывало высокое беленое строение с грузовой платформой по одной стороне. Сортировочная лента была остановлена, и, подойдя ближе, Джим увидел мужчин и женщин, сидевших на платформе, свесив ноги, и жующих свои завтраки. В уголке здания собралась группа мужчин человек из тридцати. В центре кто-то ораторствовал, горячо и взволнованно доказывая что-то. Слышны

были модуляции голоса, но разобрать слова не представлялось возможным.

Ветер стих, и солнце стало припекать сильнее. Когда Джим подошел к группе, от нее отделился Мак, державший в руке два бумажных свертка.

— Привет, Джим! Вот завтрак: батон и нарезанная ветчина.

— Здорово! Я проголодался.

— Язва больше наших уложила, чем даже выстрелы, — заметил Мак. — Что у тебя слышно?

— Шебуршатся, — ответил Джим. — Готовятся поднять бучу. Я тут пересекся с парнишкой одним, который в курсе. Сегодня вечером собрание у «важных шишек» намечено.

Мак рассмеялся.

— Хорошая новость. Я все думал, взялись ли за дело парни, которые «в курсе». Они нам здорово пособить могут. А вообще-то люди очень злы, как тебе кажется?

— Ну, разговоры ведутся во всяком случае. Да, Мак, учетчик пять баксов обещал и работу постоянную за то, чтобы разузнал я, что происходит. Я сказал, что буду держать ушки на макушке.

— Хорошее поручение, — одобрил Мак. — Может быть, ты этим и деньжонок сможешь заработать.

— Что посоветуешь ему говорить?

— Подожди, дай подумать… Говори, что это так — временный всплеск, скоро все утихнет. Что не стоит волноваться.

Он резко повернул голову. К ним неспешно приближался мужчина — коренастый, в грязном комбинезоне, с почерневшим от грязи лицом. Подойдя почти вплотную, мужчина оглянулся, опасаясь свидетелей.

— Я от комитета посланный, — шепнул он. — Как у вас дела?

Мак вскинул на него удивленный взгляд:

— О каких делах вы толкуете, мистер?

— Сами знаете о каких. Комитету отчет нужен.

Мак с недоумением поглядел на Джима.

— Этот человек не в себе, — вздохнул он. — Что еще за комитет такой?

— Да брось, все ты знаешь… — И, понизив голос, мужчина добавил: — Товарищ!

Мак горделиво выступил вперед. Лицо его потемнело от гнева.

— Где ты поднабрался всего этого дерьма с «товарищами»! — рявкнул он. — Если ты из этих радикалов паршивых, то не на того напал! Топай отсюда, да поживее, пока я парней на подмогу не позвал!

Манера подошедшего тут же переменилась.

— Поаккуратнее шагай, детка, — процедил он. — Ты у нас на заметке. — И он неспешно удалился.

Мак вздохнул:

— Ума у них не так чтоб в избытке, но сообразить сообразили быстро.

— Думаешь, он шпик? — спросил Джим.

— Господи, ясное дело. Нормальным образом так себе лицо не измажешь. Быстренько они нас вычислили, однако. Давай-ка сядь, и перекусим.

Усевшись прямо на землю, они сделали себе толстые сэндвичи с ветчиной.

— Он тебе на взятку намекал, — сказал Мак и, повернувшись к Джиму, с серьезным видом повторил: — «Поаккуратнее шагай, детка». Прямее не скажешь! Выбыть из строя мы теперь не можем себе позволить. А таких, что за пять баксов тебя продать готовы, здесь полно, это надо помнить. Разговори людей, а сам помалкивай.

— Как же, по-твоему, нас вычислить умудрились? — спросил Джим.

— Вот уж не знаю. Какой-нибудь шпик из города на нас указал. Видимо, мне стоит подыскать здесь помощников, на случай, если ты или я выпадем из обоймы. События назревают, людям нужно

руководство. Все спланировано очень удачно.

— Они нас в тюрьму потащат? — спросил Джим.

Мак прожевал жесткую корку, прежде чем ответить:

— Нет, сперва застращать попытаются. Вот слушай, если кто-нибудь в мое отсутствие станет грозить тебе судом Линча, не давай себя запугать. Но и в бутылку, как Джой, не лезь. Что ни говори, действуют они ловко. Впрочем, мы тоже завтра начнем действовать. Я вчера вечером плакаты заказал. К утру будут, если Дик раскошелится. А сегодня вечером инструкции поступят, почтой.

— Что ты мне поручишь? — спросил Джим. — Пока что я только слушаю, а хочется дело делать.

Мак оглядел его и широко улыбнулся.

— Поручений будет уйма. Все больше и больше. Буду тебя использовать на полную катушку. Эти твои слова насчет хлопка в самую точку были. Я утром слыхал, как парни пересказывают их уже так, будто сами до этого доперли.

— А куда мы вечером подадимся, а, Мак?

— Помнишь Эла, парня в фургоне-закусочной? Он говорил, что у старика его сад небольшой. Я подумал, может, мы прошвырнемся и старика его повидаем.

— Ты намечаешь это место как укрытие для ребят?

— По крайней мере хочу разведать, как там и что, — ответил Мак. — Сейчас полыхнуть может в любой момент. Это как шар воздушный надувать. Никогда не знаешь, в какой момент его разорвет. Ведь шары — они все разные.

— Ты завтра вечером большой сход собираешься созвать?

— Собираюсь, но как все сложится, в точности неизвестно. Парни порядком разогреты. Могут подняться и раньше, если что-то их подтолкнет. Сказать трудно. Я хочу быть готовым. Если я воспользуюсь этим местом у старика, пошлю за доком Бертоном. Он парень чудной и не в партии, но всегда поможет. Он подготовит место, примет все положенные санитарные меры, чтобы Красный Крест нас не прикрыл.

Джим откинулся на спину, положив руку под голову.

— О чем они спорили так рьяно возле упаковочного сарая?

— Не знаю. Людям просто спорить охота, вот и все. С тем же успехом это могли быть сторонники Дарвина в споре с защитниками Ветхого Завета. Почему бы им не сцепиться? Когда людей дони-

мает желание спорить, они лезут в драку за все что угодно. Будь осторожен, Джим. Кто-нибудь может заехать тебе в морду просто потому, что нервы у него на взводе.

— Хорошо бы уж все началось, — сказал Джим. — Мне не терпится. По-моему, когда все начнется, от меня больше пользы будет.

— Из штанов-то особо не выпрыгивай, — посоветовал Мак.

Они полеживали так, отдыхая, пока сиплый свисток не возвестил час дня. Перед тем как им расстаться, Мак сказал:

— Когда закончим работу, ко мне беги со всех ног. Нам вечером кое-какой путь проделать надо будет. Возможно, Эл даст нам опять еды бесплатно.

Джим побрел к приемному пункту, где оставил свое ведро.

Вновь громыхала сортировочная лента, ревели запускаемые моторы грузовиков. Возле приемного пункта стояли люди. Джим взял свое ведро. Учетчик не сразу заговорил с ним, но, когда Джим подтащил к нему первые же из полных ведер, спросил:

— Разузнал что-нибудь, Нолан?

Наклонившись над ящиком, Джим медленно,

одно за другим, клал туда яблоки.

— По-моему, все это скоро сдуется. Парни по большей части не настолько уж и злы.

— Почему ты так решил?

— Слыхал, отчего они взбеленились? — спросил Джим.

— Нет. Я думал, оттого, что плату урезали.

— Вовсе нет, черт возьми. На плантации Хантера парню в лавке тухлые рыбные консервы подсунули. Парень отравился. Ну, ты же знаешь, как это бывает у рабочих, когда кого-нибудь обидели, обида вроде как доползла и сюда, но я в обед поговорил кое с кем из парней, они очухиваются уже.

— Ты уверен, что это дело прошлое?

— Уверен. Как насчет пяти баксов?

— К завтрему будут.

— Ну, я за пять баксов подрядился и еще за работу хорошую, что ты мне обещал подыскать.

— Помню и это. Завтра сообщу.

— Мне деньги заранее причитались, до того, как я сведения принес!

— Не волнуйся. Деньги ты получишь.

Джим отошел к деревьям. Когда он уже стал карабкаться на лестницу, сверху раздался голос:

— Поостерегись лестницы этой. Ненадежная!

Джим заметил на дереве старого Дэна.

— Господи ты боже, никак молодой радикал к нам пожаловал, — приветствовал его Дэн.

Джим поднимался осторожно. Перекладины лестницы шатались.

— Как дела, Дэн? — спросил Джим, подвесив ведро.

— О, отлично. Только чувствую себя не слишком. Холодные бобы всю ночь в животе колом стояли, как утюгом придавило.

— Да, лучше бы тебе, конечно, было чем-то теплым поужинать.

— Слишком я устал тогда, чтоб огонь разводить. Оклемался все-таки. А утром думал, не встану.

— Надо бы попробовать тебе в благотворительную организацию какую-нибудь обратиться, — посоветовал Джим.

— Не знаю даже. Кругом о забастовке говорят, к беспорядкам дело идет. А я устал и не хочу беспорядков. Куда мне, если забастовка?

— Бастовать вместе со всеми. Быть во главе. — Джим постарался расшевелить старика, сыграв на его гордости. — Люди с уважением отнесутся к тому, что скажет старый рабочий вроде тебя. Ты мог бы руководить пикетчиками.

— Наверно, мог бы, — согласился старый Дэн,

высморкался в большие заскорузлые пальцы и отряхнул их. — Да не хочу. Вот похолодает сегодня рано, и все, чего мне хочется, — это миску супа горячего на ужин. Такого, чтоб обжигал и чтоб куски мяса плавали в тарелке, и гренок горячих хочется, чтоб в суп макать. А любимое мое — это яйца в мешочек. Когда я на лесоповале работал и деньги у меня водились, я иногда в городе яиц в молоке брал по полдюжины, обмакивал в жижу хлеб и делал гренки. Я неплохие деньги в лесу зашибал. Две дюжины яиц легко мог себе позволить. Сейчас бы так. И чтоб с маслом, и перчиком присыпать.

— Нет таких крутых, каким ты в свое время был, да, папаша? В былые годы на работе ты любого обставить мог.

Свет воспоминаний померк в глазах Дэна. Он выпятил колючий подбородок.

— Да я и сейчас обставить могу дюжину молокососов вроде тебя, которые только болтать и горазды! — Полный негодования, он потянулся за яблоками и чуть не перекувырнулся, но удержался, уцепившись за ветку крупной костлявой рукой.

Джим забавлялся ловкостью старика.

— Да ты просто пыль в глаза пускаешь, папа-

ша!

— Думаешь, пыль? Так попробуй угнаться за мной!

— Какой смысл нам с тобой соревноваться, если прибыль все равно хозяину пойдет!

Старый Дэн укладывал яблоки в ведро.

— Вы, молодежь зеленая, не до конца в работе разбираетесь. Кое-что вам лишь предстоит узнать. Вы как табун лошадиный, все бы вам только сена побольше. И ржете, ржете — давай, мол, еще сена, еще! Все сено, сколько есть, готовы схапать. Доброму человеку тошно уже от вашего ржания!

Ведерко у старика было переполнено, и, когда он поднял его, снимая с крюка, пять или шесть яблок, выкатившись из ведра и попрыгав по веткам, упали вниз под дерево.

— Посторонись, молокосос, не мешай мне! — крикнул Дэн. — Отодвинься от лестницы!

— Ладно, папаша, только не торопись. Ничего ты спешкой не выгадаешь.

Джим освободил верхнюю перекладину, переместился на сук. Он повесил ведро и потянулся за яблоком. За его спиной раздался громкий треск и глухой стук падения. Он оглянулся. Старый Дэн лежал под деревом на спине. В открытых глазах

застыло изумление. Лицо под белой щетиной было бледным до синевы. Две перекладины лестницы подломились.

— Как это тебя угораздило? Сильно расшибся, папаша? — крикнул Джим.

Старик лежал неподвижно. Глаза глядели недоуменно и вопросительно, рот скривился. Дэн облизывал губы.

Джим слез с дерева, опустился на колени возле старика.

— Где болит, папаша?

Дэн осторожно вздохнул.

— Не знаю я. Пошевелиться не могу. Наверно, бедро сломал. А болеть — не болит нигде.

К ним бежали люди. Джим видел, как рабочие, побросав свои деревья, со всех ног спешили к ним. Притрусил и учетчик от своей груды ящиков. Люди толпились, напирая со всех сторон.

— Что он повредил?

— Случилось-то чего?

— Слишком стар по деревьям лазить!

Кольцо людей сжималось все теснее, вбирая вновь прибывших. Джим услышал вопль учетчика:

— Дайте пройти! Пропустите!

Лица вокруг были неподвижны и угрюмы.

— Отойдите! Не толпитесь! — крикнул Джим.

Толпа шелохнулась. В задних рядах послышался ропот. Чей-то голос выкрикнул:

— Поглядите-ка на эту лестницу!

Все как по команде подняли головы; глаза присутствующих обратились туда, где свисали обломки перекладин. Кто-то произнес:

— Вот на чем нас работать ставят! Глядите!

Джим различал топот все прибывающих и прибывающих людей. Люди сбегались толпами. Встав, он попытался разорвать кольцо.

— Отойдите, кретины! Вы ж ему дышать не даете!

Старый Дэн приподнял веки. Лицо его было спокойно и очень бледно от потрясения. Шум в задних рядах все нарастал:

— Поглядите на эту лестницу! Вот на чем нас работать заставляют!

Вместе с шумом в толпе рос гнев. В глазах у людей сверкала ярость. За секунду смутное беспокойство и злость сфокусировались и обрели цель.

Учетчик все вопил:

— Дайте пройти!

Внезапно толпу прорезал истерический крик:

— Убирайся отсюда, сукин ты сын!

Началась потасовка.

— Берегись, Джо! Держись! Не отпускай его! За ноги держи!

— А теперь, мистер, ноги в руки и мотай отсюда!

Джим поднялся.

— Освободите-ка место, парни! Надо унести отсюда беднягу.

Люди словно очнулись от сна.

Передние ряды поспешно рассредоточивались.

— Палки давайте! Мы можем носилки из курток соорудить. Вот. Палки ему под мышки суньте. Вот. Застегните пуговицы!

— Теперь полегче, ребята, — сказал Джим. — Думаю, у него бедро сломано. — Он вгляделся в тихое, бледное лицо Дэна. — По-моему, он в обмороке. Осторожно!

Они подняли Дэна на сделанные из курток носилки.

— Вы двое несите его, — распорядился Джим, — остальные расступитесь, дайте пройти.

К этому времени собравшаяся толпа насчитывала уже человек сто. Парни, несущие носилки, выбрались из нее. Только что прибывшие оглядывали сломанную лестницу. Вновь и вновь звучало: «Гляньте, вот на чем нас работать за-

ставляют!»

Какого-то мужчину, тупо уставившегося вверх, на верхушку дерева, Джим спросил:

— А с учетчиком-то что?

— А? Ну, Джо Тиг на него набросился. Хотел мозги ему вышибить. Парни удержали. Джо чуть рассудка не лишился.

— Повезло, что убийства не случилось, — заметил Джим.

За носилками шла целая процессия, и к месту происшествия со всех концов сада спешили люди. Когда подошли к упаковочному сараю, сортировочная лента замерла и шум ее оборвался. Мужчины и женщины толпились в дверях и молчали. Процессия двигалась медленно и важно, как на похоронах.

Из-за угла выскочил Мак и, увидев Джима, поспешил к нему.

— Что это? Отойди сюда, подальше от толпы!

Люди в грозном молчании шли за носилками. Только что подошедшим негромко объясняли: «Лестница. Старая лестница оказалась». Основная часть толпы прошла вперед, оставив Мака и Джима позади.

— Теперь расскажи, что произошло. И побыстрее говори. Надо действовать, пока люди так

обозлены.

— Это из-за старика Дэна. Он свою силу показать хотел, две перекладины лестницы под ним обломились, он упал на спину. Сказал, что, наверно, бедро сломал.

— Ну, бывает, — сказал Мак. — Я ждал чего-то в этом роде. Когда люди в таком состоянии, им много не надо. Схватятся за что угодно. Вот и старый хрыч на что-то сгодился.

— Сгодился? — переспросил Джим.

— Конечно. Стал спусковым крючком. Можем в таком качестве его и использовать.

Они ускорили шаг, догоняя толпу. Пыль от многих ног висела в воздухе, медленно растекаясь бурым облаком. Со стороны города доносился грохот сцепляемых на станции вагонов.

На флангах толпы суетились женщины, но мужчины шли за носилками, храня молчание, двигаясь к бараку.

— Поскорее, Джим, — подгонял Мак. — Надо поторапливаться.

— Куда мы сейчас?

— Надо Лондона разыскать и сказать ему, что и как делать, затем нам надо будет пойти телеграмму отправить, а после я собираюсь, не откладывая, повидать Элова старика. Гляди, вот и

Лондон там показался! Привет, Лондон! — Мак перешел на бег, и вслед за ним припустил и Джим.

— Начало положено, Лондон, — отдуваясь, произнес Мак. — Старый Дэн свалился с дерева. Дальнейшее зависит от нас.

— Что ж, это нам на руку, не так ли? — произнес Лондон. Он снял шляпу и поскреб свою тонзуру.

— Еще бы, — запальчиво бросил Мак. — Но все пойдет вразнос, если мы не овладеем ситуацией. Смотри, вон там идет твой тощий приятель. Позови его, пусть подойдет.

Лондон сложил ладони рупором.

— Сэм! — заорал он.

Джим увидел, что к ним направляется тот мужчина, что сидел возле костра. Мак сказал:

— Слушай, Лондон, и ты, Сэм. Я сейчас скажу вам много важного и очень быстро, потому что мне надо отлучиться. Эти парни готовы вот-вот поднять бучу. Ты, Сэм, пойди и скажи им, что надо провести собрание. А потом ты выдвинешь Лондона в председатели. На это они согласятся. Они почти на все согласятся. Больше от тебя ничего не требуется. — Мак черпанул пригоршню земли, растер в ладонях, беспокойно затопотал, переминаясь с ноги на ногу. — Теперь слушай ты, Лондон. Как только станешь председателем,

велишь всем соблюдать порядок. И дашь список человек из десяти, чтоб проголосовали за них. Это будет комитет, который станет всем заправлять. Ясно?

— Ясно, конечно. Понял.

— Теперь смотри: вот как надо делать. Если хочешь, чтобы проголосовали за что-то, говоришь: «Хотите это сделать?» Если хочешь, чтобы проголосовали против, говоришь: «Вы не хотите этого, правда же?» Главное, проводить голосование *за все*. Понятно? Этого они ждут.

Они разглядывали толпу возле барака. Мужчины не шумели, но вели себя беспокойно. Им трудно было долго стоять на месте, они передвигались, разминали плечи, но их лица были невозмутимы, как у спящих.

— А вы куда, парни? — спросил Лондон.

— Нам надо место разведать, где людям находиться, когда начнутся открытые действия, ферму одну осмотреть. О да, еще одно: выделите группу из самых рьяных и пошлите их на другие ранчо — пусть побеседуют, поагитируют. Подберите самых речистых. Ну, договорились?

— Да, договорились, — кивнул Лондон.

— Разрешишь «фордиком» твоим воспользоваться? Нам кое-какой путь предстоит.

— Конечно, берите, если управитесь с ним. Он у меня с причудами.

Мак повернулся к Сэму:

— Хорошо. Вон туда иди. Встань где-нибудь повыше и гаркни: «Ребята! Нам собрание провести надо!» А потом кричи: «Предлагаю Лондона в председатели!» Давай, Сэм. Идем, Джим.

Сэм затрусил в сторону барака, за ним более солидной походкой направился туда и Лондон. На задах за бараком Мак и Джим отыскали старенький «форд».

— Залезай, Джим. Поведешь эту развалину!

Из-за барака донесся рев голосов. Джим повернул ключ, включил зажигание. Подобно маленькой гремучей змейке, зажужжал распределитель. Мак крутанул заводную ручку, выждал, крутанул опять. Новый рев толпы пронесся над крышей барака. Двигатель заработал, и в его реве утонули шум и крики толпы.

Мак впрыгнул в машину, крича:

— Ну, думаю, Лондон теперь наш председатель. Давай, двигай!

Джим дал задний ход и вырулил на шоссе. Оно было пусто. Закатное солнце отбрасывало косые тени деревьев, согбенных под тяжестью плодов. Машина катила вперед, в цилиндрах стучали

поршни.

— Сперва на телеграф, а после на почту! — выкрикнул Мак.

Они въехали в город. Джим вырулил на главную улицу и припарковался напротив офиса «Вестерн юнион».

— Почтамт вон там, за квартал отсюда. Видишь? — показал Мак. — Слушай, Джим. Пока я буду отправлять телеграмму, сходи на почтамт и спроси корреспонденцию на имя Уильяма Дауди.

Несколько минут спустя Джим вернулся с тремя письмами. Мак уже сидел в машине. Раскрыв конверты, он стал читать.

— Черт возьми! Слушай! Вот это письмо от Дика. Он пишет, что Джой сбежал из тюрьмы и неизвестно, где он теперь. Его везли в суд, а он шлепнул полицейского и ударился в бега. Я отправил телеграмму с просьбой прислать подмогу, и доку Бертону телеграфировал, чтобы взял на себя санитарный контроль. Погоди. Сейчас я тебе ее открою. Дуй до фургона-закусочной Эла.

Когда Джим подрулил к фургону, через стекло они увидели хозяина. Облокотившись на пустую стойку, он разглядывал улицу. Едва они вылезли из машины, как Эл, узнав их, приветственно

поднял пухлую руку.

Мак толкнул задвижную дверь.

— Привет, Эл! Как продвигается бизнес?

Глаза у Эла сверкнули огоньком интереса.

— Шел лучше некуда. Вчера вечером целая толпа ребят с яблочных садов нагрянула.

— Я просветил их насчет того, какие первоклассные бифштексы ты подаешь, — сказал Мак.

— Очень любезно с твоей стороны. Сами-то перекусите?

— Ясное дело, — обрадовался Мак. — Мы даже и заплатить бы могли. Только вообрази — мы и платим за все что угодно!

— Нет, с меня причитается, — запротестовал Эл. — Это вроде как компенсация, плата за то, что клиентов ко мне направили.

Он открыл холодильник, пропустил между ладонями фарш и бросил на раскаленный противень две получившиеся котлетки, окружив каждую венком из рубленого лука.

— Ну а у вас как дела? — спросил он.

Мак с таинственным видом перегнулся через стойку.

— Слушай, Эл. Я знаю, что ты парень, которому можно довериться. Таким ты у нас в списках значишься. Ты нам всегда удружить был готов.

Довольный Эл даже покраснел от такой похвалы.

— Да я бы и вовсе заодно с вами был, ребята, только вот о бизнесе заботиться надо. Любой видит, что вокруг делается, несправедливость видит и всякое такое. Каждый, кто с мозгами, приходит к тому же, что и вы.

— Конечно, — поспешно подхватил Мак. — Парня с мозгами учить незачем. Сам понимает, что к чему.

Эл отвернулся, чтобы скрыть довольную улыбку. Он перевернул мясо, потом расплющил его лопаточкой и, собрав поджаренный лук, вмял его в мясную корочку. Потом соскреб жир в отдельный лоток. Прогнав с лица улыбку, он повернулся к ним и с серьезным видом сказал:

— Конечно, ребята, довериться мне вы можете всегда. Какое же у вас ко мне дело?

Он налил две чашки кофе и подвинул их через прилавок поближе к ним.

Мак легонько постучал по стойке лезвием ножа.

— Может случиться так, что о нас с Джимом тебя шпики расспрашивать станут.

— Конечно. Я ничего о вас не знаю и не слыхал, — ответил Эл.

— Правильно. А теперь вот тебе секретная информация. В долине вот-вот большой шум поднимется. На той плантации, где мы работали, уже началось. Другие присоединятся, возможно, уже этим вечером.

— Знаете, из разговоров, которые парни здесь вели, выходит, что начало не за горами. Что вы хотите мне поручить? — негромко спросил Эл.

— Сними-ка лучше мясо.

Ухватив рукой две тарелки веером, Эл наполнил каждую мясом, картофельным пюре, морковью и репой.

— Подливку, джентльмены?

— Смажь чуток, — согласился Мак.

Эл сдобрил мясо подливкой, щедро налив ее ложкой, поставил перед ними тарелки.

— Вот теперь выкладывайте, — сказал он.

Мак набил рот так, что речь его стала нечеткой и то и дело прерывалась жеванием.

— Ты говорил, что у старика твоего есть маленькое ранчо.

— Ну да. Спрятаться там желаете?

— Нет. — Мак нацелил в Эла вилку. — Сбору яблок в этой долине не бывать.

— Ну, послушайте… мистер…

— Погоди. Ты послушай. Пахотная земля на

ранчо у старика есть?

— Да. Около пяти акров. Трава там. Луг под сено. Сено сейчас собрано.

— То-то и оно, — сказал Мак. — У нас скоро будет тысяча или две человек, которым деться некуда. Их вышвырнут с ферм и ранчо и по дорогам им лагерем стоять тоже запрещено будет. Но если бы могли они разместиться на тех пяти акрах, это был бы выход.

Эл побледнел от страха и сомнений.

— О нет, мистер. Не думаю, чтобы старик мой пошел на такое.

— Его яблоки зато будут собраны, — живо возразил Мак. — Собраны быстро и бесплатно. А цена на яблоки подскочит теперь, потому что урожай несобранным останется.

— Ну а разве городские не возьмут потом его в оборот?

— Какие «городские»?

— Ну, Легион и прочие. Они же пронюхают и зададут ему жару.

— Не думаю. Он имеет право селить у себя людей. У меня будет доктор, который поможет устроить лагерь и содержать его в чистоте, а твоему старику яблоки соберут бесплатно.

Эл покачал головой:

— Не знаю даже.

— Ну, мы можем легко это выяснить. Давай поедем к старику и поговорим с ним.

— Я не могу закрыть заведение. И отлучиться не могу.

Взгляд Джима вдруг привлекла недоеденная еда на тарелке, и он принялся есть. Мак тоже ел и, скосив глаза, не выпускал из поля зрения лицо Эла. Он ел, жевал и наблюдал. Эл забеспокоился.

— Вы думаете, что я трушу, — начал он.

— Ничего я не думаю, пока не увижу, — сказал Мак. — Только странным мне кажется, почему кто-то не может на часок закрыть собственное заведение, если он того желает.

— Но те, кто обедает раньше, через час уже сюда заявятся.

— Через час ты и сам уже здесь будешь.

Эл поежился:

— Не думаю я, что старик согласится! Ведь позаботиться о себе он должен сам, разве не так?

— Но пока ему никто не грозил. И почем ты знаешь, что это обязательно будет?

В голосе Мака появился холодок, легкий налет враждебности.

Эл взял тряпку и принялся вытирать стойку. Он бросил на Мака беспокойный взгляд, тут же

отвел его, затем взглянул опять. Наконец он придвинулся поближе.

— Я сделаю это, — сказал он. — Я записку к дверям прикреплю. Не думаю, что старик мой согласится, но вас я к нему провожу.

Мак широко улыбнулся:

— Молодец! Мы это запомним! Первого же сезонника с четвертаком я к тебе полакомиться отправлю.

— За денежку я знатным обедом угощу, — улыбнулся Эл. Он снял высокий поварской колпак, опустил закатанные рукава рубашки, погасил газ.

Мак прикончил еду.

— Вкусно было.

Джим торопливо заглатывал мясо, боясь не успеть.

— У меня там в задах машина малолитражная, — сказал Эл. — Может, вы, ребята, за мною следом двинете? Хоть от меня вам и польза, а неприятности мне не нужны.

Мак осушил свою чашку.

— Правильно, Эл. Зачем тебе дурная компания!

— Вы же понимаете, о чем я.

— Понимаю, конечно. Кончай, Джим. Идем.

Эл написал объявление и прикрепил его к двери с внутренней стороны, так чтобы хорошо было видно через стекло. С усилием втиснувшись в куртку, он придержал дверь, выпуская из фургона Мака и Джима.

Мак покрутил заводную ручку «форда» и впрыгнул в машину, а Джим держал мотор на холостом ходу, дожидаясь, пока старенький двухместный «додж» Эла с грохотом не выкатился на улицу. Тогда Джим, последовав за ним, проехал вдоль всей улицы, ведущей на восток, пересек реку по бетонному мосту и очутился в живописной сельской местности. К тому времени солнце почти склонилось к горизонту. Свет его был красным и уютным, словно припорошенным теплой осенней пылью. Усыпанные плодами яблони по сторонам дороги были серыми от пыли.

Мак напряженно вглядывался в пролетавшие мимо ряды яблонь.

— Не вижу, чтобы кто-нибудь работал! — крикнул он Джиму. — Похоже, ситуация уже под контролем: ящики — вот они, а рабочих-то нет!

Мощеная дорога кончилась, сменившись грунтовой. «Форд» подпрыгивал и сотрясался дрожью на ухабах. После мили такого пути облако пыли вокруг ехавшего впереди «доджа» переместилось,

вползая в какой-то двор. Джим последовал туда же и остановил машину возле «доджа». Перед ними возвышалась водокачка с ветряком наверху. Ветряк крутился, поблескивая на солнце, низко и хрипло гудел насос. Усадьба выглядела очень приятно. Яблони подступали к самому дому — небольшому беленькому ранчо. В грязи от пролитой на землю воды из бака копошились, что-то выискивая, прирученные дикие утки. За проволочной сеткой возле большого амбара теснились и жалобно поскуливали при виде людей два гладкошерстных английских пойнтера. Сам дом был окружен частоколом и буйно разросшимися за ним алыми кустами герани. Над крыльцом свесились плети дикого винограда. Вокруг важно расхаживали рослые и упитанные куры породы плимутрок; довольно кудахтая, они искоса поглядывали на незнакомцев.

Эл вылез из машины.

— Погляди, какие собаки! — сказал он. — Лучше пойнтеров во всей долине не найти. Мой старик любит их больше, чем меня.

— Где же пять акров, Эл? — спросил Мак.

— Подальше, за деревьями. Там другая дорога будет.

— Хорошо. Давай твоего старика поищем. Гово-

ришь, он собак своих любит?

Эл хмыкнул:

— Попробуй сунься только к его собакам. Тогда узнаешь. Живьем слопает!

Джим все глядел на дом, на свежевыбеленные стены амбара.

— Здорово здесь, — сказал он. — Вот жить бы и жить в таком месте.

Эл покачал головой:

— Слишком хлопотно здесь жить-то. Мой старик вкалывает с утра до темна и все равно не может всей работы переделать.

— Да где же он, наконец? — настойчиво спросил Мак. — Идем искать его.

— Вон, видишь? — показал Эл. — Это он из сада идет.

Мак на секунду поднял взгляд и тут же снова стал разглядывать собак за загородкой. Пойнтеры извивались всем телом и кидались на сетку, изнывая от любви.

Мак просунул пальцы в отверстия сетки и потрепал их морды.

— Ты любишь собак, Мак? — спросил Джим.

— Я всех люблю, — раздраженно бросил Мак.

Отец Эла шел к ним. Он был полной противоположностью сына: маленький, стремительный,

как терьер. Энергия, словно выливаясь из некоего внутреннего резервуара, переполняла его — руки, ноги, даже пальцы находились в беспрестанном движении. Седые волосы казались жесткими, а брови и усы щетинились. Карие глаза метали взгляды — быстрые, беспокойные, будто пчелы. Так как пальцам его на ходу приходилось бездействовать, старику оставалось только тихонько и ритмично постукивать ими себя по бедрам. Когда он заговорил, речь его оказалась под стать его облику — быстрая, нервная, едко острая.

— Что у тебя с бизнесом? — требовательно бросил он Элу.

Эл тут же принялся неуклюже обороняться:

— Ну… видишь ли… я подумал…

— Тебе вздумалось бросить ранчо, отправиться в город, начать там бизнес, заделаться городским бездельником, сладкой жизни захотелось. Белить стены-то не в охотку тебе было, никогда ты этого не любил! Так что теперь у тебя с бизнесом?

Глаза старика задержались на двух незнакомцах, осмотрели каждого, окинули взглядом обувь, лица.

Мак все еще глядел на собак за загородкой, трепал морды, теребил за нос.

— Видишь ли, я вот парней привез, им с тобой

поговорить надо, — объяснил Эл.

Старик мгновенно уничтожил его, сказав:

— Привез, и ладно. Они здесь. Можешь возвращаться назад, к своему бизнесу.

Эл взглянул на своего коротышку-отца с видом уязвленным и обиженным. Так глядят собаки, понимающие, что сейчас их начнут купать. Он нехотя поплелся к машине и, безутешный, покатил прочь.

— Давненько я таких пойнтеров не видел, — заметил Мак.

Отец Эла решительно шагнул к самому носу Мака.

— Да ты, парень, наверняка и в жизни таких не видал!

И мгновенно между мужчинами возникло теплое понимание.

— Вы охотитесь с ними?

— Непременно. Каждый сезон. И на птицу тоже. Полно дураков, которые на птицу с сеттерами ходят! Сеттер, он для того, чтоб с силками птицу добывать. Но сейчас силков на птицу не ставят. А пойнтер, он для ружейной охоты.

— Мне нравится вот этот пес — с темно-каштановым пятном посередке.

— Хорош, конечно. Без сомнения! Но куда ему

до вот этой сучки маленькой. Мэри ее кличут. В загоне тихая, кроткая, как сам Иисус. А на охоте прыгает как черт. И расстояния покрывает огромные за несколько секунд. Как это она ухитряется — непонятно.

Мак потер носы собакам.

— Я вижу, там дыры в стене амбара. Вы позволяете им в амбаре бегать?

— Нет. Их подстилки у самой стены. Так им теплее.

— Если ощенится ваша сука, я бы щеночку от нее рад был.

— Если ей для каждого стараться, то ей щениться день и ночь надо! — фыркнул старик.

Мак медленно отвел глаза от загона и заглянул в карие глаза старика.

— Я Маклеод, — сказал он, протягивая руку.

— Ну а я Андерсон.

— Хотел поговорить с вами начистоту.

Солнце уже село, и куры покинули двор. От деревьев повеяло зябкой вечерней прохладой.

— Вы с товаром каким-то, мистер Маклеод? Мне ничего не надо.

— Товар у нас имеется, но товар этот новый.

Тон его, казалось, придал уверенности Андерсону.

— Почему бы нам не зайти ко мне в кухню, кофейку попить?

— Не откажусь, — ответил Мак.

Кухня выглядела в точности такой, как и вся усадьба, — свежепокрашенной, выбеленной, с подметенным полом. Никелированные части плиты сверкали так, что казались мокрыми.

— Вы здесь один живете, мистер Андерсон?

— Иногда сын мой Эл приезжает и ночует. Он хороший парень.

Из объемистого бумажного пакета старик вытащил пригоршню аккуратно наструганных сосновых щепок, положил их в плиту, поместил сверху несколько смолистых стружек, а поверх всего три кругляка старого и темного яблоневого дерева. Все это было проделано так ловко и ладно, что едва он поднес спичку, как пламя тут же вспыхнуло. Раздалось потрескивание, и от плиты во все стороны поплыли волны тепла. Старик поставил на плиту кофейник, отмерив в него молотого кофе. Вынув из мешочка пару яичных скорлупок, он бросил их в кофейник.

Мак и Джим сели к кухонному столу, покрытому новенькой желтой клеенкой. Андерсон кончил хлопотать возле плиты. Подойдя, он с важностью опустился на стул и положил перед

собой руки. Руки лежали на клеенке послушно и ровно, точно хорошо обученные собаки, ожидающие команды хозяина.

— Ну, что у вас за дело ко мне, Маклеод?

Лицо Мака выразило некоторое замешательство, и он неуверенно, запинаясь, сказал:

— В моем распоряжении не так много карт, и я должен очень постараться, чтобы выжать из них все, что можно. Но ловчить и изворачиваться мне неохота. Думаю, будет лучше сразу выложить все карты. Сорвут они банк — отлично, а нет — значит нет.

— Ну так выкладывайте карты, Маклеод.

— Картина такая. К завтрашнему дню тысячи две рабочих начнут забастовку, и сбор яблок прекратится.

Руки Андерсона, словно принюхиваясь, чуть поджались и снова замерли.

Мак продолжал:

— Причина забастовки — в урезании оплаты. Хозяева призовут на помощь скэбов, и для забастовки это беда. Но найдется достаточно людей, чтоб пикетировать долину. Вы поняли теперь, что происходит?

— Частично. Но к чему вы клоните, мне неясно.

— Вот вам вдобавок и остальное. Не заставит себя ждать и приказ начальства — запрет скапливаться на дорогах и на прочих землях общественного пользования. Землевладельцы погонят забастовщиков со своей земли как нарушающих право частной собственности.

— Я тоже землевладелец. Что же из этого следует?

— Эл говорил, что вы владеете пятью акрами пахотной земли. — Руки Андерсона замерли и напряглись, как собаки, делающие стойку. — Ваши пять акров — ваша частная собственность. На ней вы могли бы разместить людей.

— Вы чем-то торгуете, но не сказали чем, — опасливо заметил Андерсон.

— Если яблоки из Торгас-Вэлли на поступят на рынок, цена на яблоки взлетит, не так ли?

— Взлетит, конечно.

— Ну а ваш урожай будет собран бесплатно.

Тело Андерсона чуть расслабилось на стуле. Кофейник на плите стал тихонько попыхивать.

— Люди замусорят там все, — сказал он.

— Нет, не замусорят. Существует комитет, который станет следить за порядком. Будет запрет даже на спиртное. Вызван доктор для соблюдения санитарных предписаний. Лагерь будет разбит по

всем правилам, с четкими рядами и проходами.

Андерсон коротко вздохнул:

— Послушай меня, юноша. Я владею этой землей и должен уживаться с соседями. Они устроят скандал, если я пойду на такое.

— Вы говорите, что владеете этой землей, — сказал Мак. — Это так? И границы подтверждены документально?

— Нет. Документально — нет.

— А ваши соседи — это кто? — быстро задал вопрос Мак. И сам же и ответил: — Я знаю, кто они: это Хантер, Гиллрей, Мартин. Где находится документ на ваше владение? В финансовой компании «Торгас». А кто владеет финансовой компанией? Хантер, Гиллрей, Мартин. Они теснили вас все это время, зажимали со всех сторон. Вы, черт возьми, отлично это знаете. Сколько вы еще продержитесь так? Может быть, год, а затем «Торгас» заберет вашу землю. Это ясно как пить дать. А теперь предположим, что вы собираете урожай и ничего не платите сборщикам, предположим, вы продаете его по взлетевшим вверх ценам. Сможете вы в результате выправить ваши бумаги?

Бусинки глаз Андерсона сверкнули. На щеках вспыхнули пятна гнева. Руки его скользнули за край стола и спрятались. Наконец он негромко

проговорил:

— Ты выложил карты, парень, ты сыграл свою партию. Если бы я смог выправить документы, если бы смог воткнуть нож в…

— Мы отрядим два боевых отряда, которые помогут вам это сделать.

Исхудалые щеки старика теперь налились решимостью.

— Ну а вам-то с этого какая польза?

Мак осклабился.

— Могу и это прояснить. Не знаю, правда, поверите ли вы мне или нет, но вот Джим, который здесь сидит, и я немало уже претерпели. Надоело нам в который раз получать по шестьдесят суток за бродяжничество.

— Вы оба красные, да?

— Ваша правда, мы оба, что вы называете, красные!

— И чего вы желаете добиться этой вашей забастовкой?

— Поймите нас правильно, мистер Андерсон. Не мы эту забастовку начали. Ее начали Гиллрей, Мартин и Хантер. Ведь они же диктуют оплату, верно?

— Ну, ее Союз садоводов устанавливает, и распоряжается в нем финансовая компания «Торгас».

— Ну вот. Не мы начали забастовку, но уж коль скоро она началась, мы хотим помочь людям добиться своего. Хотим удержать народ от безумия и зверств, научить людей совместным действиям. Если вы будете с нами заодно, никакие дрязги с рабочими до скончания веков вам не грозят.

— Не знаю, могу ли я вам доверять, — посетовал Андерсон.

— Нам доверять вы не пробовали, а вот финансовой компании «Торгас» доверились.

Андерсон холодно улыбнулся. Руки его вновь легли на столешницу и теперь теребили друг дружку, как играющие щенки.

— Возможно, это и разорит меня, сгонит с места, и я окажусь на дороге. Но, Господь свидетель, я и без того туда направляюсь. Так почему бы и не повеселиться напоследок! Мне Крису Хантеру подножку поставить большая радость будет.

Кофе перебежал через край и с яростным шипением хлынул на плиту; в кухне запахло сбежавшим кофе. Белые брови и жесткие волосы Андерсона поблескивали в лучах электрического света. Приподняв кофейник, он аккуратно вытер плиту газетой.

— Налью вам кофейку, мистер Красный.

Мак поспешил встать.

— Спасибо, но нам пора. Надо будет проследить, чтобы с вами все было честь по чести. Массу дел предстоит переделать, и срочно. Завтра увидимся.

Они ушли, оставив Андерсона стоять с кофейником в руках.

Мак торопливо затрусил по двору, бормоча:

— Господи, ну и нелегкое дельце мы провернули! Я каждую минуту боялся что-нибудь не то ляпнуть! Что за кремень этот старик! Охотники, они все такие, знаю…

— Мне он понравился, — сказал Джим.

— Нравится — не нравится… Ни к чему нам это, Джим. Нельзя тратить время, размышляя, нравится или не нравится.

— Как ты узнал всю эту информацию про финансовую компанию, Мак?

— С вечерней почтой пришла. И очень нам с этими собаками подфартило. Прыгай, Джим. Я ее заведу.

Грохоча, они прорезали тихий вечерний воздух. По шоссе плыли огоньки автомобильных фар. Джим на секунду поднял взгляд.

— Господи, какой восторг… Ты только погляди на эти звезды, Мак! Миллионы и миллионы звезд!

— Ты на дорогу смотри, — пробурчал Мак. — И вот что, Джим, я тут подумал: тот парень днем ясно дал понять, что нас выследили. Теперь гляди в оба, Джим, и старайся не отделяться от толпы, не уходить от нее слишком далеко. А если надо тебе куда-нибудь, бери с собой десяток крепких парней.

— Ты хочешь, сказать, что они попробуют нас сцапать?

— Ты прав как никогда. Они считают, что, избавившись от нас, смогут остановить бунт.

— Но когда же ты поручишь мне конкретное дело, Мак? Пока что я просто таскаюсь за тобой как собачонка.

— Для тебя это отличная школа, малыш. А когда возникнет что-то, в чем ты можешь быть полезен, скрывать не стану — выложу тут же, не волнуйся. Через день-другой тебе можно будет группу пикетчиков поручить. Сверни влево, Джим, теперь нам особо по городу разъезжать ни к чему.

Джим поехал в объезд и повел машину по ухабам. Только через час они наконец добрались до ранчо и выехали на темную аллею между яблонями. Джим сбавил ход, почти отключив зажигание. Головные фары мигали, то вспыхивая, то затухая. Внезапно тьму прорезал яркий слепящий свето-

вой луч, высветивший лица двух мужчин. И в ту же секунду на дорогу выступили двое в длинных пальто. Джим остановил машину.

Из-за пятна света послышалось:

— Вот они, эти парни.

Один из мужчин в пальто, обойдя машину, наклонился и оперся о дверцу. Мотор на холостом ходу тихонько и одышливо урчал. Луч света сделал фигуру мужчины у дверцы почти невидимой.

Он сказал:

— Мы хотим, чтоб к утру вас в Торгас-Вэлли не было. Поняли? Чтобы не было, и точка!

Нога Мака подползла к ноге Джима и наступила на нее, а сам он заговорил тонко, моляще, безукоризненно вежливо:

— А что такое, мистер? Мы же ничего не нарушили.

— Брось, приятель, — сердито рявкнул мужчина. — Мы знаем, кто вы и что. И мы хотим, чтоб вы отсюда *убрались*.

— Если вы представители правопорядка, то мы граждане, — прохныкал Мак. — Мы имеем право на судебное разбирательство. Я у себя дома налоги плачу.

— Вот и отправляйся домой и плати там на-

логи. А мы не правопорядок представляем, а гражданский комитет. Если вы считаете, что вам, проклятым красным, дозволено являться сюда и устраивать бучу, то вы спятили. Валите-ка отсюда в вашей жестянке, а не то в тюряге окажетесь!

Джим почувствовал, как нога Мака переместилась и, поднырнув под его ноги, тянется к педали газа. Джим коснулся этой ноги носком ботинка в знак того, что понял. Старый двигатель трясся, колеблясь. Отключался то один цилиндр, то оба. Мак сказал:

— Вы ошибаетесь, мистер. Мы простые работяги-сезонники. А беспорядки нам вовсе ни к чему.

— Я сказал, *убирайтесь*.

— Ну разрешите нам хоть вещи взять.

— Послушайте, разворачивайтесь и чтоб тут же вон!

— Вы трусы! — выкрикнул Мак. — Трусы вы, и больше ничего! Понаставили человек двадцать на дороге, прячетесь! Трусы и подонки!

— Кто это «трусы»? Нас всего трое! Но если вы к утру не уберетесь из долины, нас будет уже пятьдесят!

– *Жми, Джим*!

Мотор взревел. «Форд» дернулся вперед, как застоявшийся жеребец. Мужчина, стоявший на

обочине, нырнул в темноту, а тот, что был перед ними, отскочил, чтоб не угодить под колеса. Машина, дребезжа, вскачь неслась по дороге с грохотом обрушившейся кучи железа.

Мак оглянулся через плечо.

— Исчез фонарик! — крикнул он.

Джим подвел машину к тылам барака. Выпрыгнув из нее, они со спринтерской скоростью обогнули барак.

На площадке перед фасадом теснился народ. Люди стояли отдельными группами, тихонько переговариваясь. Сидя в дверях, женщины зябко кутали юбками колени. Тихие разговоры мужчин сливались в монотонный гул голосов. Толпа насчитывала человек пятьсот собравшихся с разных ранчо. Решительный парень, знакомый Джима, подошел к ним.

— Не верили мне, да? Ну как вам картина?

— Лондона видел? — спросил его Джим.

— Конечно, видел. Мы его в председатели выбрали. Он у себя в комнате, там у него комитет. Думал, что я с ума спятил? — обратился он к Джиму. — А я говорил, что в курсе и кое-что знаю!

Мак и Джим пробирались сквозь гудящую толпу. Дверь Лондона и его окно были закрыты. Люди, напирая, пытались через стекло разгля-

деть, что происходит в освещенной комнате. Мак ступил на крыльцо, и тут же путь ему преградили двое.

— Какого черта лезешь? Что надо?

— Нам с Лондоном повидаться.

— Да-а? А он вас видеть хочет?

— Почему бы не узнать это у него?

— Как ваши фамилии?

— Скажите Лондону, что док и Джим хотят его видеть.

— Это ты в родах девчонке помогал?

— Конечно, я.

— Ну, пойду спрошу его.

Мужчина открыл дверь и исчез внутри. Уже через секунду он появился вновь и широко распахнул дверь.

— Входите, ребята. Лондон ждет вас.

Комната Лондона была в спешном порядке переоборудована в зал заседаний комитета. Стульями здесь служили ящики. В комнате стояли, сидели на ящиках и курили семеро членов комитета. Когда Мак и Джим вошли, все головы повернулись к ним.

Лондон излучал радость.

— Привет, док! Привет, Джим! Рад вас видеть. Слыхали новости?

Мак плюхнулся на ящик.

— Нет, ничего не слыхали, — сказал он. — Мы с Джимом только что с колес. А что слышно?

— Ну, похоже, все идет как по маслу. От Дейкина люди вышли. Есть парень по фамилии Берке, он у Гиллрея верховодит. Общее собрание на завтра назначено.

— Прекрасно, — одобрил Мак. — Значит, работа идет. Но мы не шибко продвинемся, пока не выберем исполнительный комитет и общего председателя.

— А как у вас с тем делом, за которым вы ездили? — спросил Лондон. — Если неудачно, то от ребят я это скрою.

— Получилось, — Мак повернулся ко всем членам комитета. — Вот слушайте, — сказал он. — Один человек предоставил нам пять акров для разбивки лагеря. Это частная собственность, поэтому вышвырнуть нас оттуда смогут только санитарные власти. К нам направляется доктор, чтобы держать ситуацию под контролем. — Члены комитета, приободрившись, улыбались радостно и воодушевленно. Мак продолжал: — Я обещал этому фермеру, что наши люди соберут его урожай бесплатно. Много времени это у них не займет. Воды там в изобилии. И расположен

участок прекрасно, в самом центре.

Один из мужчин взволнованно вскочил с места:

— Можно я пойду парням сообщу это, Лондон?

— Конечно, давай. А где это место, док? Мы можем там завтра большую сходку устроить.

— Это сад Андерсона, от города совсем недалеко.

Трое из членов комитета поспешили к двери — поделиться новостью. Снаружи их встретила тишина, сменившаяся волнообразным гулом голосов — не криков, а оживленных разговоров; волна эта катилась и крепла, пока не заполонила собой все вокруг.

— Как там старик Дэн? — спросил Джим.

Лондон поднял голову:

— Его хотели в больницу отвезти. Но в больнице он не ко двору. Мы доктора раздобыли, чтоб бедро ему маленько подправил. Сейчас вроде полегче. Нашлась пара добросердечных женщин, ухаживают за ним. Ну, он и рад. Сейчас его отсюда и не выманишь. Всем прикурить дает, и женщинам в том числе.

— А хозяева с вами связывались? — спросил Мак.

— Ага. От них «старший» приезжал. Спросил,

собираемся ли мы ехать за работу приниматься. Мы ответили, что нет. А он и говорит: «Тогда чтоб к утру и духа вашего здесь не было». Говорит: «Сюда утром я целый состав сезонников пригоню».

— Не пригонит, — прервал его Мак. — Если и прибудут новые рабочие, то не раньше чем послезавтра. Не так-то легко целую армию новых скэбов поднабрать. А к тому времени мы изготовимся встретить их как положено. Слушай, Лондон, нас с Джимом тут какие-то парни прогнать из долины попытались. Говорили, что они комитет какой-то представляют. Ты скажи ребятам, чтобы поодиночке не ходили. Предупреди их, что, если нужно куда, пусть товарищей с собой берут за компанию.

Лондон кивком подозвал одного комитетчика:

— Передай это ребятам, Сэм.

Сэм вышел. Опять прокатилась волна голосов — шумная, как прибой по прибрежной гальке. Но на этот раз тон был глуше и сердитее.

Мак медленно скрутил себе самокрутку из оберточной бумаги.

— Устал я, — вздохнул он. — А сколько дел еще проделать надо. Но, думаю, до завтра потерпят дела.

— Ложись, — предложил Лондон. — Наработал-

ся как черт.

— Да уж, наработался. А с устатку — какая работа. У них ружья есть. А нам ружья не положены. У них деньги. Они могут подкупать наших ребят. Пять баксов многим из этих оголодавших бедолаг несметным богатством кажутся. Каждое слово твое, Лондон, должно быть продуманным, веским. Ведь даже особо винить нельзя парней за то, что продаются. Надо действовать умно, жестко и стремительно. — Голос его внезапно погрустнел: — Если мы проиграем, придется все заново начинать. А выиграть мы могли легко, если б парни сумели сплотиться, держаться вместе. Задали бы тогда жару хозяевам. И не надо ни ружей, ни денег. Голыми руками мы бы их взяли, зубами изгрызли.

Он вскинул голову. Лондон широко улыбнулся ему, сочувственно и слегка смущенно, как нередко улыбается тот, перед кем вдруг открывают душу.

На тяжелом лице Мака заиграла краска стыда.

— Я устал. Вы там занимайтесь делами, а мы с Джимом поспим немного. Да, Лондон, завтра почтой посылка придет на имя Алекса Литтла. Это прокламации. К восьми часам ожидается. Пошли ребят за получением, хорошо? И распространите

прокламации, ты за этим проследи. Это должно сыграть свою роль. Пойдем, Джим. Поспим.

Они пошли к себе в комнату, легли в темноте. Оставшиеся снаружи люди сидели в ожидании, и неясный гул их голосов, проникая сквозь стены, казалось, пронизывал собой весь мир вокруг. Далеко, в городе, громыхал на станции сцепляемый состав. С шоссе, проходившего возле садов, доносился гул — это шли молоковозы, везшие молоко и ночью. Потом внезапно странно и нежно кто-то заиграл на гармошке, и гул голосов стих, люди прислушались. Стало очень тихо, лишь одна гармошка звучала, и тишина была такой полной, что Джим различил в ней даже крик петуха, услышав его перед тем, как заснуть.

Глава 7

Джим проснулся на рассвете холодного пасмурного дня, разбудили его голоса за дверью. Он услышал, как мужской голос произнес:

— Наверно, спят еще…

Дверь открылась. Мак сел в постели.

Знакомый голос окликнул:

— Ты здесь, Мак?

— Дик! Черт возьми. Раненько ты!

— Я дока Бертона привел.

— И док здесь?

— А как же! Тут за дверью стоит.

Мак чиркнул спичкой и зажег свечу, стоявшую в треснутом блюдце.

— Привет, парнишка! — обратился Дик к Джиму. — Как поживаешь?

— Прекрасно. Чего это ты так вырядился, Дик? Брюки отглажены, рубашка чистенькая…

Дик застенчиво улыбнулся:

— Надо же кому-то в этой помойке выглядеть по-человечески.

— Дик покорит лучшие гостиные Торгаса, — сказал Мак. — Слушай, Дик. У меня тут есть

список здешних сочувствующих. В первую очередь нам нужны, конечно, деньги, но еще нам нужны палатки, подушки, постели. Запомни — палатки. Вот тебе список. В нем много фамилий. Свяжись с этими людьми, установи контакты, а мы пришлем машины и вывезем что раздобудешь. У многих здесь есть машины.

— Ладно. Как вообще дела?

— Идут полным ходом. Только бы угнаться. — Он завязал шнурок на ботинке. — А где док? Почему ты не пригласишь его в комнату? Входи, док!

В комнату вошел золотоволосый юноша. Тонкие черты его лица казались женственно-нежными, а взгляд был мягким и грустным, как у овчарки. В руке он держал саквояж с инструментами и в ней же портфель.

— Привет, Мак. Дик получил твою телеграмму и тут же подхватил меня.

— Я жутко рад, что ты так быстро выбрался к нам, док. Ты нужен нам безотлагательно. Это Джим Нолан.

Джим поднялся, сунул ноги в ботинки.

— Рад познакомиться, док.

— Начинай прямо сейчас, Дик, — сказал Мак. — Можешь получить бесплатный завтрак у Эла

в его фургоне-закусочной на Таунсенд. Но не вымогай у него ничего сверх завтрака. Он и так разместил нас на ранчо у своего старика-отца. Ну, вперед, Дик, и помни: палатки, парусина, деньги — и все, что только сможешь еще добыть.

— Ладно, Мак. А все ли люди из списка надежны?

— Не знаю. Сам прощупай. Уж не хочешь ли ты, чтоб я их тебе готовенькими и чистенькими предоставил?

— Пошел к черту, — усмехнулся Дик и вышел, закрыв за собой дверь. Свеча и рассвет тягались друг с другом, и становилось ясно, что в этой схватке света они дают меньше, чем могли бы дать по отдельности. В комнате было холодно.

— В телеграмме информации содержалось немного, — заметил доктор Бертон. — В чем состоит работа?

— Погоди минутку, док. Выгляни в окно, не готовят ли кофе где-нибудь рядом?

— Вон там костерок с кофейником на огне, вернее с жестянкой какой-то.

— Тогда минуточку, — сказал Мак.

Выйдя, он через минуту вернулся, неся жестянку дымящегося, не очень приятно пахнущего кофе.

— Господи, горячий как не знаю что! — пробормотал Джим.

— И скверный в придачу, — добавил Мак. — Знаешь, док, ситуация сейчас такая, что более выигрышной я давно уже не встречал. И я собираюсь претворить здесь в жизнь кое-какие идеи. Не хочу, чтобы грызня эта вышла из-под контроля. — Он глотнул кофе. — Сядь-ка на этот ящик. В нашем распоряжении пять акров частной земли. Ты получишь любую помощь, какая потребуется. Сможешь разбить лагерь, аккуратный, с четкими линиями? Вырыть выгребные ямы, соблюдая санитарные нормы, организовать туалеты, помойки? Попробовать решить вопрос с душевыми? И сделать так, чтобы за милю от лагеря разило карболкой или хлоркой, или чем там еще, что полагается для здоровья? Можешь сделать так, чтобы чистотой пахло, можешь?

— Да, могу. Выделите только побольше людей мне в помощь, и я смогу. — Грустный взгляд доктора стал еще грустнее. — Дайте мне пять галлонов неочищенной карболки, и запах на мили вокруг разноситься будет.

— Хорошо. Сегодня же мы начнем посылать людей. Ты станешь их осматривать, быстро, как только сможешь. Проверишь, нет ли у кого

заразы какой-нибудь. Санитарные начальники начеку и держат целую свору ищеек-проверяльщиков. Чуть что не так у нас обнаружат, вышибут отсюда в два счета. Жить как свиньи, в трущобах ютиться — это они нам дозволяют, а чуть забастовка, так их сразу же санитарное состояние очень заботить начинает!

— Хорошо, хорошо.

Мак вдруг смутился:

— Я, кажется, не в свое дело лезу, да? Ну, ты сам знаешь все, что требуется. А сейчас пойдем-ка к Лондону.

На крыльце возле каморки Лондона сидели трое. Они встали, чтобы дать Маку пройти. Лондона застали лежащим в постели, он еще не проснулся окончательно. При виде пришедших он приподнялся на локте.

— Господи, что это? Утро уже?

— Рождественское, — пошутил Мак. — Мистер Лондон, это док Бертон, ответственный за здравоохранение и санитарию. Ему требуются люди.

— Сколько людей тебе надо, док?

— А на какое количество людей в лагере вы рассчитываете?

— От тысячи до полутора тысяч…

— В таком случае дайте мне человек пятна-

дцать-двадцать.

— Эй, там, на крыльце! — крикнул Лондон. Один из дежуривших, приоткрыв дверь, сунулся внутрь.

— Постарайся Сэма отыскать. Ладно?

— Конечно.

— Собрание мы сегодня на десять утра назначили. Большое общее собрание. Я и в другие лагеря сообщил об Андерсоновом ранчо. Скоро прибывать начнут.

Дверь отворилась, и показался Сэм. На исхудалом лице его отражалось любопытство.

— Сэм, это док Бертон. Он хочет, чтобы ты был его правой рукой. Пойди, скажи людям, что нужны добровольцы в помощь доку. Отбери двадцать надежных парней.

— Ладно, Лондон. К какому часу они требуются?

— Прямо сейчас, — ответил Бертон. — Мы отправимся сразу же и разобьем лагерь. Человек восемь или девять уместятся в моей колымаге. Найдите кого-нибудь с машиной, чтобы отвез остальных.

Сэм глядел то на Лондона, то на Бертона, не совсем понимая, кто здесь главный. Лондон кивнул большой головой:

— Все верно, Сэм. Делай все, как док скажет.

Бертон поднялся, чтобы идти с Сэмом.

— Я бы хотел помочь отобрать людей.

— Погоди, — остановил его Мак. — С тобой в городе все чисто?

— В каком смысле «чисто»?

— В том, что не пришьют они тебе чего-нибудь вроде незаконной практики или другое какое-нибудь нарушение?

— Насколько я знаю, ничего за мной такого нет, а пришить они могут что угодно, если очень надо будет.

— Это уж точно, — согласился Мак. — Это мне известно, но тут важно время выиграть. Ну, привет, док. До скорого.

Когда Бертон и Сэм ушли, Мак повернулся к Лондону:

— Он славный парень. Смахивает немного на голубого — уж больно хорошенький, но на самом деле жесткости ему не занимать. И въедливый, что тебе кротоновое масло. Есть что-нибудь пожевать, Лондон?

— Буханка хлеба и сыра кусок.

— Так чего же мы ждем? Мы с Джимом накануне про еду и забыли совсем.

— Я ночью проснулся и вспомнил, — поправил

его Джим.

Лондон достал стоявший в углу пакет и выложил на стол хлебную буханку и порядочный кусок сыра. Снаружи раздались какие-то звуки, шорохи, шевеление. Гул голосов, стихший на несколько часов, опять возобновился. Открывались и хлопали двери. Люди откашливались, отплевывались, сморкались. День разгорался, и солнце в окне светило красноватым светом.

Набив рот хлебом и сыром, Мак проговорил:

— Как ты смотришь, Лондон, на то, чтобы общим председателем стачечного комитета и ответственным за все сделать Дейкина?

Лицо Лондона выразило легкое разочарование.

— Дейкин — хороший парень, — отвечал он. — Я знаю его тыщу лет.

Мак почувствовал разочарование Лондона и отважился на объяснение:

— Буду откровенен с тобой, Лондон. Из тебя бы вышел отличный председатель, не взрывайся ты по каждому поводу. А вот Дейкин, как мне кажется, не такой, чтобы взрываться. А если главный наш станет взрываться, мы пропали.

Попытка объяснения оказалась успешной. Лондон согласился с ним:

— Я черт знает как обидчив. Чуть что, на стенку

лезу. Ты прав насчет Дейкина. Он как опытный игрок — глаз не таращит, голоса не повышает. Чем хуже складывается, тем тише он себя ведет.

— Значит, на собрании ты поддержишь кандидатуру Дейкина? — спросил Мак.

— Ясно, поддержу.

— О Берке этом мне ничего не известно, что он и как. Но, думаю, если он слишком уж зарвется, то мы с нашими парнями и парнями Дейкина сумеем его приструнить. Пора начинать перемещать людей, ведь путь неблизкий.

— Когда, ты думаешь, скэбов доставят? — спросил Лондон.

— Не раньше завтрашнего дня. Хозяева здешние не считают, что мы уже готовы начать действовать. И скэбов до завтра им не раздобыть.

— А когда раздобудут, что мы будем делать?

— Что ж, — сказал Мак. — Встретим поезд с почетом, с ключами от города. Я телеграмму ожидаю об отправке поезда. В агентствах по найму есть люди, которые за этим проследят.

Он вскинул голову и бросил взгляд в сторону двери. Гул голосов за ней — привычный, монотонный — совершенно стих. Внезапно тишину прорезал свист, и тут же послышались крики. За дверью шел какой-то спор.

Лондон шагнул к двери и распахнул ее. Трое караульных плечом к плечу встали возле двери, а перед ними в молескиновых штанах и сапогах застыл главный управляющий, по бокам от него стояли двое со значками помощников шерифа и с дробовиками в руках.

Управляющий, глядя поверх охраны, бросил:

— Я хочу поговорить с тобой, Лондон.

— Вы ко мне, видать, с оливковой ветвью пожаловали.

— Ну, дай войти. Может быть, мы сможем както договориться.

Лондон покосился на Мака, и тот кивнул. Толпа молчала и слушала. «Главный» выступил вперед, по-прежнему в окружении вооруженных помощников шерифа. Караульные не двигались с места. Один из них сказал:

— Оставь своих бульдогов за дверью, шеф.

— Хорошая идея, — подхватил Лондон. — В переговорах дробь вроде ни к чему.

«Главный» беспокойно озирался в грозной молчаливой толпе мужчин.

— Почем мне знать, что вы станете играть почестному?

— Тот же вопрос могу задать и я в отношении вас.

«Главный» решился.

— Останьтесь за дверью и обеспечьте порядок, — велел он.

Караульные расступились, дав пройти одному «главному», и тут же вновь заняли свои прежние места. Помощники шерифа нервничали, они стояли, теребя оружие и бросая вокруг злобные взгляды.

Лондон закрыл дверь.

— Не знаю, почему нельзя было разговаривать так, чтобы люди слышали.

«Главный» заметил Мака и Джима и сердито взглянул на Лондона:

— Убери этих двух!

— Ох-ох… — насмешливо отозвался Лондон.

— Послушай, Лондон. Ты не понимаешь, что делаешь. Я дам тебе шанс вернуться к работе, если вышибешь отсюда этих двоих.

— За что их так? — спросил Лондон. — Они хорошие ребята.

— Они красные. Они втягивают добрых людей в беспорядки. Да им наплевать на всех здесь, лишь бы бучу устроить! Избавьтесь от них и можете вернуться к работе.

— Предположим, мы их вышибем отсюда, — сказал Лондон, — и что тогда? Получим ли мы

те деньги, что были нам обещаны до урезания платы?

— Нет, но вы сможете беспрепятственно продолжить работу. Хозяева простят вам все, что было до этого.

— Но тогда в чем был смысл забастовки?

«Главный» понизил голос:

— Я скажу тебе, на что готов пойти и что могу предложить тебе. Ты вернешь людей на работу, а за это получишь постоянную должность помощника управляющего с оплатой пять долларов в день.

— Ну а эти парни, мои друзья?

— По пятьдесят долларов — и пусть выметаются из долины!

Джим глядел в тяжелое задумчивое лицо Лондона. На лице Мака играла недобрая улыбка.

— Я хочу обговорить оба варианта. Предположим, мы и мои друзья не согласимся на ваше предложение, что тогда?

— Тогда вы через полчаса вылетите отсюда вверх тормашками. Мы включим в черный список всю вашу чертову шайку, и вам некуда будет податься, нигде для вас не найдется работы. Пятьсот помощников шерифа обеспечат это, если потребуется. Вот он какой, второй вариант!

Мы уж постараемся, чтобы нигде для вас места не нашлось, кроме как в адском пекле. Скажу больше: мы упрячем за решетку твоих дружков и постараемся, чтоб дали им по полной.

— Вы не сможете вменить им бродяжничество, если у них будут деньги, — возразил Лондон.

«Главный» шагнул к нему и, подступив ближе, сразу же воспользовался представившимся преимуществом.

— Не дури, Лондон. Ты не хуже меня знаешь законы о бродяжничестве. И знаешь, что бродяжничеством будет названо все, что заблагорассудится назвать судье. А к тому же, да будет тебе известно, у нас здесь судья — Хантер. Хватит, Лондон. Верни людей к работе, и будет тебе хорошая постоянная должность за пять долларов в день.

Лондон опустил глаза, потом метнул взгляд на Мака, молча спрашивая у него, как быть. Мак ничем не нарушил тягостного молчания.

— Ну хватит, Лондон, хватит! Как ты решишь? Твои красные дружки тебе тут не помощники, и, черт возьми, ты это отлично знаешь.

Джим стоял поодаль, и его сотрясала дрожь. Он молча, вытаращив глаза, наблюдал всю сцену. Мак не сводил глаз с Лондона и видел то, чего не замечал «главный»: он видел, как мало-по-

малу каменеют, а потом распрямляются плечи Лондона, как наклоняется широкая мускулистая шея, как медленно поднимаются цепкие, крючковатые руки, а в глазах зажигается опасный огонек, вот уже покраснела шея, занялись краской щеки…

— Лондон! — резко выкрикнул Мак.

Лондон дернулся от неожиданности и слегка обмяк. Мак спокойно сказал:

— Я знаю, как с этим быть, Лондон. Пока этот джентльмен здесь, мы соберем народ и устроим общее собрание. Расскажем парням, как нам предложили их продать, и проголосуем, браться ли тебе за эту пятидолларовую работу, а затем… ну, затем мы попробуем удержать парней, чтобы они не набросились на джентльмена и не расправились с ним прямо здесь, не сходя с места.

«Главный» побагровел от гнева.

— В последний раз предлагаю! — выкрикнул он. — Соглашайтесь либо убирайтесь отсюда!

— Мы как раз и намечали убраться, — сказал Мак.

— Из Торгас-Вэлли убирайтесь! Мы вас вышвырнем отсюда!

— О нет, не вышвырнете. Мы нашли частное владение, где сможем расположиться. Хозяин

пригласил нас.

— Врешь!

— Послушайте, мистер, — сказал Мак. — Нам и без того не слишком просто обеспечить вам и вашей охране беспрепятственный и без эксцессов уход отсюда. Не усугубляйте же ваше положение.

— Ну и где, как вы считаете, вам удастся расположиться?

Мак присел на ящик и произнес ледяным голосом:

— Видите ли, мистер, мы собираемся разбить лагерь на ранчо Андерсона. Ваши недоумки-подручные только и мечтают выгнать нас отсюда. Прекрасно. Мы попробуем воспользоваться шансом. Тогда мечтой этих пролаз станет другая — попробовать добраться до Андерсона и отплатить ему. Я вот что скажу вам: если ваши парни тронут собственность Андерсона или причинят вред ему самому, если пострадает хоть одно его плодовое дерево, то это будет сигнал тысяче наших парней, каждому из которых будет выдан коробок спичек. *Понятно, мистер*? Можете, если хотите, расценивать это как угрозу: тронете ранчо Андерсона, и мы напустим красного петуха на каждый дом, каждый амбар в этой чертовой долине.

В глазах у Мака стояли слезы ярости. Грудь его вздымалась, и казалось, что он готов взорваться криком.

«Главный» резко повернулся к Лондону:

— Видишь, с какими людьми ты вздумал дружбу водить, Лондон? Знаешь, сколько лет дают за поджог?

— Лучше уходите-ка отсюда подобру-поздорову, мистер! — задыхаясь, выдавил из себя Лондон. — Я ведь и убить могу, если не уйдете. Уходите, сейчас же! Пусть он уйдет, Мак! — выкрикнул он. — Ради бога, заставь его уйти!

«Главный» попятился от тяжелого, напиравшего на него тела Лондона. Сунув руку за спину, он нащупал дверную ручку.

— Угроза убийством, — хрипло пробормотал он. Дверь за ним осталась распахнутой.

— У вас нет свидетелей угрозы, — сказал Мак.

За дверью помощники шерифа тянули головы, пытаясь разглядеть за твердо стоящими на своих постах караульными, что происходит.

— Вы идиоты, все вы, — сказал «главный». — Если надо будет, найдутся десятки свидетелей, которые подтвердят все, что я им велю подтвердить. Свое последнее слово я сказал.

Караульные посторонились, давая пройти

«главному». Помощники шерифа заняли свои места по бокам от него. Люди стояли, нахохлившись, и молчали, не произнося ни звука. Толпа расступилась, освободив проход для троих шагавших сквозь нее людей, и молча провожала их взглядами, во взглядах этих были недоумение и гнев. Троица горделиво прошествовала к большой стоявшей на углу открытой машине. Сев в нее, они укатили, и люди медленно стали переводить взгляды в сторону открытой двери, ведшей в каморку Лондона. Лондон стоял, прислонившись к притолоке, и выглядел слабым и больным.

Мак встал в дверях и обнял Лондона за плечи. Они стояли, возвышаясь на два фута над головами людей. Мак громко заговорил:

— Слушайте, парни. Мы не хотели говорить вам это, пока они не уберутся, боялись, что вы затопчете их, разорвете в клочки. Эта харя, дубина стоеросовая, прикатила, надеясь уговорить Лондона вас продать в обмен на постоянную хорошую работу, чтоб вы, парни, шли ко всем чертям собачьим.

В толпе раздался ропот, похожий на рычание. Мак поднял руку:

— Не сходите с ума, опомнитесь, подождите минуту. Они сделали попытку подкупить Лондо-

на, но попытка провалилась. А теперь помолчите и послушайте: нам надо сняться с этого места. В нашем распоряжении есть ранчо, где мы сможем обосноваться. Там будет налажен порядок. Только так мы сможем добиться успеха. Каждый должен соблюдать порядок. Парни с машинами погрузят в них женщин и детей, выделят хороший, устойчивый грузовик для скарба. Остальные пойдут пешком. И поаккуратнее. Ничего не ломайте — пока. И не разбредайтесь. Когда закончите погрузку, Лондон соберет комитет.

Едва он кончил говорить, как все зашевелилось. Раздались крики, смех, люди закружились в водовороте дел. Казалось, их переполняет радость, жадная, сладострастная радость. Смех звучал оглушительно. В каморках кипела деятельность: люди вытаскивали и складывали на земле свою утварь — кастрюли, чайники, одеяла, тюки с одеждой. Женщины выкатывали детские коляски. Шесть членов комитета протиснулись сквозь толпу в комнату Лондона.

Солнце поднялось над деревьями и ярко светило, наполняя воздух теплом. За бараками шумно заводились стартеры. Стучали молотки заколачиваемых ящиков. Все вокруг гудело от топота снующих туда-сюда ног, от разноголосицы мне-

ний, возражений, споров.

Лондон, впустив людей, закрыл дверь от шума. Члены комитета сидели молча, серьезные, исполненные важности. Они расположились на ящиках и, сжав руки в коленках, с многозначительным видом уставились в стену перед собой.

Мак спросил:

— Ты не возражаешь, Лондон, если я с ними поговорю?

— Конечно, давай, говори.

— Я это не для того, чтоб корчить из себя командира, — продолжал Мак, — но у меня есть некоторый опыт. Мне приходилось и раньше участвовать в подобных акциях. Может быть, я смогу нащупать и указать вам слабые места, и нам удастся, таким образом, избежать ошибок, способных нас погубить.

— Давай, друг, говори, — сказал один из собравшихся, — мы тебя слушаем.

— Ладно. Сейчас все мы так и кипим жаром. Но вот в чем беда рабочих-сезонников — то кипим и бурлим, как пивной бочонок, а в следующую минуту уже остыли и холодны, как сердце шлюхи. Надо научиться охлаждать жар и разогревать холод. У меня есть предложение. Вы можете обдумать его и, если согласитесь, поставить на

общее голосование. Забастовки по большей части оканчиваются неудачей из-за отсутствия дисциплины. Предположим, мы разобьем людей на отряды, каждый отряд выберет отвечающего за него командира. Мы тогда сможем четче организовать работу.

Один из членов комитета сказал:

— Многие из парней прошли армию, и им это было не по нраву.

— Конечно. Потому что воевали они на чужой войне. И офицеров им навязывали. А если они сами изберут офицеров и воевать станут на своей войне — это будет дело другое.

— Большинству никакой офицер не понравится.

— Ну, придется смириться. Без дисциплины нас в два счета раздавят: под зад коленкой — и дело с концом! Если отряду не понравится командир, пусть переводят его в рядовые, а на его место избирают нового. Это будет справедливо. Потом мы выделим командующих сотнями, а над ними будет главный. Обдумайте мое предложение, джентльмены. Часа через два состоится общее собрание. К этому времени мы должны подготовить план.

Лондон поскреб свою тонзуру.

— Что до меня, то мне план нравится. Как только Дейкина увижу, я с ним переговорю.

— Ладно, — кивнул Мак. — Ну, пора за дело приниматься. Джим, будь под рукой.

— Дай же мне, наконец, собственную работу, — попросил Джим.

— Нет, оставайся рядом. Ты мне можешь понадобиться.

Глава 8

Пять акров пахотной земли, относящейся к ранчо Андерсона, с трех сторон окружали развесистые темные яблони, а с четвертой участок примыкал к узкой и пыльной местной дороге. Люди прибывали большими ватагами, они смеялись и перекрикивались, а прибыв, заставали произведенные до них приготовления. В мягкий грунт уже были вбиты колышки, обозначавшие улицы, — их насчитывалось пять, и шли они параллельно дороге; в дальнем конце каждой улицы была вырыта яма-туалет.

Прежде чем начать обустраивать лагерь, провели общее собрание по согласованной повестке, выбрали Дейкина председателем и утвердили ему в помощь состав исполнительного комитета. Предложение организовать отряды люди приняли с энтузиазмом.

Едва все успели собраться, как к лагерю подкатили и встали на дороге пять полицейских на мотоциклах. Спешившись и прислонившись к своим машинам, полицейские стали наблюдать за работой. Люди ставили палатки, устраивали

навесы. Грустноглазый доктор Бертон сновал повсюду и распоряжался. По краю дороги поставили не меньше сотни автомобилей, развернув их лицом к дороге. Так устанавливают возле артиллерийской точки зарядные ящики. Здесь были древние «форды» с порванной в клочья обивкой кресел, «шевроле» и «доджи» с проржавевшими бамперами, облупленные, с провисшими или вовсе отсутствующими крыльями. Были отслужившие свой срок «хадсоны», издававшие при заводе шум наподобие пулеметной очереди. Все они стояли, как старые солдаты, пришедшие на встречу ветеранов. В конце этого ряда пристроился грузовичок «шевроле» — новенький, сияющий чистотой. Он единственный из всех машин был в отличном состоянии, и Дейкин, шагая по лагерю в окружении членов комитета, старался держать свой грузовичок в поле зрения. Говоря или слушая, он то и дело украдкой кидал в сторону грузовика взгляд холодных непроницаемых глаз.

Когда устанавливали старые палатки, Бертон настоял, чтобы парусину их хорошенько вычистили и вымыли с мылом в большом количестве воды. Воду из запасов Андерсона возили с его ранчо в бочонках на грузовичке Дейкина, и женщины терли парусину старыми щетками.

Андерсон, выйдя, с беспокойством следил за тем, как пять акров его земли превращаются в лагерь. К полудню дело было сделано, и девятьсот парней приступили к работе в саду, снимая яблоки в кастрюли, шляпы и джутовые мешки. Лестниц катастрофически не хватало, и люди карабкались прямо на стволы. Дотемна урожай был собран, яблоки уложены в ящики, отвезены и сгружены в амбар.

Дик быстро выполнил поручение. Он прислал парнишку с просьбой отрядить ему в город людей на грузовике, и грузовик прибыл обратно, нагруженный палатками всевозможных размеров и видов — круглых и остроугольных, высоких и низких, выцветших навесов от солнца, и больших армейских, вмещавших десяток людей. Грузовик привез и провизию — два мешка плющеной овсянки, муку, ящики консервов, мешки с картофелем и луком и коровью тушу.

Палатки тянулись теперь рядами вдоль улиц и проходов. Доктор Бертон надзирал за устройством кухни. Машины доставили с городской свалки три старые ржавые, выброшенные за ненадобностью печки. Их починили, покрыли кусками железа зияющие дыры, выделили поваров, наполнили водой чаны, разделали тушу,

почистили картошку и лук, наготовили гору тушеного мяса и ведро бобов. Когда сгустились сумерки и сбор яблок подошел к концу, сборщиков ждал отменный обед. Усевшись на землю, они уплетали его из мисок, чашек и жестянок.

С наступлением темноты полицейских на мотоциклах сменили пятеро помощников шерифа, вооруженные винтовками. Сначала они прохаживались взад-вперед по дороге на манер военных патрулей, но затем засели в канаву и оттуда следили за лагерем. Огней в нем было мало. Здесь и там то в одной, то в другой палатке мелькал свет фонарика. Тень отбрасывали маленькие костерки. В дальнем конце первого ряда сразу же за сверкавшим чистотой зеленым грузовичком была разбита палатка Дейкина — вместительная, со стенами из лучшего брезента, с полотняной занавеской посередине, делившей пространство на две комнаты. В палатке стояли его складные стол и стулья, пол был застлан непромокаемой тканью, а с центрального шеста свисал шипящий бензиновый фонарь. Дейкин ценил удобства и даже вне дома умел устроиться с комфортом и позволить себе некоторую роскошь. У него не было вредных привычек, и каждый цент он и его жена тратили на свой дом, вкладывали в хозяй-

ство, в грузовичок, в экипировку своей лагерной жизни.

Когда совсем стемнело, в палатку к Дейкину пробрались Лондон, Мак и Джим. Вместе с хозяином в палатке находился и Берке, низкорослый хмурый ирландец, и два коротышки итальянца, по виду неотличимые друг от друга. Миссис Дейкин удалилась за полотняную занавеску. На ярком свету бензинового фонаря светлые волосы Дейкина просвечивали, позволяя разглядеть розовую кожу черепа. Непроницаемый взгляд беспокойно метался.

— Привет, ребята, рассаживайтесь как сможете.

Лондон выбрал для себя стул — единственный незанятый. Мак с Джимом уселись на пол. Мак вытащил свой кисет, скрутил самокрутку.

— Дела, похоже, идут отлично, — заметил он.

Дейкин стрельнул в него глазами и тут же отвел взгляд.

— Да, кажется, все идет неплохо.

— Быстренько они сюда копов поднагнали, — сказал Берке. — Дать бы по шее кое-кому из них.

— Оставь копов в покое до поры, — спокойно оборвал его Дейкин. — Пока они еще никого не тронули.

— Как организуются отряды? — осведомился Мак.

— Хорошо организуются. Во всех уже и командиров выбрали. В некоторых даже успели командиров снять и выбрать новых. Надо сказать, док Бертон отличный парень.

— Да, — согласился Мак. — Он молодец. Интересно, где он сейчас. Советую вам выделить специальный отряд, чтобы приглядывали за ним. Когда все начнется, они постараются убрать его отсюда, а если не будет здесь дока, то вышибут отсюда и нас тоже. Угроза общественному здоровью — так они это называют.

Дейкин повернулся к Берке:

— Слыхал? Займись этим, Берке. Подбери крепких парней для охраны дока. Людям он по нраву пришелся.

Берке тут же встал и вышел из палатки.

Лондон сказал:

— Сообщи им то, что мне сообщил, Мак.

— Ну, многие к жизни здесь как к пикнику отнеслись. Но к завтрашнему дню пикник оканчивается. Самое веселье настает.

— Скэбы?

— Угу. Полный состав. У меня паренек знакомый в городе. Ходит на телеграф по моему

поручению. Вечером телеграфировали. К нам сегодня товарняк со скэбами отправлен. Утром прибудут.

— Что ж, — сказал Дейкин. — Я считаю, хорошо бы нам встретить этот поезд и побеседовать с вновь прибывшими. И полезно будет сделать это пораньше, пока они еще не рассредоточились.

— Я как раз об этом и думал, — поддержал его Мак. — Помню, как целая армия скэбов перешла на нашу сторону, стоило им только объяснить, что к чему.

— Объясним, не беспокойся.

— Слушайте, — предложил Мак. — Копы попробуют нам помешать. Нельзя ли, чтобы парни вышли еще до света, прокрались между деревьями, оставив копов с носом?

На секунду в холодном взгляде Дейкина блеснули веселые искорки.

— Как вам такое, парни? — Те радостно хихикнули, и Дейкин продолжал: — Тогда идите и расскажите ребятам наш план.

— Погоди минутку, Дейкин, — остановил его Мак. — Если ты расскажешь все ребятам сегодня, секретом это уже не будет.

— Ты это про что?

— Ну, не считаешь же ты, что в лагере нет

шпионов, правда? Держу пари, по меньшей мере пяток соглядатаев тут у нас имеются, а кроме того, всегда найдутся люди, которые не умеют держать язык за зубами и рады сообщить все, что знают, в особенности за деньги. На этом мир стоит, черт возьми! Так что не говори им ничего, пока не отправятся.

— Ты что, парням не доверяешь, а?

— Ну, хочешь рискнуть, рискуй, на здоровье. Только готов поспорить, что с нами вместе тогда и копы заявятся.

— Как вы считаете, ребята? — спросил Дейкин.

— Думаю, он дело говорит, — сказал один из итальянцев.

— Хорошо. А еще нам надо оставить людей для охраны лагеря.

— Сотню, не меньше, — согласился Мак. — Когда мы уйдем, лагерь могут поджечь, это как пить дать.

— Яблоки Андерсону, надо сказать, парни в два счета сняли.

— Угу, — отозвался Дейкин. — Сейчас по соседству две или три сотни их трудятся. Андерсон получит урожай богаче, чем рассчитывал.

— Надеюсь, что никаких беспорядков они пока не устроят, — сказал Мак, — достаточно тех, что

будут потом.

— Сколько скэбов ожидается? Это ты разузнал?

— От четырех до пяти сотен тех, что завтра прибудут. После, полагаю, и еще подтянут. Подготовься и скажи парням, чтоб карманы камнями набили.

— Скажу.

Вернулся Берке и сообщил:

— Док спать в большой армейской палатке будет. Там с ним еще десятеро разместятся.

— Где он сейчас? — спросил Мак.

— Он у парня одного стригущий лишай обнаружил. Сейчас им в закутке за печками занимается.

В этот момент из лагеря донесся хор возмущенных криков, а затем послышался чей-то высокий сердитый возглас. Шестеро мужчин выскочили наружу. Шумела группа мужчин. Стоя на первой из улиц палаточного городка, они загораживали дорогу. Дейкин протиснулся между ними.

— Что за шум, черт возьми?

Сердитый голос ответил:

— Сейчас объясню. Ваши люди камнями кидаться стали. Предупреждаю, если еще камни полетят, мы начнем стрелять, а уж в кого попадем, в того попадем.

Мак повернулся к стоявшему рядом Джиму и тихонько шепнул:

— Хорошо бы началась стрельба. Эти головорезы черт-те что могут учинить, если заварушка вскоре не последует. Уж слишком все спокойно, а их на драку тянет, пусть даже между собой.

Лондон решительно шагнул в толпу.

— Назад, парни! — яростно прокричал он. — Дел слишком много, чтобы детскими глупостями заниматься! Давайте расходитесь, отправляйтесь по своим палаткам.

Авторитет Лондона заставил бузотеров угрюмо отступить, но разошлись они неохотно.

Помощник шерифа крикнул:

— Усмирите этих парней, не то мы это своими «винчестерами» сделаем!

— Вы можете расслабиться и идти досыпать, — холодно произнес Дейкин.

— Копы эти напуганы до смерти, — пробормотал Мак, обращаясь к Джиму. — Прямо как гремучие змеи: от страха готовы на кого угодно наброситься.

Толпа отошла, и люди разбрелись по палаткам.

— Пойдем, узнаем, как там док, — сказал Мак. — К печкам завернем давай.

Дока Бертона они застали сидящим на ящике с бинтом в руках. Он бинтовал руку какому-то мужчине. Керосиновый фонарь бросал слабый желтый луч на его работу и высвечивал светлый кружок на полу. Доктор закрепил пластырем конец бинта.

— Вот, готово, — сказал он. — В следующий раз не запускайте так рану. Ведь если запустить, можно и руки лишиться.

— Спасибо, док, — поблагодарил человек и вышел, на ходу опуская завернутый рукав.

— Привет, Мак! Привет, Джим! Я совсем вымотался.

— Это и вправду был стригущий лишай?

— Нет, порезался просто, и началось заражение. Не приучены люди к порезам серьезно относиться.

— Если бы нашему доктору, — сказал Мак, — повезло обнаружить случай оспы и удалось бы организовать карантин, то-то счастье для него бы было! А теперь чем займешься, док?

Грустные карие глаза устало обратились к Маку:

— Да, похоже, я совсем без ног. Но надо пойти проверить, так ли санитарный отряд продезинфицировал туалеты, как я им велел.

— Судя по запаху, они проделали все как надо, — успокоил его Мак. — Почему бы тебе не поспать, док? Прошлой ночью ты совсем не спал.

— Я устал, но спать не хочется. Вот уж час, как я мечтаю, окончив все дела, выйти в сад, сесть там у яблони и отдохнуть.

— Нечего не имеешь против компании?

— Ничего. Буду рад провести время с тобой. — Бертон встал. — Подожди, я руки помою. — В плошке теплой воды он тщательно вымыл руки, намылил их зеленым мылом, выскреб и прополоскал. — Ну, идем теперь, прогуляемся, — сказал он.

Втроем они неспешно прошли подальше от палаток в сторону погруженного во тьму сада. Комья сухой пахотной земли тихонько похрустывали под ногами.

— Мак, — устало проговорил Бертон. — Ты для меня загадка — беседуя, можешь имитировать любую речь. С Лондоном и Дейкиным ты говоришь как они. Ты настоящий актер.

— Нет, — возразил Мак. — Никакой я не актер. Просто речь создает определенную атмосферу. Я умею улавливать эту атмосферу и, когда говорю, поддерживаю ее совершенно естественным образом. Я не делаю никаких усилий. Это выходит

само собой. Знаешь, док, люди с подозрением относятся к тем, кто говорит по-другому, не так, как они. Можно даже жестоко обидеть человека, употребив в разговоре с ним слово, которое ему не знакомо. Возможно, он даже промолчит и ничего не скажет, но вас возненавидит. К тебе, док, это не относится. Ты, видать, совсем из другого теста. Тебе бы так не доверяли люди, не будь ты другим.

Они вступили под древесные своды, где листва и ветки темнели на фоне неба. Еле слышное жужжание лагеря совсем затихло. Над их головами резко крикнула сова, и мужчины испуганно вздрогнули.

— Это сова, Джим, — объяснил Мак. — За мышами охотится. — Он повернулся к Бертону: — Джиму раньше редко доводилось бывать за городом. Здесь многое ему внове. Давайте присядем.

Мак с доктором опустились на землю и, сев, прислонились к стволу старой яблони. Джим сел напротив, листья над ними не колыхались, повиснув в недвижном воздухе.

Мак заговорил вполголоса, потому что ночь, казалось, слушает их.

— Ты тоже для меня загадка, док.

— Я? Загадка?

— Да, ты. Ты не в партии, однако постоянно работаешь с нами, выполняя все бесплатно. Я не знаю, веришь ли ты в наше дело или не веришь, ты никогда не говоришь об этом, просто делаешь, и все. Но я знаю тебя давно и не уверен, что ты веришь в то, чем мы занимаемся.

— Нелегко ответить на этот вопрос. Но могу поделиться кое-какими соображениями, хотя, боюсь, тебе не понравится то, что я скажу. Даже уверен, что не понравится.

— Но все-таки выскажи эти соображения.

— Что ж, ты говоришь, я не верю в наше дело. Это все равно что не верить, например, в луну. Коммуны и раньше создавались, и в дальнейшем будут создаваться. Но вы все думаете, что главное — это создать. Создал, и дело сделано. Но все течет, и это процесс бесконечный, Мак. Если завтра и удастся воплотить идею в жизнь, она тут же начнет видоизменяться. Организуй коммуну, и поток изменений продолжится.

— Стало быть, ты думаешь, что дело наше гиблое, бесполезное и даже дурное?

Бертон вздохнул.

— Видишь ли, нам суждено вновь и вновь таскать и громоздить камни на этой древней горе.

Вот почему я не часто пускаюсь в откровения. Послушай, Мак, мое восприятие, возможно, не без недостатков, но другого мне не дано. Я желаю видеть и воспринимать картину целиком, так четко, как умею. Мне не нужны шоры добра и зла, оценки «хороший» или «дурной» сужают поле зрения. Если я приложу понятие «хороший» к той или иной вещи, то потеряю свободу судить о ней, ибо в ней может содержаться и дурное. Неужели тебе неясно? Я желаю рассматривать вещи всесторонне.

— Ну а как быть с социальной несправедливостью, с распределением прибыли? — запальчиво прервал его Мак. — Ты должен признать, что все это вещи дурные!

Доктор Бертон запрокинул голову, глядя на небо.

— Мак, — сказал он. — Вспомни о несправедливости физиологической, несправедливости столбняка, несправедливости сифилиса, о гангстерском коварстве амебной дизентерии — вот это мое поле деятельности.

— От социальной несправедливости мир излечат революция и коммунизм.

— Да, в то время как дезинфекция и профилактика предотвратят другие виды несправед-

ливости.

— Ведь это совсем разные вещи: одно исходит от людей, другое — от микробов.

— Не вижу особой разницы, Мак.

— Но, черт возьми, док… Столбняк может случиться где угодно, сифилис и на Парк-авеню есть. Зачем ты водишься с нами, если ты не за нас?

— Я хочу видеть, — сказал Бертон. — Если порезать палец и в руку проникнет стрептококк, палец опухнет и будет болеть. Опухоль означает, что организм начал борьбу. Боль — это сигнал к началу. Неизвестно, кто выйдет победителем, но рана — это первое поле битвы. Если первую битву клетки твои проиграют, стрептококки пойдут в наступление, и борьба перекинется на всю руку. Эти мелкие забастовки, Мак, подобны инфекции. В души людей попадает нечто; поднимается температура, опухают и твердеют железки. Я хочу видеть, и потому осматриваю средоточие инфекции — самую рану.

— Ты считаешь забастовку раной?

— Да. Люди, собранные в коллектив, в группу, всегда подвержены инфекции. Эта инфекция кажется мне опасной. Я хочу видеть. Хочу наблюдать за людьми в группе, ибо они видятся мне новой породой людей, не такой, к какой принад-

лежит отдельная человеческая особь. Человек в коллективе не похож на самого себя, он становится клеточкой организма, похожего на него отдельного не больше, чем клетки, из которых состоит твое тело, похожи на тебя. Я хочу наблюдать за группой, понять, что она собой представляет. Говорят, «толпа безумна, неизвестно, чего можно от нее ждать». Господи, почему люди не относятся к толпе как к отдельному человеку, а не как к толпе? Толпа почти всегда действует разумно — согласно законам своего разума.

— И какое же отношение к нашему делу это имеет?

— Возможно, вот как все обстоит, Мак. Когда коллективный, общественный человек, человек группы, хочет начать действовать, он выдвигает лозунг, обозначая цель: «Господь велит нам освободить Святую Землю от иноверцев», или: «Мы боремся за то, чтобы в мире беспрепятственно установилась демократия», или он возглашает: «Мы искореним социальную несправедливость, построив коммунизм». Но группе, обществу нет дела до Святой Земли, до демократии или коммунизма. Возможно, обществу, группе просто нужно движение, нужна борьба, а все эти лозунги используются лишь для того, чтоб воодушевить

отдельного, частного человека. Я не утверждаю, что это так, я говорю: «Возможно».

— Нет, наше дело — оно другое! — воскликнул Мак.

— Может быть, ты прав, но мне это представляется вот так.

— Твоя беда, док, — сказал Мак, — состоит в том, что для коммуниста тебя, черт возьми, слишком уж влево заносит. Ты все о коллективе и коллективе рассуждаешь, а как ты объяснишь таких, как мы, людей, которые направляют события и определяют движение? Получается, что твой человек группы, коллективный человек, тут ни при чем.

— Ты, видимо, воплощаешь в себе как следствие, так и причину, Мак. Наверно, ты являешься особым видом коллективного человека, клеточкой, наделенной особыми функциями, как клетка глазной ткани. Ты черпаешь силу в людях коллектива и вместе с тем направляешь их. Так и глаз. Он получает сигналы из мозга, одновременно давая мозгу сигналы.

— Все это далеко от практики, — брезгливо заметил Мак. — Какая связь между такого рода рассуждениями и толпами голодных, закрытием предприятий, безработицей?

— Может быть, и достаточно прямая связь. Еще не так давно люди не усматривали связи между столбняком и мышечным параличом. Существуют первобытные племена, которым невдомек, что дети получаются в результате полового акта. Да, может оказаться весьма полезно получше изучить коллективного человека, его природу, цели и желания. Они отличны от наших. Мы получаем удовольствие, расчесывая там, где чешется, а ведь расчесыванием мы убиваем множество клеток. Возможно, коллективному человеку тоже доставляет удовольствие гибель людей на войне. Я лишь желаю видеть, насколько это возможно, Мак, используя все способы, какими владею.

Мак встал и отряхнул штаны сзади.

— Будешь видеть чертовски много, ничего не сделаешь.

Бертон, тоже встав, тихонько рассмеялся.

— Может быть, в один прекрасный день… Ладно, ладно, хватит, уж слишком я разговорился. Но мысль проясняется, когда говоришь, даже если тебя и не слушают.

Они пустились в обратный путь по хрустким комьям земли к спящему лагерю.

— Нам недосуг смотреть, док, — сказал Мак. — Утром нам предстоит сразиться с шайкой скэбов.

— Deus vult[8], — сказал Бертон. — Видели вы пойнтеров Андерсона? Красивейшие собаки. Для меня смотреть на них — одно наслаждение, чувство почти сексуальное.

В палатке Дейкина все еще горел свет. Лагерь спал, лишь кое-где тлели угли одиноких костров. По обочине дороги протянулся ряд молчаливых машин, а на самой дороге вспыхивали и гасли огоньки папиросок помощников шерифа.

— Слыхал, Джим? Можешь сам убедиться в том, что такое Бертон. Имеются две отличные собаки, замечательные, охотничьи, но для дока это не собаки, это лишь чувства, а для меня — это собаки. В палатках спят парни, это мужчины со своими стремлениями, люди из плоти и крови, но для дока это не мужчины, а некий коллектив, огромный великан, колосс. Не будь он доктором, его бы здесь не было. Мы нуждаемся в его искусстве, но сознание его вносит сумятицу и превращает все в какую-то кашу.

Бертон виновато засмеялся.

— Не знаю, зачем я все говорю и говорю. Вы практичные люди и всегда направляете практичных людей из плоти и крови. И раз за разом

---

[8] Примечания: 8
На то воля Божия (*лат.*).

что-то происходит не так. Люди проявляют непокорность, действуют вопреки здравому смыслу, а вы, практичные, либо отрицаете очевидное, либо отказываетесь думать об этом. А когда кто-то задается вопросом, что именно отличает человека из плоти и крови от вашего представления о нем, что делает его чем-то бóльшим, чем ваши узкие правила, вы поднимаете крик: «Мечтатель! Мистик! Метафизик!» Не знаю, зачем я говорю это все практичному человеку. На протяжении истории к самой большой путанице и самому большому разочарованию людей из плоти и крови приводили их практичные лидеры.

— Нам надо дело делать, — возразил Мак, — нет у нас времени играть всеми этими высокоумными идеями.

— Да, так вы и начинаете действовать, не ведая пути. И невежество ваше всякий раз заводит вас в тупик.

Они подошли совсем близко к палаткам.

— Если б ты стал говорить подобные речи кому-нибудь еще, — сказал Мак, — нам пришлось бы вышвырнуть тебя отсюда.

Внезапно перед ними выросла темная фигура.

— Кто это там? — требовательно произнес голос, и тут же: — О черт, не признал вас!

— Дейкин стражу выставил? — осведомился Мак.

— Ну да.

— Он молодец. Я подозревал, что он молодец — хладнокровный, спокойный…

Они остановились перед большой с остроугольным верхом армейской палаткой.

— Пожалуй, я сюда направлюсь, — сказал док. — Здесь мой телохранитель спит.

— Хорошая идея, — согласился Мак. — Завтра тебе, быть может, много перевязок предстоит.

Когда доктор скрылся в палатке. Мак повернулся к Джиму:

— Почему бы и тебе на покой не отправиться?

— А ты что делать собираешься, Мак?

— Я? Мысль была побродить немного по лагерю, проверить, все ли в порядке.

— Я с тобой хочу. Я ведь только и делаю, что сопровождаю тебя.

— Ш-ш… Не так громко. — Мак медленно двинулся в сторону цепочки машин. — Ты здорово помогаешь мне, Джим. Быть может, я покажусь тебе сентиментальным, как старая баба, но ты помогаешь мне справляться со страхом.

— Но я же ничего не делаю — только топаю вслед за тобой.

— Знаю. Наверно, я стал проявлять слабость. Боюсь, как бы с тобой чего не случилось. Не должен был я втягивать тебя, Джим, во все это. А теперь я завишу от тебя.

— Ну а сейчас что мы будем делать, Мак?

— Тебе хорошо бы спать отправиться, а я попробую переговорить с теми копами, что на дороге.

— Зачем это?

— Послушай, Джим, тебя очень смутило то, что док наговорил?

— Нет. Я и не слушал.

— В основном это ерунда. Но было там и кое-что серьезное, не ерундовое. Забастовку делают успешной два обстоятельства. Первое — это если наладить мощную и устойчивую борьбу за свои права. Второе — если завоевать общественное мнение, когда тебя люди поддерживают и переходят на твою сторону. В настоящее время долиной этой владеют всего несколько человек. Остальным же не принадлежит здесь, считай, ничего. Несколько землевладельцев либо платят остальным, либо лгут и обводят их вокруг пальца. Эти копы, что расположились на дороге, — временные помощники, те же сезонники, только со звездой и оружием, выданным им на двухнедельный срок. Я и подумал, что стоит попытаться

выведать, как они относятся к забастовке. Наверно, относятся так, как им велено относиться, и все же найдется у меня для них пара слов.

— А что, если тебя арестуют? Помнишь, что тот парень на дороге вчера вечером сказал?

— Это всего лишь подручные, Джим. Они не узнают меня, как узнали бы настоящие копы.

— Слушай, я с тобой хочу пойти.

— Ладно, но, если увидишь, что дело принимает дурной оборот, мигом дуй в лагерь и поднимай тревогу.

В палатке за их спинами какой-то мужчина стал кричать во сне. Хор голосов принялся тихонько будить, увещевать его, прерывая поток его сновидений. Мак и Джим молча протиснулись между двумя машинами в ряду и приблизились к маленькому скоплению огоньков от папирос. Искорки гасли и дрожали при их приближении.

Мак крикнул:

— Эй, парни, подойти-то можно?

Из группы послышалось:

— Сколько вас?

— Двое.

— Ну, давайте сюда.

Когда они подошли поближе, луч фонарика коснулся их лиц; фонарик посветил секунду и

погас. Помощники шерифа встали.

— Чего вам? — спросил тот же голос.

— Не спится, — отвечал Мак, — вот мы и решили выйти, поговорить.

Мужчина хохотнул.

— Ну, мы-то сегодня вечером наговорились всласть.

В темноте Мак вытащил свой кисет.

— Может, кто из вас покурить желает?

— Курево у нас есть. Чего хотите-то?

— Что ж, скажу. Многие здесь выяснить хотят, что вы, парни, думаете насчет забастовки. Вот и послали нас к вам с вопросом. Им известно, что вы парни простые, рабочие, такие же, как и они. Они хотят узнать, не собираетесь ли вы помощь оказать собратьям.

Голос негромко проговорил:

— Так и быть, молодняк. Берите-ка их. Шум поднимете — получите пулю.

— Слушайте, какого черта! Чего это вы?

— Встань-ка сзади, ты, Джек, и ты, Эд. Дуло им в спину. И шаг в сторону — стреляйте. А теперь, марш!

В спины им уперлись ружейные дула, и, подгоняемые ружьями, они пошли сквозь тьму.

Голос главного говорил:

— Считали себя черт-те какими умными, да? Всех перехитрить вздумали, а того не знали, что дневная стража вас двоих вычислила. — Они перешли дорогу и шли теперь между рядами деревьев. — Думали, невесть какую хитрость придумали — отправить людей отсюда до света, а нас с носом оставить. Господи, да мы о фокусе вашем через десять минут после того, как вы его задумали, уже знали!

— Кто сообщил вам, мистер?

— Ах, вот что тебе так интересно!

Топот ног и ощущение дула, уткнувшегося в спину.

— Вы нас в тюрьму ведете?

— Вот еще — в тюрьму! Вас, сволочь красную, мы в караулку тащим, в Комитет бдительности. Вам еще повезет, если из вас выбьют там дурь, а после вышвырнут вон из наших мест. Ну а если не повезет, вздернут на дереве ближайшем. Нам в нашей долине с радикалами церемониться ни к чему.

— Но вы же полицейские! Вам положено нас в тюрьму отправить.

— Это ты так думаешь. Есть симпатичный домик здесь неподалеку. Туда мы вас и отведем.

Под деревьями не было видно даже слабого

света.

— А сейчас идите потихоньку, ребята.

Джим крикнул: «Беги, Мак!» — и в ту же секунду упал на землю. Шедший за ним охранник, споткнувшись о него, тоже упал. Джим перекатился через поваленный ствол, вскочил и бросился наутек. Добежав до второго ряда яблонь, он вскарабкался высоко на дерево и спрятался в листве. Он слышал звуки потасовки, сдавленный стон боли. Свет фонарика рыскал вокруг, а затем фонарик упал на землю и бесцельно освещал какое-то гнилое яблоко. Донесся треск разрываемой материи, мерный топот ног, потом чья-то рука, пошарив внизу, подняла фонарик и погасила его. С места схватки неслись звуки спора.

Джим осторожно спустился с дерева. Каждый шорох, каждое колыхание листвы на деревьях заставляли его задыхаться от приступа тревоги. Бесшумно продвигаясь вперед, он выбрался к дороге и пересек ее. Возле стоящих в ряд машин его остановил караульный.

— Второй раз за ночь ты здесь бродишь, друг. Почему спать не идешь?

— Слушай, Мак здесь не пробегал? — спросил Джим.

— Как же, пробегал. Тенью пролетел, как мышь

летучая, словно из ада вырвался. Он сейчас у Дейкина в палатке.

Джим ускорил шаг и вскоре, приподняв брезент над входом, был уже в палатке Дейкина, где застал Мака и Берке. Мак о чем-то взволнованно говорил и остановился на полуслове при виде Джима.

— Господи, вот радость-то, а мы уж собрались команду высылать, чтобы тебя вызволить попробовали. Ну и дурак же я был! Круглый дурак! Знаешь, Дейкин, нас вели, уткнув дула нам в спину. Я не думал, что они выстрелят, хотя с них бы и сталось. Джим, как это ты, черт возьми, от них вырвался?

— Бросился на землю, парень повалился прямо на меня, а ружье его дулом в грязь зарылось. Мы такие штуки в школе делали.

Мак смущенно засмеялся.

— Они боялись, что, если не упираться нам в спины дулом, они могут друг друга перестрелять. Я отпрыгнул в сторону и моего стражника ногой в живот пнул.

Берке стоял у Мака за спиной, и Джим заметил, как Мак мигнул Дейкину. Холодные глаза Дейкина почти скрылись за белесыми ресницами.

— Берке, тебе стоит пойти проверить караул

— не уснули ли они там.

Берке заколебался.

— Думаю, все в порядке.

— И все же пойди, проверь. Ни к чему нам новые посланцы и новые атаки. Что у ребят в руках, Берке?

— Хорошие дубинки.

— Ну, пойди взгляни, как там и чего.

Берке вышел из палатки. Мак приблизился к Дейкину почти вплотную.

— У палатки стенки тонкие, — тихо проговорил он. — А мне с тобой одним поговорить хочется. Ты прогуляться немного не желаешь?

Дейкин дважды кивнул головой в знак согласия. Втроем они вышли в темноту и направились в ту сторону, куда ранее удалился доктор Бертон. Караульный проводил их взглядом.

— Кто-то успел нас выдать, — сказал Мак. — Подручные шерифа были в курсе, что мы собрались отчалить еще до рассвета.

— Ты думаешь, Берке? — сухо осведомился Дейкин. — Его там с нами даже и не было.

— Я не знаю, кто это. Кто угодно мог оказаться рядом с палаткой и услышать.

— Так что же нам делать? Ты вроде дока в таких вещах. — И он холодно продолжал: — Подозревал

я, что вы, красные, не доведете нас до добра. Вечером сюда парень один заявился и предложил вышибить вас отсюда, тогда хозяева, дескать, сговорчивее будут.

— А ты тоже так думаешь? Не забывай, они урезали плату, еще когда нас здесь не было. Ты, черт возьми, вообразил, что забастовку здесь начали мы, хотя отлично знаешь, что все обстоит иначе. Мы только помогаем выбрать правильный путь, а не действовать наобум, тратя силы впустую.

Бесцветный голос Дейкина оборвал его:

— Что вы с этого имеете?

— Ничего! — с жаром воскликнул Мак.

— Как докажешь?

— Никак. Поверь мне на слово. Никаких доказательств тут нет и быть не может.

Голос Дейкина слегка потеплел.

— Не знаю уж, парни, могу ли я вам доверять в таком случае. Если человек что-то делает за плату, то ясно: он будет либо исполнять приказ, либо наушничать. Но если он не получает ничего, то непонятно, чего от него ждать.

— Ладно, — раздраженно бросил Мак. — Оставим эту ерунду. Предложил тот парень вышибить нас, устройте голосование. Дайте нам возможность защитить нашу позицию. Но собачиться и

драться друг с другом — это уж дело последнее.

— Хорошо, но что нам теперь делать? Нет смысла потихоньку красться в зарослях утром, если копам наш план уже известен.

— Конечно. Давай открыто выступим из лагеря, а там будь что будет. Когда встретимся со скэбами и увидим, как они настроены, поймем, как нам лучше поступить — драться или убеждать их.

Дейкин остановился и колупнул грязь ботинком.

— Зачем ты пригласил меня на прогулку?

— Просто хотел предупредить тебя, что среди нас есть предатели, и если ты не хочешь, чтобы копы что-то узнали, не говори об этом никому.

— Хорошо. Я понял. А так как все равно всем все становится известно, с тем же успехом можно всем все и говорить. Я пошел спать, а вы уж постарайтесь, чтобы до утра ничего не случилось.

Мак и Джим расположись в маленькой палатке без пола. Они заползли в нее, как в крохотную пещерку, и свернулись калачиком, зарывшись в старые свои шарфы. Мак прошептал:

— По-моему, Дейкин хотя и говорит начистоту всякое, но парень честный и ни под чью дудку не пляшет.

— Ты не считаешь, что он хочет прогнать нас

отсюда, Мак?

— Может, и хочет. Но не прогонит. К завтрашнему вечеру здесь будет достаточно парней с синяками и травмами, злых как черти, а это для нас контингент самый подходящий. Мы не можем допустить, Джим, чтобы весь этот пыл иссяк, превратившись в ничто. Слишком уж ярко он проявился.

— Мак?

— Да?

— Почему копы не нагрянут сюда и не заберут нас, тебя и меня?

— Боятся. Боятся, что людей это взбесит. Это похоже на случай со старым Дэном, когда он с лестницы свалился. Копы отлично знают, когда рабочих лучше не трогать, оставить в покое. Давай-ка спать!

— Я только хотел расспросить тебя, как это ты ухитрился вырваться от них в саду. Ты дрался с ними, да?

— Конечно. Но было так темно, что они не видели, куда падают удары. Я чувствовал, что могу отколошматить любого.

Некоторое время Джим лежал молча.

— А было тебе страшно, Мак, когда они ружьями нам в спины уперлись?

— Еще бы, черт возьми! Я с охранниками такими дело имел и раньше. Как и старый Джой. Наваливаются на тебя человек десять и бьют в кровь, до кровавой каши. О, они храбрецы, эти охранники. Недаром за масками лица прячут! Еще бы я их не боялся! Ну а ты?

— Конечно, и я боялся. Поначалу. А потом нас повели, и я как-то успокоился. Представил себе, что будет, если я на землю упаду. Как парень споткнется об меня, как на землю полетит. Ясно все увидел еще до того, как это произошло. Я больше боялся, что они тебя застрелят.

— Забавная штука, Джим, — сказал Мак, — чем в бóльшую переделку попадаешь, тем меньше страх чувствуешь. Едва драка началась, как я перестал бояться. А вот прикосновение дула ружейного к спине до сих пор чувствую — неприятно это было.

Через щель палатки Джим выглянул наружу. По сравнению с темнотой внутри ночь казалась светлой. Кто-то прошел мимо, шурша и похрустывая комьями земли под ногами.

— Думаешь, мы победим в этой забастовке, Мак?

— Спать надо, вот что. Знаешь, Джим, до сегодняшнего вечера я бы тебе этого не сказал, но не

думаю, что у нас есть шанс победить. В долине у них все схвачено. Начнут стрелять, и дело с концом. Шансов победить у нас нет ни малейших. Думаю, когда начнется настоящая заварушка, многие станут дезертировать. Но не беспокойся, Джим. Мы продолжим борьбу. Она будет разрастаться, шириться, и однажды усилия наши дадут свои плоды. Однажды мы победим. Надо в это верить. — Он приподнялся на локте. — Не верь мы в это, нас бы здесь не было. Док был прав насчет инфекции. Но инфекция — это капитализм. Мы обязаны верить в то, что способны сбросить это иго, прежде чем инфекция проникнет в нас, охватит наши сердца и убьет нас. Ты верный друг, Джим. Ты всегда рядом. Твое присутствие дарит мне силу.

— Гарри был прав, когда предупредил, чего следует ожидать, — сказал Джим. — Все ненавидят нас, Мак.

— И это самое печальное, — согласился Мак. — Все нас ненавидят: те, кто с нами, и те, кто против нас. И если мы победим, Джим, если мы все преодолеем, те, кто с нами, на нашей стороне, могут нас убить. Не знаю сам, зачем мы это делаем. Ой, ну давай спать!

Глава 9

Еще до первых проблесков утра лагерь наполнился шумом просыпающихся людей. Застучали топоры заготовщиков дров, загудел огонь в проржавевших печках, и не прошло и нескольких минут, как в воздухе повеяло ароматом горящей сосновой и яблоневой древесины. Забегали, засуетились повара. Возле ревущего в конфорках пламени выстроились ведерки с кофе, разогревались котлы с бобами. Из палаток начали вылезать люди; они стягивались к печкам, обступая их так тесно, что поварам негде было развернуться. Грузовичок Дейкина отправился в усадьбу Андерсона и вернулся оттуда с тремя баками воды. Передавали распоряжение: «Дейкин ждет у себя командиров отрядов, и незамедлительно». Преисполненные важности командиры шли к палатке Дейкина. К этому времени верхушки яблонь уже четко вырисовывались на фоне неба в восточной его стороне, показались серые тени стоящих в ряд машин. Закипал кофе в ведерках, а из котлов с бобами несся острый и аппетитный запах. Повара черпали половниками бобы

в котлах, накладывая их в любую протянутую им посуду — котелки и банки, жестянки и металлические миски. Многие, усевшись на землю, перочинными ножами вырезали себе лопаточку для еды. Кофе был черный и горький, но людей он согревал, и, поначалу молчаливые, неловко ежившиеся, они стали переговариваться, смеяться и весело приветствовать друг друга. Небо над деревьями стало совсем светлым, земля же окрасилась в сине-зеленые тона. Высоко в небе тремя стаями летели дикие гуси.

Между тем Дейкин, а с ним и Берке с Лондоном стояли перед входом в палатку. Напротив Дейкина сгрудились в ожидании командиры воинских отрядов. Мак и Джим затесались в их толпу, стоя вместе с остальными, потому что Мак заранее предупредил Джима: «Надо некоторое время не торопить события и действовать с оглядкой. Мы же не хотим, чтоб у парней возникло желание вышвырнуть нас из лагеря».

Дейкин был в короткой бумажной куртке и твидовом кепи. Его блеклые глаза стреляли взглядами во все стороны, изучая толпу. Он сказал:

— Объясняю вам, ребята, как обстоит дело, а вы, если захотите, можете отказаться участвовать. Не хочу, чтобы шли те, кто делает это против воли.

Прибывает целый поезд скэбов. Мы собираемся выступить в город и попробовать их остановить. Начнем переговоры с некоторыми, но может случиться так, что придется драться. Как вам такая перспектива?

Поднялся одобрительный шум.

— Ну, тогда хорошо. Выступаем. Руководите людьми. Пусть ведут себя тихо и идут по краю дороги. — Он растянул губы в холодной улыбке. — Если кое-кому придет на ум насовать в карманы камней, особого вреда в этом я не вижу.

Люди рассмеялись, оценив шутку.

— Ладно. Если вы меня поняли, поговорите с вашими людьми. Все возражения я хочу знать наперед. Около ста человек я оставлю в лагере в качестве охраны. А теперь идите завтракать.

Люди разошлись и направились к печкам. Мак и Джим приблизились к лидерам. Лондон высказывал сомнения:

— Я бы не очень рассчитывал на хорошую драку. Для этого парни выглядят не слишком-то злыми.

— Рано еще, — успокоил его Мак. — Кофе даже не успели выпить. Поедят — будут выглядеть иначе.

— Вы с нами идете? — строго спросил Дейкин.

— Понятное дело, — ответил Мак. — Послушай, Дейкин, имеются люди, которые нам еду и припасы доставляют. Устрой так, чтоб за ними машины были посланы, когда надо будет все привезти.

— Ладно. Это к вечеру понадобится. Бобы съедены будут. Чертовски трудно такую ораву прокормить.

— По мне, так драку надо начинать, как только скэбы с поезда спрыгнут, — сказал Берке. — Хорошо их тепленькими на испуг взять.

— Нет, сначала лучше поговорить, — возразил Мак. — Я собственными глазами видел, как добрая половина скэбов из такого вот поезда переходила на сторону забастовщиков, если с ними правильно разговаривали. А если наброситься на них и напугать, они только озвереют.

Пока Мак говорил, Дейкин глядел на него с некоторым подозрением.

— Ладно, — решил он. — Пора двигать. Мне надо еще отобрать парней, которые останутся. Док и его ребята приберут в лагере. Я поведу свой грузовик, Лондон и Берке могут ехать со мной. Да оставьте вы эти старые банки там, где они есть!

Солнце уже всходило, когда длинная ровная людская колонна потянулась из лагеря. Командиры отрядов выравнивали колонну, приказывая

держаться обочины. Джим услышал, как кто-то распорядился: «Не возитесь с этими комками. Подождите, когда к железке выйдем. Там камни хорошие, гранитные будут».

Послышалось пение — фальшивое, нестройное — хор не привычных к пению людей. Во главе колонны катил зеленый грузовичок «шевроле» Дейкина, лениво, на малой скорости. За ним тянулся народ, а оставшиеся в лагере женщины кричали им вслед прощальные слова.

Едва колонна вышла, как полицейские на мотоциклах тоже двинулись параллельно идущим. Когда толпа прошла так с полмили, к голове колонны метнулась и преградила ей путь большая открытая, набитая людьми машина. Все люди в ней держали в руках ружья и имели бляхи помощников шерифа. Водитель машины вспрыгнул на сиденье.

— От вас требуется соблюдение порядка, не забывайте об этом! — крикнул он. — Вы можете двигаться, пока не перекрываете дорогу, не мешаете движению транспорта и никому не мешаете. Понятно? — Он сел на место и повел машину впереди машины Дейкина, таким образом возглавив шествие.

Джим и Мак шли шагах в пятидесяти от грузо-

вика. Мак сказал:

— Они выслали к нам почетный эскорт. Ну разве же это не верх любезности? — Люди вокруг захихикали. Мак продолжал: — Иными словами, они предупреждают, что право на забастовку мы имеем, а на пикет — ни в коем случае. — На этот раз смеха уже не было. Раздалось ворчание, но почти беззлобное. Мак бросил на Джима тревожный взгляд.

— Не нравится мне это, — тихо проговорил он. — Вся эта шайка бродяг не настроена на драку. Хорошо бы вскорости произошло что-нибудь, способное их по-настоящему разозлить. Если же нет, все выдохнется и сойдет на нет.

Нестройная толпа вступила в город и двигалась по тротуарам. Мужчины как-то притихли, многие из них выглядели сконфуженными. Горожане глазели на них через оконные стекла, а дети, застыв в палисадниках, таращились на шествие, пока родители не утаскивали их в дом и не захлопывали за ними двери. На улицах было мало прохожих. Полицейские на мотоциклах ехали так медленно, что вынуждены были время от времени касаться ногами земли, чтобы удержать равновесие. Предводительствуемая машиной шерифа процессия, пройдя окраинами, вышла

наконец к сортировочной. Люди встали возле полосы отчуждения, по краю которой выстроилась охрана — двадцать человек с автоматами и слезоточивым газом.

Дейкин подрулил к железнодорожному полотну. Люди молча рассредоточились, заняли позицию напротив отряда полицейских. Дейкин и Лондон сновали вдоль плотных рядов забастовщиков, отдавая распоряжения. Людей призывали по возможности избегать столкновения с полицией. Сначала убеждение и только потом — прямое действие.

Справа в два ряда стояли вагоны-рефрижераторы. Джим потихоньку сказал Маку:

— Они могут остановить товарняк, не дав ему доехать до станции, и там высадить людей. В таком случае мы потеряем возможность поговорить с ними.

Мак покачал головой:

— Позднее, может быть, они и помешают нам это сделать. А сейчас — нет. Думаю, они хотят продемонстрировать нам свою силу. Рассчитывают напугать нас. Хорошо бы уж пришел состав. Такому народу, как наши парни, ожидание только во вред. Если ждать слишком долго, они могут вконец испугаться.

Некоторые уселись возле полотна, а из плотных рядов неслось жужжание негромких голосов. Люди, зажатые между железнодорожной охраной с одной стороны и полицейскими на мотоциклах и помощниками шерифа — с другой, нервничали и казались смущенными. Помощники шерифа стояли, обеими руками вцепившись в ружья и прижимая оружие к животу.

— Копы тоже напуганы, — заметил Мак.

Лондон ободрял группу парней.

— Не будут они стрелять, — говорил он. — Не посмеют стрельбу устраивать.

Кто-то крикнул:

— Вот, шлагбаум подняли!

Вдали, у семафора, подняли шлагбаум. Над деревьями взвилась струя дыма, и рельсы загудели под колесами приближающегося поезда. Люди поднялись и, вытянув шеи, стали вглядываться в даль, куда убегали рельсы.

— Теперь встречайте их, ребята! — проревел Лондон.

Показался черный паровоз, за которым медленно катились товарные вагоны, в вагонных дверях можно было различить ноги людей. Машина с грохотом замедляла ход, пыхтя и выпуская из-под колес клубы пара. Она свернула на запасной путь

и лязгнула тормозами. Вагоны дружно дернулись и заскрежетали, хвостовой засопел и встал, отдуваясь.

Напротив путей тянулся ряд обветшалых лавок и таверен с меблированными комнатами в верхних этажах. Мак бросил взгляд через плечо. В окнах верхних этажей торчали головы, люди, высунувшись, глядели на них. Мак сказал:

— Не нравятся мне вон те парни.

— С чего бы это? — удивился Джим.

— Не знаю. Там должны были бы и женщины стоять. А ни одной не видно.

В дверях товарных вагонов виднелись штрейкбрехеры, за их спинами теснились другие. Они неловко озирались и медлили спрыгивать на землю.

Лондон выступил вперед, встав почти вплотную к охраннику, так что дуло автомата, повернувшись, нацелилось прямо на него, а охранник сделал шаг назад. Паровоз пыхтел размеренно, как огромное, усталое животное. Лондон сложил ладони рупором и низким своим голосом пророкотал: «Давайте сюда, ребята! Не вставайте против нас! Не помогайте копам!»

Его голос заглушило шипение пара. Из бока машины вырвалась белая струя, поглотившая

все звуки, кроме собственного режущего ухо воя. Ряды забастовщиков беспокойно зашевелились и, взбухнув в середине, двинулись в сторону охраны. Дула автоматов, повернувшись, взяли на прицел ряды. Лица охранников посуровели, и забастовщики, почувствовав угрозу, остановились. Пронзительный вой не прекращался; белый плюмаж пара, поднимаясь, разветвлялся на отдельные перья.

В дверях одного из вагонов началась какая-то сумятица. Сквозь сидящих скэбов протиснулся и спрыгнул на землю человек.

— Господи боже! Да это Джой! — в ухо Джиму крикнул Мак.

Неуклюжая гномоподобная фигура стояла лицом к дверям и толпящимся в них людям. Шипение пара не прекращалась. Люди выпрыгнули из вагона и встали напротив отчаянно жестикулирующего Джоя. Затем он повернулся и взмахнул рукой в сторону забастовщиков. Его изуродованное лицо исказилось. Пять-шесть скэбов встали у него за спиной, и вся группа двинулась по направлению к забастовщикам. Охранники повернулись, пытаясь удержать в поле зрения одновременно тех и других.

А потом раздались три резких щелкающих

звука. Мак оглянулся и поглядел туда, где были лавки. И головы, и ружья в окнах мгновенно исчезли, и окна захлопнулись.

Джой замер, вытаращив глаза. Рот его открылся, и по подбородку на рубашку потекла струйка крови. С диким видом он озирал толпу. Затем упал ничком, царапая пальцами землю. Охранники недоверчиво глядели на корчившуюся на земле фигуру. Внезапно шипение пара смолкло, и волной накатила тишина. Ряды забастовщиков стояли недвижимо, на лицах людей застыло задумчивое выражение. Джой приподнялся на руках, подобно ящерице, и вновь упал. На щебенку железнодорожной насыпи густым ручьем хлынула кровь.

Толпа странно, тяжело зашевелилась. Лондон оцепенело двинулся вперед, за ним двинулись люди. Охранники наставили автоматы, но забастовщиков это не смутило: бестрепетно, слепо они двигались вперед. Охранники поспешили отойти в сторону, потому что двери вагона изрыгали все новых и новых людей. Концы этой цепочки закручивались, образуя кольцо вокруг лежащего в центре тела — так теснится к середине гурт овец.

Джим, дрожа, прижался к плечу Мака. Повер-

нувшись к нему, Мак пробормотал:

— В кои-то веки он сделал по-настоящему хорошее, нужное дело! Бедный Джой! Сделал все-таки… Как был бы счастлив, знай он это! Взгляни на копов, Джим. И отпусти мою руку. Не пугайся. Взгляни на копов!

Охранники были напуганы. Они умели подавлять бунт и беспорядки, но это движение — медленное, неуклонное, слепое — вызывало в них ужас. Они продолжали стоять на месте, однако шериф уже завел машину. Полицейские потихоньку направились к своим мотоциклам.

Штрейкбрехеры к этому времени уже покинули вагоны. Некоторые из них, нырнув под вагоны или протиснувшись между ними, очутились по ту сторону пути, но большинство сгрудились там, где лежал Джой, и окружили его. Мак увидел Дейкина, стоявшего в задних рядах толпы. Блеклые глаза Дейкина на этот раз глядели прямо, а не бегали из стороны в сторону. Мак подошел к нему.

— Нам надо бы взять его и на грузовике отвезти в лагерь.

Дейкин медленно обернулся:

— Нельзя его трогать. Копы должны его забрать.

— Почему копы не схватили тех, что из окон

стреляли? — запальчиво бросил Мак. — Погляди на этих копов — они напуганы до смерти. Говорю тебе, нам забрать его надо. Нам он нужен для поднятия градуса, для сплочения парней. Люди встанут как один и вступят в борьбу.

Лицо Дейкина исказила гримаса.

— Ты, скотина бесчувственная! Только и думаешь, что о забастовке!

Джим вмешался в спор:

— Знаешь, Дейкин, этот коротышка получил пулю, стараясь нам помочь. И ты теперь хочешь помешать ему это сделать?

Дейкин медленно перевел взгляд с Мака на Джима, а затем — вновь на Мака и сказал:

— Почем вы знаете, что он собирался сделать? Гудок так выл, что слышно ничего не было!

— Мы его знаем, — сказал Мак. — Он был нашим товарищем.

В глазах Дейкина мелькнуло неодобрение.

— Ваш товарищ, а вы ему упокоиться с миром не даете. Хотите его использовать. Скоты вы оба бесчувственные, и больше ничего.

— Да что ты понимаешь в этом! — выкрикнул Мак. — Не хотел Джой никогда никакого покоя! Джой хотел работать, пользу приносить, и не знал как. — Голос Мака поднялся до истерических

нот. — И вот теперь он в кои-то веки получил возможность это сделать, а ты ему не даешь!

Головы некоторых повернулись на громкие голоса. Люди с вялым любопытством наблюдали спор. Дейкин на секунду задержал взгляд на Маке.

— Пойдем, — сказал он.

Они принялись расталкивать собравшихся, освобождая себе проход в плотной массе людей, с неохотой уступавшей им место.

Мак крикнул:

— Расступитесь, ребята! Дайте нам пройти. Надо вынести отсюда беднягу!

Люди, ожесточенно толкаясь, освободили для них узкую тропку.

Присоединившийся к ним Лондон помог им пробраться в самый центр. Джой был безусловно мертв. Когда вокруг тела освободился маленький пятачок пространства, Лондон перевернул Джоя и принялся стирать кровавую грязь с его рта. В открытых глазах Джоя застыло хитроватое выражение, губы улыбались, и это было жутко.

Мак сказал:

— Не надо, Лондон. Оставь его таким, как он есть.

Лондон поднял хилое тело. Прижатый к мощ-

ной груди Лондона Джой казался очень маленьким. Проход для них теперь освобождали с готовностью. Лондон шел, а люди выстраивались и следовали за ним неровной колонной.

Возле сверкавшего чистотой зеленого грузовичка Дейкина стоял шериф в окружении своих помощников. Лондон остановился, шедшие за ним остановились тоже.

— Я хочу забрать тело, — сказал шериф.

— Нет. Вы его не получите.

— Вы застрелили штрейкбрехера. Вам будет предъявлено обвинение. Тело я должен доставить коронеру.

В глазах Лондона вспыхнули красные искорки. Он сказал просто и ясно:

— Мистер, вы знаете людей, которые убили этого коротышку. Знаете, чьих рук это дело. Имеются законы, которые вы нарушаете.

Толпа молчала, слушала.

— Говорю тебе, я хочу забрать тело!

— Неужели вы не понимаете, мистер, — печальным голосом произнес Лондон, — что, если вы и ваши молодцы не уберетесь отсюда к чертям собачьим, вас попросту убьют? Неужто это вам неясно, мистер? Неужто не видите, что это край, за который лучше не лезть?

В толпе шорохом пронесся вздох облегчения.

— У меня с тобой еще будет разговор, — сказал шериф.

Но он попятился и отступил, как отступили и помощники. Толпа заворчала так тихо, что это было похоже на стон. Лондон перевалил тело Джоя через борт грузовика, потом влез сам и, подтащив тело к задней стенке кабины, прислонил его там.

Дейкин включил двигатель, развернулся и выехал на улицу. Грозная, хмурая толпа последовала за ним. Шума не было. Люди шли тяжело, неторопливо.

Полицейских на мотоциклах вдоль дороги не было. Не было видно и людей вокруг. Мак с Джимом шли чуть сбоку от грузовика.

— Это что, «бдительные» были, да, Мак?

— Ага. Но на этот раз они перестарались маленько. Все для него сложилось неудачно. Гудок этот… Если бы наши парни могли лучше расслышать стрельбу, они, наверное, испугались и могли побежать. Но гудок был слишком громким. Все окончилось слишком быстро. Парни наши не успели испугаться. Нет, просчитались эти-то!

Они медленно, устало шли рядом с колонной.

— Мак, а кто они такие, эти «бдительные»? Что

за парни вступают туда?

— Ну, это отъявленные подонки, самый сброд в любом городе. Те же, что в войну жгли дома престарелых немцев. Те же, что негров линчуют. Им просто нравится проявлять жестокость, нравится причинять людям боль, а за красивым названием дело не станет, они всегда им прикроются, скажут, что действуют во имя патриотизма или защищают конституцию. Но на самом деле они ничем не отличаются от тех, что негров мучили. Хозяева используют их, науськивают на красных, внушают, что людей следует защитить от красной угрозы. Вот мы и видим, как они жгут дома, мучают и убивают людей, и им это сходит с рук. А они и рады — только это им и надо, трусы они последние, вот что, — стрелять из укрытия, набрасываться на человека вдесятером — только это они и умеют. На мой взгляд, таких подонков, как они, мир еще не видел. — Мак взглянул на тело Джоя в грузовике и продолжал: — В войну в моем городке жил один немец, толстенький такой портной. Так вот эти патриоты, сволочь эта, шайкой из пятидесяти человек подожгли его дом, а его самого избили так, что живого места на теле не было. Храбрецы, что и говорить, «бдительные» эти. А не так давно они пулями трассирующими в

канистру керосиновую стрелять стали, чтоб банк спалить. Спичкой поджечь им духу не хватило.

Колонна шла теперь за городом, поднимая пыль по дороге. Мужчины словно медленно стряхивали с себя сон. Они стали переговариваться, негромко, вполголоса.

— Бедный Джой, — сказал Джим, — хороший он был парень, этот коротышка. Столько побоев претерпел… Он мне отца напоминал, такой вспыльчивый…

— Не надо его жалеть, — упрекнул Джима Мак. — Если бы он знал, что сделал, он был бы горд как петух. Всю жизнь Джой хотел повести за собой людей. И вот сейчас мечта его сбудется: он поведет людей, хоть и из гроба.

— Как теперь будет со скэбами, Мак? Ведь целая группа скэбов доставлена на нашу голову.

— Конечно, доставлена. Но многие из них струсили. Как и кое-кто из наших струсил. В результате мы имеем примерно столько же людей, сколько в самом начале. Видел, как они под вагоны лезли и убегали? А теперь посмотри на этих парней. Они просыпаются! Их словно горючим поднакачали. Такие парни представляют опасность.

— И копам это было известно, — сказал Джим.

— Известно, черт их дери! Когда толпа движется бесшумно, значит, дело принимает серьезный оборот и копам лучше не мешать, а уступить дорогу.

Они подошли к усадьбе Андерсона.

— Что будем теперь делать, Мак?

— Ну, похороны устроим и начнем пикетировать. Сейчас все придет в норму. Скэбов грузовиками навезут.

— Ты все еще надеешься на успех, Мак?

— Не знаю. У них в долине все схвачено. Не подкопаешься, черт их дери. Не так трудно сорганизоваться, когда в руках у нескольких людей всё — и земля, и суд, и банки. Они могут прекратить кредитование, в два счета отправить под арест кого угодно, взятками подкупать направо и налево.

Грузовичок Дейкина миновал ряд машин и, завернув, встал на место. Лагерная охрана, дружно снявшись с постов, потянулась к прибывшим, стала группами собираться вокруг них. Люди вновь и вновь слушали историю о том, как все было. Доктор Бертон поспешил к грузовичку Дейкина. Лондон тяжело поднялся к нему навстречу. На обтянувшей широкую грудь Лондона синей рубахе виднелись полосы крови из ран Джоя.

Едва взглянув на Джоя, Бертон спросил:

— Убили, да?

— Да, настигли-таки.

Бертон сказал:

— Отнесите его ко мне в палатку. Я осмотрю тело.

Откуда-то из-за палаток донесся хриплый захлебывающийся вопль. Похолодев, все обернулись на этот звук.

— О, это там свинью режут, — пояснил Бертон. — На одной из машин свинью живую привезли. Отнесите ко мне тело.

Лондон, устало наклонившись, вновь поднял на руки тело Джоя. Толпа последовала за ним и сгрудилась вокруг большой армейской палатки. Мак и Джим прошли внутрь. Они молча глядели, как доктор, расстегнув заскорузлую от крови рубаху Джоя, обнаружил рану на груди.

— Вот она. Это его и убило.

— Узнаёшь, док?

Бертон вгляделся в изуродованное лицо.

— Вроде видел его раньше.

— Уж конечно. Это Джой. Сколько раз, черт возьми, ты его латал. Каждую косточку небось ему на место ставил.

— Ну, на этот раз ничего не поделаешь. Малень-

кий был, а крепкий. Вам придется в город его отправить. Как полагается, коронеру.

— Если отправим, они его похоронят, спрячут, — возразил Лондон.

— Можно послать парней, проследить, чтобы вернули тело, — сказал Мак. — Пусть пикетируют морг до тех пор, пока не получат тело обратно. Эти чертовы «бдительные» просчитались и сейчас осознали это.

В палатку, приподняв полотнище входа, вошел Дейкин.

— Свинину жарят, — сообщил он. — Быстренько они со свиньей управились.

— Дейкин, можешь сделать так, чтоб парни соорудили нечто вроде помоста? — спросил Мак. — Нам нужно место, куда гроб поставить. Ну и речи произносить, как с трибуны.

— Хотите шоу устроить, да?

— В самую точку, Дейкин. Но понимаешь ты все неправильно. Какое оружие у нас имеется? Камни и палки. Даже у индейцев, и у тех были луки и стрелы! А попробуй мы одно какое-нибудь ружьишко раздобыть для обороны, они тут же войска высылают, как же! Революция на пороге! Нам чертовски не хватает оружия, средств для борьбы. И приходится использовать все,

что только можно. Этот коротышка был моим товарищем. Можешь поверить, он хотел быть полезным всеми способами, какие только есть. Вот мы и должны им воспользоваться. — Мак помолчал. — Неужели непонятно, Дейкин? Устроив показательные похороны, мы перетянем на нашу сторону чертову уйму народа! Мы должны завоевать общественное мнение!

Лондон медленно кивнул:

— Парень прав, Дейкин.

— Ладно. Если и ты этого хочешь, Лондон. Наверно, кто-то должен будет сказать речь, но я этого делать не буду.

— Ну а я скажу, если надо будет! — выкрикнул Лондон. — Я видел, как этот коротышка за нас выступил! Видел, как подстрелили его! Я скажу речь, если ты отказываешься!

— Похоже, первая ласточка, — пробормотал Бертон.

— Что?

— Ничего. Болтаю просто. Лучше заберите тело и передайте его коронеру.

— Я ребят из моей охраны пошлю, чтоб проследили, — сказал Лондон.

— Мак! — послышался снаружи голос Джима. — Выйди! Андерсон хочет тебя видеть.

Мак поспешил наружу. Рядом с Джимом стоял Андерсон. Он казался усталым и постаревшим.

— Мерзкую штуку вы вытворили! — яростно начал он.

— Что случилось, мистер Андерсон?

— Вы обещали нас защитить, да?

— Конечно. Обещали. Наши ребята не заботятся о вас? В чем дело?

— Скажу в чем. Вчера вечером шайка бандитов сожгла фургон Эла. Они напали на Эла, сломали ему руку и шесть ребер. И дотла сожгли закусочную.

— Господи… — пробормотал Мак. — Не думал, что они отважатся на такое!

— Вы не думали, а они отважились!

— Где сейчас Эл, мистер Андерсон?

— У меня дома. Мне пришлось его к себе из лечебницы забрать.

— Я приведу доктора. Мы пойдем и посмотрим, что с Элом.

— Тысяча восемьсот долларов! — выкрикнул старик. — Часть он сам скопил, часть я ему одолжил, а тут вы явились! И нет теперь у него ни цента.

— Мне очень-очень жаль, — сказал Мак.

— Конечно, жаль. Только жалостью вашей

закусочную Эла не вернешь. И руку ему, и ребра тоже не починишь! А меня как вы защитите? Теперь они и мой дом сожгут тоже!

— Мы поставим караульных возле вашего дома.

— Какие, к черту, караульные! Какой прок от этой толпы бродяг! Локти кусаю, что вас на свою землю пустил! Вы разорили меня. — Его голос поднялся до визга. Глаза старика наполнились слезами. — Мерзкую штуку вы вытворили, вот что! Поплатился я за то, что с вами, радикалы чертовы, связался! Впредь мне наука!

Мак попытался его успокоить.

— Давайте пройдем к Элу, — предложил он. — Эл — отличный парень. Я хочу его повидать.

— Да он совсем убит, в ужасном состоянии. Они ногами его по голове били.

Мак аккуратно отвел старика в сторонку, потому что на пронзительные крики стали собираться люди.

— За что вы нас-то вините? — спросил он. — Не мы же это сделали. Это все ваши милые соседи!

— Да, только ничего бы не случилось, не свяжись он с вами.

Слова эти разозлили Мака, и он сердито сказал:

— Послушайте, мистер, мы понимаем, что вам здорово досталось, вы получили очередную зуботычину. Простые люди, как вы и я, постоянно их получают. Вот мы и хотим сделать так, чтоб такие люди, как вы, их вовсе не получали.

— Этот фургон тысячу восемьсот долларов стоил. А теперь я по городу иду, а мальчишки в меня, господи боже, камнями швыряют! Разорили меня, вот что вы наделали!

— А что об этом всем Эл думает? — спросил Мак.

— Да, по-моему, он и сам отъявленный красный. И злится на тех, кто это сделал.

— У Эла есть голова на плечах, — заметил Мак. — Он смотрит в корень и видит проблему всесторонне. Но вы, так или иначе, не должны становиться козлом отпущения. Если вас захотят обидеть, знайте, что вы можете рассчитывать на защиту. Эти люди крепко запомнили, что вы для них делаете. Сегодня же вечером мы поставим караульных вокруг вашего дома. И доктор очень скоро к вам подойдет и осмотрит Эла.

Старик устало повернулся и побрел прочь.

Над лагерем низко висело облако дыма, поднимавшегося от заржавленных печек. Люди потянулись туда, откуда шел запах жареной

свинины. Мак глядел вслед удалявшейся фигуре Андерсона.

— Ну как тебе быть в партии, Джим? Одно дело читать об этом в книжках — романтика, да и только, весь этот дамский писк насчет «класса капиталистов» и «угнетенных трудящихся». А на самом деле это тяжелая ноша, Джим. Вот тебе этот бедняга, для которого фургон-закусочная важнее всего на свете, и потеря его заслонила весь мир. Я чувствую свою ответственность за это его горе. Черт! — И Мак продолжил: — Я думал, когда привез тебя сюда, что это станет тебе наукой, придаст уверенности, что здесь обучу тебя, а вместо этого я трачу время на бесплодные жалобы и хныканье! Я надеялся укрепить в тебе веру, а получилось… Черт! Ну и трудная же задача постоянно иметь перед глазами только одно — высокую цель. Какого дьявола ты молчишь? Скажи же что-нибудь!

— Ты не даешь мне такой возможности.

— Правда твоя: не даю. Вот теперь скажи. У меня все бедный Джой из головы не идет и как застрелили его. Ума в нем было не так уж много, зато и страха совсем не было.

— Хороший он был парень, коротышка этот, — сказал Джим.

— Помнишь, как он говорил? Никто не заставит меня перестать называть этих сукиных детей сукиными детьми! Желал бы и я никогда не терять такой ясности чувств.

— Кусок жареной свинины тут может быть в помощь.

— Ей-богу, ты прав! С утра я, считай, крошки во рту не держал. Пойдем, подкрепимся!

На дороге показался, медленно приблизился и встал возле ряда машин длинный автофургон. Из кабины выпрыгнул и направился к лагерю суетливый небольшого роста мужчина.

— Кто здесь главный? — строго спросил он Мака.

— Дейкин. Он вон в той большой палатке.

— Прекрасно. Я коронер. Я за телом приехал.

— А где же ваш телохранитель? — спросил Мак.

— Какой еще телохранитель? Я коронер! — отчетливо бросил мужчина. — Где труп?

— В большой палатке. Готовенький. Вас ждет.

— Так бы сразу и сказал!

И он удалился, пыша гордостью, как паровоз.

Мак вздохнул.

— Счастье еще, что таких, как он, среди наших противников не так уж много. Этот малыш не из

робкого десятка. Приехал один. Он тоже вроде Джоя.

И они направились к печкам. По пути им встретились двое, несшие тело Джоя. За ними суетливо поспевал коронер.

Люди отходили от кухни, неся в руках жирные куски жареной свинины. Они вытирали губы рукавом. На печках шипели куски мяса.

— Господи, что за чудный аромат! — воскликнул Мак. — Давай-ка себе свининки возьмем. Я голоден как волк.

Повара выдали им неровно нарезанные, плохо прожаренные куски, и они отошли, на ходу вгрызаясь в нежное мясо.

— Ешь только снаружи, — предупредил Мак. — Док не разрешает есть сырую свинину. Будут есть — заболеют.

— Люди оголодали, ждать не могут, — возразил Джим.

Глава 10

Людей охватила апатия. Они сидели, уставившись в одну точку, глядя прямо перед собой. Казалось, у них нет сил даже на разговоры, и женщины, находившиеся среди них, тоже выглядели хмурыми, недовольными, понурыми. В них чувствовались безразличие и усталость. Они задумчиво жевали мясо, а покончив с едой, вытирали руки об одежду. Все вокруг дышало апатией и недовольством.

Мак, проходя с Джимом по лагерю, чем дальше, тем больше чувствовал раздражение и досаду.

— Их надо занять делом, — сетовал он. — Все равно каким. Нельзя позволять им сидеть вот так. Мы утратили контроль над ситуацией. Господи, да что с ними происходит? Человека убили утром, это должно было их всколыхнуть, взбудоражить, и надолго. А сейчас только-только полдень минул, а они уже все выдохлись. Надо дать им что-то делать. Погляди только в эти глаза, Джим.

— Они никуда не смотрят. Просто уставились в пространство.

— Да, люди заняты мыслями о себе. Каждый

вспоминает собственные обиды и сколько сумел заработать в войну. В точности как Андерсон! Каждый сам по себе.

— Так давай делать что-нибудь. Надо заставить их шевелиться, подтолкнуть к действию. Что бы такое придумать?

— Не знаю. Честное слово, впору заставить их траншею рыть. Пусть бы они толкали совместно что-нибудь, или поднимали, или шли куда-нибудь в одном направлении — что, куда, не имеет значения, черт возьми! Если мы не расшевелим их, они начнут драться друг с другом. Злобиться начнут, и очень скоро.

Лондон, проходя мимо, поймал последние слова.

— Кто начнет злобиться?

Мак обернулся:

— Привет, Лондон. Это мы про наших парней говорим. Совсем они обмякли.

— Знаю. Слишком долго я среди сезонников, чтоб не заметить.

— Я говорил, что, если не занять их работой, они между собой драться начнут.

— Уже начали. У тех, кого мы утром в лагере оставили, конфликт вышел. Один из парней вздумал приставать к женщине другого. Ну а первый

его ножницами пырнул. Док ему рану перевязал. Не то мог бы кровью истечь, я так думаю.

— Видишь, Джим? Говорил я тебе! Послушай, Лондон. Дейкин злится на меня. И что бы я ни сказал, мимо ушей пропускает, а вот тебя бы он послушал. Надо расшевелить парней, пока большой беды не случилось. Пусть маршируют, ходят на кругу, пусть яму копают, а потом засыпают обратно землей. Что именно делать — не важно.

— Понимаю. Как насчет пикетов?

— Шикарная идея, только, по-моему, нигде работа пока не началась.

— Какая разница, если можно заставить парней задницы свои поднять!

— Ты голова, Лондон. Постарайся так, чтобы Дейкин организовал группы, человек по пятьдесят, и разослал их в разные стороны. Пусть патрулируют дороги, и, если заметят, что где-то яблоки собирают, пускай вмешаются и воспрепятствуют этому.

— Хорошо. Я, конечно, постараюсь.

И Лондон направился к палатке Дейкина.

— Мак, — начал Джим, — ты сказал, что я мог бы присоединиться к пикетчикам.

— А вот я бы предпочел, чтобы ты оставался со мной рядом.

— Но мне так хочется туда, Мак.

— Ладно. Пойдешь с какой-нибудь из групп. Но держись поближе к остальным, Джим. Нас ведь взяли на заметку, и ты это знаешь. Не дай им схватить тебя.

Они увидели выходящих из палатки Дейкина и Лондона. Лондон что-то горячо говорил. Мак сказал:

— Знаешь, по-моему, мы сделали ошибку, когда привлекли Дейкина. Уж слишком он печется о своем грузовике, палатке своей, своих детишках. Осторожничает слишком. Вот Лондон, тот был бы в самый раз. Ему-то терять нечего. Интересно, нельзя ли подтолкнуть парней к тому, чтоб они вышибли Дейкина с его поста, а на его место поставили Лондона? У Дейкина имущества очень уж много. Видал его складную печку? Он и не ест вместе с остальными. Возможно, нам следует начинать действовать — попробовать заменить его Лондоном. Мне Дейкин нравился своим хладнокровием, но уж слишком он хладнокровен. Нам требуется кто-то, способный немножко взбодрить людей.

Джим сказал:

— Идем. Дейкин там пикетчиков набирает.

Джим присоединился к группе из пятидесяти

человек, и они двинулись по дороге, постепенно удаляясь от города. Едва начав движение, люди почти сразу же стряхнули с себя апатию. Беспорядочной толпой они бодро шли вперед.

Худощавый Сэм, поставленный во главе отряда, на ходу отдавал распоряжения.

— Наберите камней побольше, — говорил он. — Набейте карманы хорошими увесистыми камнями. И не забывайте поглядывать, нет ли какого движения между рядами.

Какую-то часть пути они прошли, наблюдая полное безлюдье в окрестных садах. Пикетчики затянули песню.

– Рождество пришло на Остров,

Веселится арестант… —

нестройно пели они.

От шарканья множества ног поднималась пыль, и, когда они ступили на перекресток, серое облако последовало за ними.

— Совсем как во Франции, — сказал кто-то. — Там тоже все время грязными шагали. Ну в точности Франция!

— Не был ты ни в какой Франции!

— Был! Пять месяцев во Франции прослужил.

— А шагаешь не по-солдатски!

— Не желаю я шагать по-солдатски! Мне хватило! Шрапнелью меня ранило! Свое получил!

— Куда скэбы-то подевались?

— Похоже, мы их остановили. В садах никого не видать. Забастовка к концу подошла.

— Ну, конечно! Победа у нас в руках! — съязвил Сэм. — Посидели, погрели задницы, и готово — вот она победа. Не будь идиотом!

— Да разве мы утром не заставили копов в штаны наложить? Где они теперь? Видишь ты вокруг хоть одного?

— Еще увидишь, дружок, целую свору, не сомневайся. Они еще себя покажут, прежде чем сумеешь выбраться отсюда. Ну а ты как все сезонники. Вначале петушишься, кум королю, да и только, через минуту хныкать начинаешь, а там гляди — ты уже и смылся!

Ответом ему был дружный ропот возмущения.

— Вот как ты думаешь о нас, умница! Тогда что мы должны делать, по-твоему?

— Права не имеешь так говорить! Сам-то ты что сделал, чем отличился?

Сэм сплюнул на землю.

— Скажу, чем отличился. Я был во Фриско в

Кровавый четверг[9]. Одним из тех был, кто влез в плотницкую мастерскую, которая дубинки для копов делала. Мы сперли оттуда дубинки. Одну я до сих пор храню. Как сувенир то есть.

— Вранье собачье! Ты не портовый грузчик, а паршивый бродяга-сезонник, сбором фруктов себе на кусок хлеба зарабатываешь.

— Верно. Я бродяга-сезонник. А знаешь почему? Да потому что в черных списках я, и пароходным компаниям по всей стране чертовой это известно! — Сэм произнес это с гордостью, и толпа примолкла, а он продолжал: — Да я в таких переделках бывал, какие вам, лежебоки, лентяи никчемушные, даже не снились. — Презрение, с каким это было сказано, обезоружило толпу. — Так что знайте свое дело — глядите в оба по сторонам и кончайте чушь пороть!

Они прошли еще немного.

— Глянь-ка — ящики!

— Где?

— Да вон там — подальше, в том ряду.

Джим взглянул, куда указывали.

---

[9] Примечания: 9

Кровавый четверг — 5 июля 1934 года, памятный день, когда полицией Сан-Франциско были убиты два пикетчика и ранены еще около семидесяти человек в попытке подавить забастовку портовых грузчиков, организованную Международной ассоциацией докеров.

— Да там люди! — воскликнул он.

— Давай, докер! — подначил кто-то. — Посмотрим, на что ты способен!

Сэм стоял неподвижно.

— Приказам будете подчиняться? — строго спросил он.

— Ясно, будем. Если приказы толковые будут.

— Ладно. Тогда сохраняйте спокойствие. Поначалу — без спешки, скопом не кидаться, а затем уж, если что, задать им жару. Давай! И не рассыпáться.

Они свернули с дороги, перебрались через глубокую канаву и углубились в проход между высокими деревьями. Едва они приблизились к горе ящиков, как с деревьев посыпались и сбились в кучку люди. Скэбы явно нервничали.

Возле ящиков стоял учетчик. Завидев приближающихся пикетчиков, он выхватил из ящика двустволку и сделал несколько шагов в направлении незваных гостей.

— Поработать желаете, да?

В ответ раздались насмешливые крики. Кто-то сунул пальцы в рот и пронзительно свистнул.

— Убирайтесь отсюда, — заявил учетчик. — Вы не имеете ни малейшего права находиться на этой земле.

Забастовщики продолжали медленно надвигаться на него. Учетчик попятился и отступил к груде ящиков, возле которых беспокойно переминались испуганные сборщики.

— Ладно, парни, стоп. Остановитесь, — через плечо бросил Сэм, а сам выступил вперед на несколько шагов. — Послушайте, рабочие! — сказал он. — Давайте к нам, ребята! Не втыкайте нам нож в спину. Переходите на нашу сторону, и будем заодно!

— Убери своих людей отсюда! — возвысил голос учетчик. — Целой оравой нагрянули!

Опять послышались насмешливые крики и пронзительный свист. Сэм сердито обернулся:

— Заткнитесь, вы, идиоты полоумные! Кончай эту музыку!

Казалось, сборщики готовы отступить — они озирались в поисках укрытия. Учетчик решил их подбодрить.

— Не давайте им вас запугать, парни! Вы имеете право работать, если желаете!

Сэм опять обратился к рабочим:

— Слушайте, парни, мы даем вам шанс выступить с нами!

— Нечего ему тут распоряжаться! — завопил учетчик. Голос его срывался на визг. — Кто он

такой, чтобы указывать вам, что делать?

Сборщики стояли не двигаясь.

— Ну что, идете? — вскричал Сэм.

Сборщики не отвечали. Сэм медленно двинулся к ним.

Учетчик шагнул вперед.

— Мое ружье крупной дробью заряжено. Не уберетесь — застрелю!

Не останавливаясь, Сэм спокойно сказал:

— Никого ты не застрелишь, парень. А если тронешь кого-нибудь из нас, остальные разорвут тебя на части.

Говорил он тихо, бесстрастно. Его команда двигалась следом, в десяти шагах от него. Ружейное дуло неуверенно ткнулось ему в грудь.

— Мы же только поговорить хотим, — сказал он и, резко нагнувшись и как бы нырнув, подобно блокирующему противника футболисту, сбил учетчика с ног. Ружье разрядилось в землю, вырыв в ней ямку. Сэм навалился на учетчика сверху, заклинив коленями его ногу, и тут же вскочил, предоставив противнику хрипло орать и корчиться на земле. В первую секунду обе стороны — и сборщики, и забастовщики — стояли неподвижно. Но сборщики слишком поздно осознали необходимость бежать. Забастовщики

накинулись на них всем скопом, изрыгая проклятия. Несколько секунд сборщики пытались сопротивляться, но потерпели поражение.

Стоя немного в стороне, Джим увидел, как один скэб, работая локтями, выбрался из толпы и пустился наутек. Он поднял тяжелый ком земли и, запустив его в спину убегавшего, попал ему ниже поясницы. Ударом он сбил его с ног. Несколько человек моментально окружили упавшего и стали бить его ногами, пинать, топтать; с земли доносились вопли скэба.

Джим бросил невозмутимый взгляд на учетчика. Лицо у того было совершенно белым и мокрым от пота и боли. Сэм вырвался из толпы и набросился на пинающих жертву людей.

— Прекратите! Черт вас дери! Прекратите! — орал он, а они все работали ногами, рыча в приступе ярости. На губах у них выступила пена. Сэм выхватил из груды ящиков один и грохнул им над чьей-то головой.

— Не убивать их! — вопил он. — Не убивать!

Ярость истощилась так же быстро, как возникла. Люди отступили от своих жертв. Они тяжело дышали. Джим бесстрастно глядел на десяток поверженных, стонущих на земле людей с разбитыми распухшими лицами. У одного была

оторвана губа, из десны и зубов сочилась кровь; другой вопил как ребенок, исходя криком, а его отведенная назад сломанная в локте рука была неестественно изогнута. Теперь, когда вспышка ярости утихла, забастовщикам стало не по себе, тошно, словно железы ненависти отравили своим ядом и их самих. Они ощущали слабость, кто-то, схватившись за голову, качался из стороны в сторону, как от нестерпимой боли.

Внезапно один из парней завертелся волчком, выписывая круги, хрипло стеная. Издали послышался треск ружейных выстрелов. К ним спешили пятеро людей. На бегу они то и дело останавливались, чтобы выстрелить. Толпа забастовщиков бросилась врассыпную. Люди укрывались за деревьями, прячась от линии огня.

Джим бежал вместе со всеми. Мысленно он кричал: «Сдрейфили! Не устояли против выстрелов!» Слезы слепили его. Он почувствовал сильный удар в плечо, споткнулся, но удержался на ногах. Пикетчики добежали до дороги и припустили по ней, то и дело оглядываясь.

Сэм бежал сзади, рядом с Джимом.

— Всё! — крикнул он.

Они остановились. Но некоторые, охваченные

слепой паникой, продолжали бежать и вскоре скрылись за поворотом. Сэм перехватывал остальных.

— Успокойтесь! — кричал он. — Успокойтесь! Никто за вами не гонится!

Люди остановились и беспомощно встали у обочины.

— Скольких подстрелили? — требовательно спросил Сэм.

Люди переглядывались.

— Я только одного раненого видел, — ответил Джим.

— Хорошо. Может, поправится еще. В грудь его ранили. — Он внимательнее взглянул на Джима. — Что с тобой, малыш? У тебя кровь.

— Где?

— По спине течет.

— Наверно, на сук напоролся!

— Черта с два — сук!

Сэм спустил с плеча Джима рукав его синей куртки.

— Видать, из крупнокалиберного в тебя садануло. Рукой-то двигать можешь?

— Конечно. Только онемела она как-то.

— Ну, кость, думаю, не задета. Плечевые мускулы только. Куртка твоя оказалась прочная, что

тебе броня. Даже и крови-то немного. Поторопимся, парни, надо возвращаться поскорее. Копов скоро сюда стянут, кишеть будут, как черви в банке.

Они торопливо шли по дороге.

— Если ослабел, я подсоблю, дружок, — предложил Сэм.

— Нет, я в порядке. А вот мы-то оказались слабаками.

— Храбрецы мы, когда впятером на одного, — с горечью сказал Сэм. — Скэбов отколошматить — это мы горазды.

— Может, мы кого из них убили? — спросил Джим.

— Не думаю. Вот покалечили кой-кого — это точно.

— Господи, какой же это был ужас, — произнес Джим. — Видели того парня, которому губу оторвали?

— Да пришьют ему губу, черт возьми! Нам пришлось это сделать, дружок. Пришлось. Не хочешь быть с нами — получай. Ничего не оставалось, как припугнуть.

— О, это я понимаю, — сказал Джим. — И не о них вовсе пекусь.

Далеко впереди завыла сирена. Сэм крикнул:

— Прыгайте в канаву, братцы. И лежите там тихонько. Копы едут!

Он проследил, чтобы все улеглись плашмя в придорожной канаве. Мотоциклы с ревом проехали мимо, в сторону перекрестка, за ними, дребезжа, проследовала и «скорая». Люди не поднимали голов, пока машины не скрылись из глаз.

Сэм вскочил.

— Теперь поднимайтесь! Время поджимает!

Они рысцой двинулись дальше. Солнце стало клониться к закату, и дорогу накрыла вечерняя сизая тень. По небу, как корабль, плыла тяжелая туча. Она наползала на солнце, и темный край ее, чем дальше, тем больше окрашивался красным. При виде возвращающейся «скорой» люди опять попрыгали в канаву. Мотоциклы на этот раз проехали медленно, полицейские на них вглядывались в ряды яблонь, но осмотреть канаву не догадались.

С наступлением вечера пикетчики вернулись в лагерь. У Джима на ходу подгибались ноги, плечо нестерпимо саднило и жгло — потерявшие чувствительность от сильного шока нервы постепенно оживали. Люди разбрелись по лагерю.

Мак направился к Джиму и, увидев совершенно

белое лицо товарища, ускорил шаг.

— Что с тобой, Джим? Ты ранен?

— Пустяки. Не сильно. Сэм говорит, меня ранили в плечо. Мне раны не видно, а болит не так чтобы слишком.

Лицо у Мака вспыхнуло.

— Знал ведь я, ей-богу, что не следовало тебя отпускать!

— Почему это? Что я, педик, что ли?

— Не педик, но если за тобой не приглядывать, они тебя поимеют! Идем, пусть док тебя осмотрит. Он был здесь минуту назад. Вон как раз и он! Привет, док! — Они повели Джима к белой палатке. — Только что ее доставили. Док хочет ее в лазарет превратить, — сказал Мак.

По-осеннему быстро спускалась ночь, и тьма наступала еще быстрее из-за черной тучи, накрывшей всю западную сторону небосклона. Мак держал фонарь, а Бертон, закатав Джиму рубашку, обнажил плечо и тщательно промыл рану горячей чистой водой.

— Повезло тебе, парень, — сказал он. — Засади они в тебя пулю, она бы тебе плечо раздробила. А так только мышцу прошило. Маленькой дыркой ты отделался. Неметь рука будет некоторое время. Рана сквозная. — Ловкие руки доктора почисти-

ли рану, прозондировали, наложили повязку, забинтовали. — Все будет в порядке, — заверил он. — Потерпи пару деньков. Я к Элу Андерсону наведаться хочу. Ты со мной, Мак?

— Конечно. С тобой. А сейчас я хочу Джима кофейком напоить. — Из безобразного закопченного кофейника он налил в жестянку кофе и сунул жестянку в руки Джиму. — Вот. Сядь здесь. — Подтолкнув к нему ящик, он усадил Джима, а сам опустился перед ним на корточки. — Что случилось, Джим?

— Очень уж мы круто с некоторыми скэбами обошлись. Наши парни просто озверели. Ногами по голове били.

— Понимаю, Джим, — мягко сказал Мак. — Это ужасно, но это единственное, что нам остается делать, если они не желают быть с нами заодно. Приходится так поступать. Радость небольшая — овцу забивать, но котлетку-то баранью хочется! А что там было?

— Пять человек набежало, стрелять начали, и наши со всех ног, точно зайцы, припустили. Не сдюжили, не выстояли!

— Так с чего бы им выстоять, с голыми руками, безоружным?

— Когда меня ранило, я даже не заметил. Наш

парень один упал, и я не знаю, убили его или как…

— Повеселились, в общем! Вот другие отряды скэбов к нам переманили, тридцать человек привели. У них все гладко сошло: только бросили им клич, те сразу же на нашу сторону перешли. — Он потянулся вверх, легонько коснувшись ноги Джима. — Как плечо-то твое?

— Побаливает. Не сильно.

— Да, Джим, слушай. Похоже, у нас новый командир будет.

— Вышибли Дейкина, ты хочешь сказать?

— Нет. Но он отпал, и окончательно. Дик послал весточку, что у него груз одеял имеется. Дейкин взял с собой шестерых и отправился на своем чистеньком грузовичке. Одному из шестерых удалось благополучно смыться оттуда, вернуться и рассказать, как было дело. Они загрузились, отправились назад, а уже на выезде из города гвоздями им шину пропороло. Когда остановились шину сменить, на них набросилась целая дюжина ребят с ружьями. Шестеро из них держали наших, а другие в это время крушили грузовик Дейкина — рубили в хлам картер двигателя, подожгли машину. Дейкина они держали на прицеле. Он стоял сначала бледный как мел,

потом побагровел. Завыл, как койот, и на них кинулся. Они в ногу ему выстрелили, но и это его не остановило. Когда уже бежать не смог, он ползком за ними кинулся, на губах у него пена выступила, как у пса бешеного, он и взбесился, форменный сумасшедший. Наверно, грузовичок этот был ему дороже всего на свете, я так думаю. Парень, что вернулся, говорил, что картина была просто жуткая — как он полз за ними, как укусить норовил. Он рычал, точно бешеный пес. Ну, потом дорожная полиция мимо проезжала, и «бдительные» улепетнули. Копы подобрали Дейкина и задержали. Парень, который до нас добрался и все рассказал, с эвкалипта высокого видел, как все происходило. Дейкин зубами в руку вцепился, и им пришлось ему отвертку в рот совать, чтоб Дейкин зубы разжал и отпустил руку. И это про него я говорил, что он никогда не теряет хладнокровия! Сейчас он в кутузке. Полагаю, ребята его Лондоном заменят.

— Да и мне он тоже казался человеком хладнокровным, — заметил Джим. — Хорошо, что я к его грузовику пальцем не притронулся.

Мак сгреб в кучку землю с пола и пришлепнул ее рукой.

— Беспокоюсь я малость, Джим. Дик сегодня

продуктов не прислал, и не слыхать от него ничего после этих одеял. Что от бобов оставалось, с ребрами свиными сварили. Но на этом все. Если не считать овсяных хлопьев, на завтра больше ничего нет.

— Думаешь, они схватили Дика?

Мак пошлепал еще по свой кучке, сильнее разровняв верхушку.

— Дик хитрый, как ласка. Вряд ли они сумеют его поймать. Не знаю, что там случилось. Но без него мы никуда. Как только парни проголодаются, боюсь, наступит конец.

— Возможно, ему не удалось ничего собрать. Но свинью-то утром он прислал.

— Конечно. Но свинья уже почила в бобах. Дик знает, сколько надо, чтоб прокормить всю ораву. К этому времени он должен был бы собрать пожертвования.

— Ну а как настроение у ребят? — поинтересовался Джим.

— О, теперь лучше. В них сегодня днем как будто жизнь впрыснули. Я понимаю, что это пройдет. Но завтра предстоят похороны. Это должно их расшевелить. — Он выглянул из палатки. — Господи, посмотри какая туча!

Джим тоже выглянул и, задрав голову, уста-

вился в небо. Там все затянула густая, почти черная пелена. Дул шквалистый ветер, поднимавший пыль вокруг, вихрем вздымавший дым от костров, рвущий стенки палаток, качавший окрестные яблони.

— Туча-то, кажется, грозовая, — заметил Мак. — Господи, только бы дождя не было. Не то затопит нас, как крыс на корабле.

— Уж слишком ты беспокоишься, Мак, о том, что будет, чего не будет, — сказал Джим. — Парни наши жить под открытым небом и к непогоде привычные. Не размокнут, поди, от дождичка. А ты все время обмираешь от страха.

Мак опять опустился на пол.

— Наверно, ты прав, Джим. Очень я боюсь, что забастовка наша провалится, вот и чудится всякое, чего, может, и нет. Сколько я видел забастовок, которые пшиком оканчивались…

— Угу. Но что с того, если и пшиком! Всякая забастовка усиливает брожение, раскачивает людей! Ты сам так говорил!

— Конечно. Помню. И, думаю, все так и будет, если забастовку подавят прямо сейчас. Когда у людей еще свежи в памяти и убийство Джоя, и грузовик Дейкина.

— Ты мнителен, как старая баба, Мак.

— Ну, знаешь, это моя забастовка. Я хочу сказать, что прикипел к ней сердцем. И не хочу наблюдать, как пламя постепенно тухнет.

— Этого не случится, Мак.

— Да? Ты так хорошо в этом разбираешься?

— Я много размышлял над этим утром. Ты книги-то по истории читал когда-нибудь, Мак?

— Читал немного. В школе.

— Помнишь, каким образом греки победили в сражении при Саламине?

— Может, и помню. Смутно.

— Корабли греков оказались запертыми в бухте. А грекам не терпелось вырваться любой ценой, даже признав поражение. Но путь к отступлению им преграждала целая прорва персидских кораблей. И тогда греческий военачальник, понимая, что его воины готовы даже разбежаться, дал знать предводителю персов, что им следует усилить блокаду и окончательно замкнуть кольцо. На следующее же утро греки, убедившись, что они надежно заперты и улизнуть не удастся, поняли, что уйти можно, только приняв бой. Что они и сделали. И они победили, наголову разбив персидский флот! — Джим замолчал.

Люди потянулись к печкам. Мак с силой хлопнул ладонью по куче земли.

— Понимаю, о чем ты толкуешь, Джим, — сказал он. — Сейчас нам так не сделать, но для будущего ты, ей-богу, подкинул мне неплохую идею! Знаешь, Джим, — раздумчиво продолжал он. — Я привез тебя сюда, чтобы обучать, а сейчас, похоже, мне впору начинать брать у тебя уроки.

— Вот еще, глупости, — запротестовал Джим.

— Ладно. Глупости. Пусть так. Интересно, откуда люди узнают, что еда готова? Какая-то передача мыслей на расстоянии, наверно. А может, это нюх какой-то особый, как у стервятников. Гляди, идут. Пойдем и мы, Джим. Давай перекусим.

Глава 11

Бобы плавали в свином жире. Мак и Джим принесли из палатки свои жестянки и встали в очередь, ожидая, пока их наполнят месивом. Затем они отошли в сторону, Джим вытащил из кармана деревянную лопаточку и попробовал бобы.

— Мак, — сказал он. — Я не могу это есть.

— Привык к чему-нибудь получше, да? Не можешь есть, а надо. — Он взял в рот бобы из своей жестянки и тут же вывалил еду на землю. — Не ешь это, Джим. Стошнит. Что за гадость — бобы и жир этот! Парни скандалить начнут.

Они глядели, как люди, усевшись подле палаток, пытаются съесть ужин. Туча накрыла теперь все небо и поглотила звезды.

Мак сказал:

— Кое-кто, думаю, так и поваров прибьет, пожалуй. Давай-ка сходим к Лондону.

— Я что-то не вижу палатки Дейкина, Мак.

— Ее нет. Миссис Дейкин сняла ее. В город уехала и палатку с собой прихватила. Чудной этот Дейкин. Даже при смерти будет о деньгах думать.

Лондона нам отыскать надо.

Они направились по проходу к холщовой палатке Лондона. Сквозь холстину просвечивал огонек.

Мак приподнял полотнище у входа. Лондон сидел на ящике с вскрытой банкой сардин в руках. На полу на тюфяке съежившись лежала темноволосая Лайза. Она нянчила младенца. При виде мужчин она прикрыла краем платка младенца и голую грудь и, бегло улыбнувшись вошедшим, вновь занялась ребенком.

— Как раз ужинать время, — сказал Мак.

Лондон выглядел смущенным.

— У меня тут осталось кое-что из еды…

— А месиво это скотское ты попробовал?

— Ну да.

— Вся надежда, что и у других кое-что осталось из еды. Необходимо раздобыть что-нибудь, иначе парни на нас накинутся.

— Похоже, провизию нам поставлять перестали, — сказал Лондон. — У меня еще одна банка сардин имеется. Хотите?

— Ты в самую точку попал! — вскричал Мак, жадно хватая банку и вертя ключ. — Давай свой ножик, Джим. Сейчас мы ее раскурочим!

— Как твоя рука? — осведомился Лондон.

— Как чужая.

Снаружи послышалось:

— Вот тут это. Где свет горит.

Холщовая складка приподнялась, и вошел Дик. Он был аккуратно причесан. Держал в руке серое кепи. Серый костюм был чист, хотя и не отглажен. Только по нечищеным, покрытым пылью башмакам можно было догадаться, что он добирался пешком и путь его был долгим. Остановившись у входа, он окинул всех взглядом.

— Привет, Мак! Здравствуй, Джим! И ты здравствуй, детка, как поживаешь?

Глаза у девушки блеснули. Щеки вспыхнули румянцем. Она кокетливо поправила платок на плечах.

Мак взмахнул рукой:

— Это Лондон, а это наш Дик.

Дик приподнял руку в полуприветствии.

— Как вы тут? — спросил он. — Послушай, мы этих молокососов в городе, кажется, неплохо проучили.

— Ты это о чем? И зачем вообще сюда заявился?

Из наружного кармана Дик вытащил газету и передал ее Маку. Мак развернул газету, а Лондон с Джимом, заглядывая через его плечо, силились

прочесть текст.

— Это утренняя, — пояснил Дик.

— Вот черт! — воскликнул Мак.

Крупный заголовок гласил: «Правление решило подкормить бастующих». «На заседании вчера вечером правление единогласно проголосовало за предоставление еды бастующим сборщикам яблок».

— Да уж, проучили, нечего сказать, — заметил Мак. — И кормить уже начали, Дик?

— Начали, черт возьми!

— Не вижу причины артачиться, — вмешался Лондон. — Хотят угостить нас яичницей с ветчиной? Мы не против. Я уж точно!

— Конечно, — издевательски протянул Мак. — Если и вправду хотят! Газета умолчала о другом заседании правления, которое состоялось вслед за первым.

— И в чем же тут подковырка? — возмутился Лондон. — Что не так?

— Слушай, Лондон, — сказал Мак. — Этот трюк хотя и старый, но действенный. К Дику толпой валят сочувствующие, тащат нам еду, одеяла, деньги. И вдруг объявляют это. Дик начинает очередной сбор пожертвований. А сочувствующие ему говорят: «Какого черта! Вас же теперь власти

штата кормят!» «Кормят они! Как же!» — говорит Дик. А на это ему: «Я в газете видел. Помощь вам теперь посылают, еду. Ты, видать, с помощи нашей себе кое-что отщипнуть вздумал»! Вот как это работает, Лондон. Видал ты сегодня еду, от властей штата присланную, а?

— Нет, ко…

— И Дик тоже ничего собрать не смог. Теперь-то ты понял. Они нас вздумали голодом морить. И, ей-богу, им это удастся, если нам никто не придет на помощь. — Он повернулся к Дику: — У тебя ведь отлично получалось.

— Конечно, — согласился Дик. — А то, что произошло, — это мелочь. Дайте мне малость времени, и я все налажу. Только мне нужна бумага от вашего главного здесь, в которой говорилось бы, что никакой еды вы в глаза не видели. И чтоб подпись председателя вашего была, ответственного за забастовку.

— Ладно, — кивнул Лондон.

— В Торгасе полно сочувствующих, — продолжал Дик. — Но после того как правление Союза садоводов так хорошо подсуетилось, сочувствующие попрятались, в щели заползли, как сверчки. Но никуда они не делись, и я до них доберусь.

— У тебя это отлично получалось до всей этой

заварухи, — сказал Мак.

— Конечно, получалось. Правда, вышла загвоздка со старой дамой одной. Уж так рвалась она нашему общему делу помощь оказать, что я даже испугался.

Мак засмеялся.

— Вот уж не думал, что ты из скромности можешь на шаг отойти от кормушки! А если она всерьез хотела всю себя отдать нашему общему делу?

Дика передернуло.

— Всю себя весило полтонны!

— Ладно. Подготовим тебе бумагу. И сматывайся отсюда поскорее. Надеюсь, тебя не засекли?

— Не знаю, — отвечал Дик. — Подозреваю, что могли засечь. Так что я Бобу Шварцу отписал с просьбой приехать. У меня такое чувство, что вскорости мне придется опять ноги в руки и уходить отсюда. Боб тогда меня заменит.

Порывшись в ящике, Лондон извлек оттуда клочок бумаги и карандаш. Мак взял их у него и написал требуемый документ.

— Красиво ты пишешь, — с восхищением произнес Лондон.

— Что? О, ну да, конечно. Хочешь я за тебя распишусь, Лондон?

— Ясно, хочу. Действуй.

— Господи, я и сам бы мог все это проделать, — сказал Дик, беря бумагу и аккуратно складывая ее. — Да, Мак, я слыхал разговор, что парня одного шлепнули.

— А ты и не знал? Это был Джой.

— Черт!

— Ну да. Он с группой скэбов прибыл и пытался их сагитировать, чтоб к нам переметнулись, когда в него пулю пустили.

— Бедняга!

— Он быстро концы отдал. Может, с минуту мучился, не больше.

Дик вздохнул.

— Джою на роду так было написано. Раньше или позже, но это бы случилось. Похороны готовите?

— Завтра.

— И все парни участие примут?

Мак покосился на Лондона.

— Конечно. Может быть, нам удастся вызвать этим общественное сочувствие.

— Ну, Джою бы это радость доставило. Он был бы на седьмом небе. Жаль, что не увидит. Ну, пока. Пора мне. — Дик повернулся, чтобы уйти. Лайза подняла на него глаза. — Пока, детка. Еще

пересечемся, может быть. — Щеки у девушки опять запылали. Губы чуть приоткрылись, и, когда борта палатки перестали уже колыхаться за ушедшим, она еще глядела ему вслед.

Мак сказал:

— Господи, как же у них здесь все схвачено. Дик работу знает как никто. Если уж он не может достать еды, стало быть, это просто невозможно.

— А с трибуной, чтоб речи говорить, что слышно? — спросил Джим.

Мак повернулся к Лондону:

— Ты обеспечил это, Лондон?

— Ребята поставят ее завтра утром. Удалось достать только штакетины старые. Так что помост будет совсем небольшой.

— Не важно, — сказал Мак, — каким он в длину будет. Лишь бы высокий, чтобы Джой каждому был хорошо виден.

На лице у Лондона промелькнула озабоченность.

— А что же я ребятам-то скажу? Ведь ты велел мне с речью выступить.

— Да у тебя достаточно накипело, — сказал Мак. — Скажешь им, что парень этот жизнь за них отдал. Что если он это сумел, то разве не смогут они сами за себя постоять?

— Не мастак я по части речей, — жалобно возразил Лондон.

— Да и не надо речей. Просто поговоришь с ребятами. Как часто делаешь. И это, уверяю, будет лучше любой речи.

— Если так, тогда ладно!

Мак повернулся к Лайзе:

— Как ребятенок твой?

Покраснев, она плотнее укутала плечи платком. На щеки легли тени от ресниц.

— Ведет себя очень даже неплохо. Спокойный. Не плачет совсем.

Борт палатки, резко дернувшись, впустил доктора. Быстрые, порывистые движения Бертона не соответствовали по-собачьи грустным его глазам.

— Я молодого Андерсона навестить иду, Мак, — сообщил он. — Хочешь со мной?

— Конечно, док. — И он обратился к Лондону: — Ты караул усадьбу охранять послал?

— Угу. Не хотели они идти поначалу, но я все же заставил, пошли.

— Хорошо. Идем, док. И ты давай с нами, Джим, если сдюжишь.

— Я нормально себя чувствую, — заявил Джим.

Бертон взглянул на него в упор:

— Тебе лежать надо.

— Я боюсь его одного оставлять, — ухмыльнулся Мак. — Его на минуту одного оставишь, и он незнамо что вытворит! Пока, Лондон, после увидимся.

Снаружи царила тьма. Черная туча теперь покрывала все небо, и звезд видно не было. Глухая, боязливая тишина опустилась на лагерь. Люди, сидевшие возле редких костров, разговаривали тихо. Теплый, сырой воздух был неподвижен. Док, Мак и Джим, тщательно выбирая путь, вышли из лагеря и окунулись в темноту.

— Боюсь, дождь польет, — сказал Мак. — Если ребята промокнут, та еще морока начнется для нас. Струсят сильнее, чем от ружейной пальбы. Палатки-то, поди, протекают.

— Конечно, протекают, — подтвердил Бертон.

Они добрались до сада и пошли вдоль первого ряда. Было так темно, что идти приходилось на ощупь, вытянув вперед руки.

— Как ты оцениваешь положение забастовщиков? — осведомился док.

— Положение не ахти. Хозяева здорово сорганизовались здесь, в этой долине. Прямо что тебе

Италия[10]. Каналы продовольственных поставок перекрыты. Если не достанем продуктов — мы погибли. А если еще и ливень хороший прибавится, этой же ночью парни покидать нас начнут. Сдрейфят они, док! Это точно! А вообще — забавная штука, док, — ты в наше дело не веришь, а сдашься, возможно, последним. Не пойму я тебя!

— Я и сам себя не понимаю, — мягко произнес док. — В дело я не верю, а в людей верю.

— Как это у тебя выходит?

— Не знаю как. Наверно, потому, что верю я в то, что это люди, а не животные. Может, окажись я даже в собачьем приюте, где собаки голодают и помирают от грязи и болезней, а я смогу им помочь, то стану помогать. Ведь не их же вина, что они такие. И не скажешь: «Такими их сделало отсутствие высокой цели и неумение позаботиться о себе. Собаки есть собаки, все они такие». Нет. Ты примешься мыть их, чистить клетки, кормить. Вот так и я, наверно, обладаю некоторым умением помогать людям и, когда вижу, что кто-то нуждается в помощи, эту помощь оказываю. Делаю свое дело, особенно не задумываясь и не рассуждая. Если живописцу попадается кусок

---

[10] Примечания: 10

Италия под властью диктатора Муссолини часто приводилась в пример как образец эффективности авторитарных способов управления.

холста и у него есть краски, у него возникнет желание писать на этом холсте. Он же не задается вопросом, почему у него возникло это желание.

— Ну да. Понимаю тебя. С одной стороны, это может показаться чем-то очень уже хладнокровным — держаться в сторонке, глядеть на людей немного сверху вниз и не сливаться с ними, а с другой стороны, док, это ведь чертовски здорово выглядит — порядочно, по-честному, чистая позиция!

— Ой, Мак, знаешь, у меня дезинфицирующий раствор кончается. Завоняет здесь все, если не достать еще карболки!

— Подумаю, как помочь тебе, — пообещал Мак.

Впереди, ярдах в ста от них, светился желтый огонек.

— Это, кажется, дом Андерсона, да? — спросил Джим.

— Похоже. Скоро нас должен остановить караульный.

Они зашагали на огонек, но их никто не окликнул. Они подошли к самым воротам — по-прежнему никого.

— Да где же, черт возьми, эти караульные, которых Лондон сюда прислал? — воскликнул Мак. — Войдем во двор, док, поищем. Интересно,

может, их вообще здесь нет!

Бертон, пройдя по дорожке к дому, вошел в освещенную кухню. Мак с Джимом направились к амбару, где и обнаружили стражников. Лежа на низкой копне сена, парни курили папиросы. Висевшая на вбитом в стену крюке керосиновая лампа освещала желтым светом ряд пустых закромов и большую груду упакованных в ящики яблок — подготовленный к отправке урожай Андерсона.

Мак вспыхнул яростью, но тут же взял себя в руки, и, когда заговорил, голос его звучал мягко и дружески:

— Послушайте, ребята, это вам не шутки, мы узнали, что «бдительные» готовятся поквитаться с Андерсоном за то, что он предоставил нам место на ранчо. А знаете, что было бы, не пусти он нас сюда? Они бы к этому времени из нас котлету сделали. Андерсон — хороший человек. Нельзя допустить, чтоб кто-то его тронул.

— Так никого нет, — возразил один из стражников. — Господи, мистер, не всю же ночь нам взад-вперед ходить. Мы весь день в карауле проторчали!

— И продолжайте в том же духе! — рявкнул Мак. — Если они нагрянут, Андерсон вышвырнет

нас отсюда. И куда нам тогда деваться?

— Могли бы подальше у реки расположиться!

— Придумал, нечего сказать! Да нас в таком случае под зад коленкой и погонят из этих мест с такой скоростью, что опомниться не успеешь! Да что я говорю, ты и сам это отлично знаешь.

Один из мужчин медленно поднялся.

— Парень прав, — сказал он. — Убираться нам лучше отсюда, вот что. В лагере старуха моя. Не желаю я в беду ее впутывать.

— Ну так огради ее, — сказал Мак. — Поставь посты сторожевые. И пусть ни одна собака не пролезет! Знаешь, что они с сыном Андерсона Элом сделали? Сожгли его фургон-закусочную, а самого избили до полусмерти.

— Вкусно он мясо готовил, Эл этот, — мечтательно заметил один из стражников.

Они устало поднялись и вышли. Когда амбар опустел, Мак загасил керосиновую лампу.

— «Бдительные» любят стрелять на свет, — пояснил он. — Так мы им в руки козырь даем. Надо сказать Андерсону, чтобы и в доме окна зашторил.

Караульные друг за другом исчезли в темноте, и Джим спросил:

— Думаешь, теперь они станут сторожить?

— Хотелось бы так думать. Но, по правде говоря, я считаю, что минут через десять они опять в амбаре спать завалятся. В армии, если в карауле засыпал, так и к расстрелу приговорить могли. А здесь что мы можем, кроме как убеждать и уговаривать. Господи, как же тошно мне от такой беспомощности! Если б только можно было оружие применить! Наказать ради поддержания дисциплины.

Шаги караульных стихли в темноте.

— Я еще разок их подстегну до ухода, — сказал Мак.

Они направились в сторону кухни, поднявшись на крыльцо, постучали. Ответом им были собачий лай и рычание. Слышно было, как собаки прыгают внутри, а Андерсон их успокаивает. Дверь приоткрылась, образовав щель.

— Это мы, мистер Андерсон!

— Входите, — хмуро произнес он.

Пойнтеры вились вокруг, виляя тонкими твердыми хвостами и подвывая от радости. Наклонившись, Мак по очереди потрепал собак и потянул за поводки.

— Вам хорошо бы на дворе их разместить, мистер Андерсон, — сказал он. — Там такая темень, что караул не видит ничего. А собаки мигом уню-

хают, если кто заявится.

Эл лежал на койке возле печки. Он был бледен и выглядел ослабевшим. Казалось, он похудел и спал с лица, щеки обвисли. Он лежал навзничь на спине, и одна рука его, забинтованная, висела впереди на перевязи. Рядом с ним на стуле сидел док.

— Привет, Эл, — негромко поздоровался Мак. — Как дела, мальчик мой?

Глаза у Эла радостно заблестели.

— Все идет как надо, — ответил он. — Болит, правда, здорово, и доктор говорит, что полежать придется некоторое время.

Наклонившись, Мак пожал Элу здоровую руку.

— Полегче, — быстро отозвался Эл. — У меня ребра с этой стороны сломаны.

Стоявший поодаль Андерсон сверкнул глазами.

— Сами видите теперь, — сказал он, — что из этого выходит. Фургон сгорел. Эл покалечен. Вот. Сами видите.

— Ради бога, папа… — слабым голосом запротестовал Эл. — Не начинай ты опять… Тебя ведь Маком зовут, так?

— Верно!

— Так вот, Мак, как думаешь, примут меня в

партию?

— Ты хочешь сказать, что желал бы активно участвовать?

— Ну да. Думаешь, могу я быть принятым?

— По-моему, да, — медленно проговорил Мак. — Я дам тебе форму для заявления. Зачем ты в партию вступить хочешь, Эл?

Неподвижное лицо сморщилось в гримасе. Эл качнул головой взад-вперед.

— Я все думал… — заговорил он. — С тех пор как побили меня, я все думал и думал, не переставая. Не идут у меня из головы парни эти, фургончик мой, весь в пламени, и как пляшут они на мне, ногами топчут, а два копа на углу стоят, смотрят — и хоть бы хны! Не идет у меня из головы эта картина…

— И хочешь к нам теперь Эл, да?

— Я против них хочу! — выкрикнул Эл. — Хочу быть на другой от них стороне!

— Они тебя опять побьют, Эл, еще хуже побьют. Говорю это тебе как на духу, в кровь изобьют, до смерти.

— Ну и пусть! Наплевать! Лишь бы драться с ними. Ясно тебе? Ведь что я такое делал? Ну, фургон-закусочную держал, бродяг подкармливал иногда от случая к случаю, а они вот…

Он задохнулся, из глаз его брызнули слезы.

Доктор Бертон ласково коснулся его щеки.

— Не надо так много говорить, Эл.

— Я позабочусь о том, чтобы ты получил форму для заявления, — заверил его Мак и продолжил: — Смешно сказать, ей-богу, полицейские дубинки загоняют в наши ряды все новых и новых членов! Каждый раз, как копы хорошенько поработают дубинками, к нам поступает пополнение — целый ворох новых заявлений с просьбой о приеме. Один лос-анджелесский коп из Красной бригады вербует нам больше членов, чем целая дюжина наших активистов! А эти недоумки чертовы и знать не знают о такой своей миссии! Ладно, Эл. Получишь ты форму для заявления, не знаю точно, пройдет ли твоя кандидатура, но думаю, что сумею ее протолкнуть. — Он похлопал Эла по здоровой руке. — Надеюсь на это. Ты хороший парень, Эл. И не вини меня за историю с фургоном.

— Я не виню, Мак. Я знаю, кого надо винить.

— Спокойно, Эл, не волнуйся, — сказал Бертон. — Ляг, отдохни. Тебе отдых нужен.

Все это время Андерсон метался по комнате, и собаки кружили вокруг, задирая вверх только темно-каштановые носы, нюхали воздух и взмахивали, как кнутом, твердыми своими хвостами.

— Ну, теперь вы, надо полагать, довольны, — сказал Андерсон голосом убитым и беспомощным. — Порушили все, что я имел, все сломали и даже Эла у меня уводите. Радуетесь, как я думаю.

— Не волнуйтесь, мистер Андерсон, — вмешался Джим. — Вокруг вашего дома поставлен караул. И только у вас одного во всей долине собран урожай яблок.

— Когда вы собираетесь перевозить яблоки? — спросил Мак.

— Послезавтра.

— Охрану для грузовиков хотите?

— Не знаю даже, — смущенно отвечал Андерсон.

— Думаю, нам стоит обеспечить охрану грузовиков, — сказал Мак, — на случай, если кто-то попытается вывалить на свалку весь ваш урожай. А сейчас нам пора. Спокойной ночи, мистер Андерсон. Будь здоров, Эл. В каком-то смысле я даже рад, что так случилось.

Эл улыбнулся:

— Доброй вам ночи, ребята. Не забудь про форму для заявления, Мак.

— Не забуду. Советую вам опустить шторы, мистер Андерсон. Стрелять в окна они вряд ли станут, хотя и на это способны. В других местах

бывали подобные случаи.

Дверь за ними моментально захлопнулась. Пятно света, падавшее на землю из окна, съежилось, а после, когда окно зашторили, скрылось, поглощенное темнотой.

Мак нащупывал путь к воротам и, как только они вышли, закрыл их.

— Подожди меня минуточку, — сказал он. — Пойду еще разок караульных проверю.

Джим остался с доктором.

— Ты с плечом своим поаккуратнее, — посоветовал тот. — Оно еще может тебе кое-какие неприятности доставить.

— Плевать, док. Все равно я отлично себя чувствую.

— Наверно. Я догадывался о твоем настроении.

— Каком таком настроении?

— У тебя глаза теперь другие, Джим. В выражении их есть что-то даже религиозное. Я замечал подобное и раньше в ваших парнях.

— При чем тут религия! Не нужна мне никакая религия! — вспылил Джим.

— Не нужна. Понимаю. Не заморачивайся умными словами, Джим. Ты живешь хорошей правильной жизнью, как бы это ни называлось.

— Я счастлив, — ответил Джим. — Впервые в

жизни я счастлив. Я выполнил что хотел.

— Знаю. Не дай угаснуть этому чувству. Это благословение свыше.

— Не верю я в благословление свыше, — упорствовал Джим. — В религию не верю!

— Пусть так. Оставим этот спор. Я мог бы сильно завидовать тебе, Джим, но не буду, потому что и сам порою испытываю к людям любовь не меньшую, чем испытываешь ты, только проявляется она несколько иначе.

— А вот бывает у тебя такое, док, когда кажется, будто вливаются в тебя сотни и сотни людей, что ты вмещаешь их в себя и как бы укрываешь, прячешь?

— Да, иногда я чувствую нечто похожее. Особенно когда люди эти делают какую-нибудь глупость. Когда человек совершает ошибку и идет на смерть за нее. Да, я это чувствую, Джим, и довольно часто.

Они услышали голос Мака:

— Где вы, ребята? Темнота эта чертова…

— Здесь мы!

Они подошли к нему и втроем двинулись по междурядью сада под темным древесным сводом.

— В амбаре караульных не оказалось, — сооб-

щил Мак. — Стоят на страже. Возможно, на этот раз с постов не снимутся.

Вдали на дороге послышалось тарахтенье приближающегося грузовика.

— Жалко мне Андерсона, — негромко произнес Бертон. — Все, что он так уважал, чего боялся, ополчилось против него. Интересно, что с ним будет? Отсюда его в шею погонят, конечно.

— Ничего тут не поделаешь, док, — жестко ответил Мак. — Он стал жертвой, принесенной для общего блага. Когда масса всем скопом рвется из плена на свободу, кто-то непременно падает. Мы не можем брать в расчет беду каждого отдельного человека. Это жертва необходимая, док.

— Я не подвергаю сомнению ни ваших мотивов, ни целей, просто жалею этого старика. Он пал в собственных глазах. И это самое горькое для него. Ты так не думаешь, Мак?

— Недосуг мне размышлять о том, что чувствует тот или иной человек, — резко бросил Мак. — Моя забота — это массы!

— Вот тот коротышка, которого подстрелили, это дело другое, — раздумчиво продолжал док. — Он поступал так, как ему нравилось, и по-другому поступать не мог.

— Ты мне на нервы действуешь, док, — раз-

драженно парировал Мак. — Увяз в какой-то сентиментальной чуши! У нас имеется цель, жизненно важная, реальная цель, и незачем нам копаться в том, кто пал в собственных глазах, а кто — не пал! Людям жрать нечего, им надо хлеба дать — вот это важно, а не эти твои высокопарные идеи! Как там тот старик, что бедро сломал?

— Так и быть, сменим тему. Старик зол как черт. Поначалу он был в центре внимания, и это ему льстило, вот сейчас и бесится, что его навещать перестали и не беседуют с ним, не слушают его речей.

— Зайду к нему утром, — пообещал Джим. — Он хороший старик.

— Слышите? — воскликнул Мак. — Грузовичок, похоже, остановился.

— Кажется, и вправду остановился. В лагерь въехал.

— Какого черта! Идем скорее! Осторожно, на деревья не напоритесь!

Не успели они пройти совсем немного, как грузовик вновь взревел, послышался лязг, затем рокот, и грузовик отъехал. Шум мотора становился все тише, пока не растаял в воздухе.

— Надеюсь, ничего не случилось, — заметил Мак.

Они поспешили вон из сада, пересекли луговину. В палатке Лондона все еще горел свет, и возле нее суетились люди. Мак рванул к палатке, торопливо приподнял борт. На земле стоял продолговатый, грубо сколоченный сосновый ящик. Сидевший поодаль Лондон бросил мрачный взгляд на вошедших. Лайза, казалось, совсем съежилась на своем тюфяке, и темноволосый бледный парень, сын Лондона, сидя рядом с ней, гладил ее по волосам. Большим пальцем Лондон ткнул в сторону ящика:

— Ну и что, черт побери, прикажете с этим делать? Она же боится его до смерти! Не могу я покойника здесь держать.

— Это Джой? — тихо спросил Мак.

— Он самый. Только что доставили.

Мак, задумчиво теребя губу, уставился на гроб.

— Мы можем вынести его. Или пусть дети твои переночуют в той палатке, где лазарет, а гроб здесь останется, если ты, Лондон, не боишься.

— Мне-то что, — отвечал Лондон. — Жмурик он и есть жмурик. Немало я их перевидал на своем веку.

— Ну, тогда оставим его здесь. А мы с Джимом возле него посидим. Ведь это товарищ наш. — За их спинами коротко хохотнул доктор. — Можешь

считать, что твоя взяла, док, пожалуйста. Но дело в том, что коротышку этого я знал.

— Да я и слова не сказал, — возразил Бертон.

Лондон что-то шепнул снохе, Бертону и темноволосому своему сыну, те сразу же покинули палатку. Лайза куталась в одеяло и держала на руках ребенка.

Мак опустился на край длинного ящика и указательным пальцем провел по древесине. Дерево было обстругано плохо, неровно и оставляло занозы. Стоя за спиной Мака, Джим через его плечо глядел на гроб. Лондон беспокойно шагал взад-вперед по палатке, отводя глаза в сторону.

— Не очень-то ладный гроб власти выделили, — сказал Мак.

— Чего ж ты хочешь, если гроб бесплатный! — хмуро отозвался Лондон.

— Ну, — отвечал Мак, — для себя, во всяком случае, я хочу, чтобы сожгли, и дело с концом. Чтоб не валяться в ящике. — Встав, он нащупал карман и извлек оттуда большой перочинный нож. Одно из лезвий ножа оканчивалось отверткой. Он приладил отвертку к болту и принялся его выкручивать.

— Зачем ты хочешь открыть его? — вскричал Лондон. — Ни к чему это! Оставь как есть!

— Хочу увидеть его, — сказал Мак.

— Зачем? Он же мертвый — куча гнилья, и все!

— Иной раз мне кажется, — негромко заметил доктор, — что вы, реалисты, самые сентиментальные люди на свете.

Мак фыркнул и аккуратно положил болт на землю.

— Если ты углядел в этом сентиментальность, док, то ты просто сумасшедший. Я хочу решить, правильно ли будет показать его завтра ребятам. Нам требуется каким-то образом впрыснуть в них живительный сок. Они же спят на ходу!

— Странное развлечение — пляска с мертвецами, не правда ли? — пробурчал Бертон.

Но Джим от всей души поддержал Мака:

— Мы должны использоваться любую возможность, док. Тут пригодно любое оружие.

Мак одобрительно вскинул на него глаза:

— Вот именно! Это правильная идея. Если Джой после смерти может сослужить нам хорошую службу, он должен это сделать. И нам до чувств отдельных людей в толпе не должно быть дела. И до соблюдения правил хорошего тона — тоже. Не забывай об этом.

Лондон стоял, слушая, потом не спеша кивнул.

— Вы правы, парни, — поддакнул он. — Вспом-

ните-ка Дейкина. Из-за чертова своего грузовика он последних мозгов лишился. Я слыхал, в суд его завтра потащат за нападение.

Мак быстро вывернул болты и положил их в ряд на землю. Крышку заело. Он пнул ее, чтобы открыть гроб.

Джой лежал в гробу низко, маленький, до боли чистенький, в чистой синей рубашке и промасленных синих джинсах. Руки чопорно сложены на животе.

— Все, чего он удостоился, это впрыскивания формальдегида, — заметил Мак.

Щеки у Джоя поросли щетиной, казавшейся очень темной на фоне сероватой, воскового цвета кожи. Лицо было сосредоточенно и спокойно. Горькая ожесточенность покинула его.

— Он выглядит таким спокойным, умиротворенным, — заметил Джим.

— Да, — согласился Мак. — В том-то и беда. Не стоит показывать его ребятам. Кажется, что ему так удобно, хорошо. У парней может возникнуть желание испытать то же самое.

Доктор, подойдя, секунду глядел на покойника, а затем отошел и уселся на ящик. Взгляд его больших, грустных глаз был устремлен на Мака. Тот все глядел на Джоя.

— Хороший он был, коротышка наш, — сказал он. — Ничего для себя не хотел. Знаешь, он не слишком-то умным был. Но засела у него все же в голове мысль о том, что неправильно в мире все устроено, что негоже выбрасывать еду, давать ей гнить, когда вокруг столько голодных. Бедный дурачок не мог охватить это умом, понять, почему это так. И решил он, что в силах помочь исправить ситуацию. Хотелось бы знать, помог ли и насколько! Чертовски трудно это сказать! Может быть, и вовсе не помог, а может быть, помог, и сильно помог. Неизвестно. — Голос у Мака задрожал. Доктор не сводил взгляда с его лица, и на губах у него играла странная полуулыбка, не то саркастическая, не то добродушная.

— Джой ничего не боялся, — вставил свое слово Джим.

Взяв крышку гроба, Мак поставил ее на место.

— Не знаю, почему мы говорим о нем «бедный коротышка», — сказал он. — Джой не был бедным. И он был больше, крупнее, чем казался. Сам он этого не знал, да и заботило это его не слишком. В нем горел восторг воодушевления, всегда горел, даже когда его били. И Джим правильно сказал — он не боялся.

Мак подобрал болт, просунул его в дырку, кру-

танул отверткой.

— Прямо речь у тебя получилась, — сказал Лондон. — Может быть, лучше ты завтра с речью выступишь. Я ведь не горазд говорить. А ты хорошо так сказал. Звучит хоть куда.

Мак виновато вскинул глаза и оглядел Лондона, ища на его лице признаки сарказма. Сарказма не было.

— Никакая это не речь, — тихо буркнул Мак. — Мог бы я и речь произнести, но не хотел. А хотел я только сказать товарищу, что недаром он жизнь свою прожил.

— Так почему бы тебе завтра не выступить? Говоришь ты хорошо.

— Нет, черт возьми. Главный тут ты. Ребята разобидятся, если я стану речь толкать. Они ждут, что ты слово скажешь.

— Да что же мне сказать?

Мак один за другим вкручивал болты.

— Скажешь то, что всегда говорят. Скажешь, что Джой за них жизнь отдал. Скажешь, что помочь им пытался, и лучшее, что они теперь для него сделать смогут, — это сами помочь себе, а для этого им надо объединиться, заодно быть. Ясно?

— Ясно. Понял.

Мак встал и окинул взглядом шероховатую

древесину крышки.

— Надеюсь, кто-нибудь полезет к нам, чтоб нас остановить, — сказал он. — Надеюсь, «бдительные» эти чертовы встанут у нас на пути. Даст бог, они не дадут нам спокойно пройти по городу.

— Угу, понимаю тебя, — кивнул Лондон.

— Ребята тогда полезут в драку, — продолжал Мак. — Внутри у них закипит обида, и им захочется, чтобы порох вспыхнул. У «бдительных» не так много здравого смысла. Надеюсь, с них завтра станется заварить кашу.

Бертон устало поднялся со своего ящика, подошел к Маку, тронул за плечо.

— В тебе, Мак, — заметил он, — самым причудливым образом совмещаются жестокость с бабьей сентиментальностью, зоркость и ясность взгляда с прекраснодушными «розовыми очками», через которые ты смотришь на мир. Не понимаю, как в тебе может сочетаться все это.

— Чушь собачья, — огрызнулся Мак.

Доктор зевнул.

— Ладно, — сказал он. — Оставим это. Я иду спать. Вы знаете, где меня найти, если понадоблюсь, но хорошо бы я не понадобился.

Мак быстро взглянул вверх. На полотнище палатки падали ленивые, тяжелые капли. Одна,

вторая, третья — и капли застучали, забарабанили. Мак вздохнул.

— Я думал, пронесет. А теперь к утру ребята будут мокрые как мыши. И храбрости у них будет не больше, чем у морских свинок.

— И все-таки я отправлюсь спать, — повторил доктор и вышел, опустив за собой складку полотна над входом.

Мак тяжело опустился на гроб. Барабанная дробь капель ускорилась. Снаружи люди перекликались, и шум дождя заглушал голоса.

— На весь лагерь небось ни одной палатки не найдется, чтоб не протекала — сказал Мак. — Господи, почему всякий раз, как только представится шанс, обязательно что-нибудь помешает и все лопается! Почему нам вечно по шее достается — только так и не иначе!

Джим робко присел на ящик рядом с ним.

— Пусть это тебя не тревожит, Мак. Бывает, чем горше судьба бьет человека, тем яростнее он сражается. Вот и со мной так было, Мак, когда мать моя помирала и уже говорить не могла. Так горько мне стало, таким несчастным я себя вдруг почувствовал, что готов был на все. Так что не тревожься понапрасну.

— Опять ты ко мне цепляешься! — напустился

на него Мак. — Будешь тыкать мне в глаза мои недостатки — ей-богу, разозлюсь! Ляг-ка лучше на девчонкин тюфяк. У тебя рука раненая. Разболелась, поди.

— Жжет немного, а так ничего.

— Ну, ложись вот здесь и постарайся заснуть.

Джим начал было протестовать, но потом побрел к тюфяку и растянулся на нем. Рана пульсировала, отдаваясь болью по всему плечу и груди. Он слышал, как все сильнее барабанят капли, пока дождь не стал хлестать палатку как розгой. Влага проникала внутрь, и было слышно, как в центре, там, где палатка протекала, крупные капли с тяжелым стуком падают на крышку гроба.

Мак, обхватив голову руками, все еще сидел возле гроба, а настороженный, как у рыси, взгляд Лондона неотступно был устремлен на лампу. Лагерь вновь затих, и с безветренного неба все лил и лил дождь. Час проходил за часом. Свет висевшей на шесте лампы постепенно тускнел, огонек сникал, прижимаясь к фитилю, потом пламя вспыхнуло в последний раз и погасло.

Глава 12

Проснулся Джим словно в тюремном карцере. Половина тела была скована болью и онемела. Открыв глаза, он обвел взглядом палатку. Занимался тусклый и вялый серый рассвет. Гроб стоял на прежнем месте, но Мака и Лондона в палатке не было. Доносились, видимо, разбудившие его звуки — стук молотков по дереву. Полежав немного спокойно и оглядевшись, он попытался сесть. Но карцер боли держал крепко и не пускал. Перекатившись на живот, он с трудом поднялся на четвереньки и только потом встал во весь рост, стараясь не двигать раненым плечом и не напрягать его.

Складка над входом приподнялась, и появился Мак. Его синяя джинсовая куртка была мокрой и блестела.

— Привет, Джим! Поспал немного, да? Как рука?

— Неплохо. Дождь все еще льет?

— Моросит, собака. Сейчас док к тебе заглянет, хочет плечо твое проверить. Господи, какая же слякоть! Как только парни взад-вперед ходить

начнут, земля в кашу превратится.

— Что это там за стуки?

— Так помост строим для Джоя. Даже флаг старый откопали — накрыть тело.

В руках у Мака был небольшой замусоленный сверток. Развернув материю, он аккуратно закамуфлировал крышку гроба выцветшим, в пятнах, американским флагом.

— Нет! — сказал он. — Так плохо. С левой стороны надо положить, чтобы под грудь.

— Грязный флаг-то, — заметил Джим.

— Знаю. Но роль свою он сыграет. Док должен быть с минуты на минуту.

— Я голодный как черт, — сказал Джим.

— Думаешь, ты один? На завтрак хлопья овсяные будут — без молока, без сахара, просто хлопья, и все.

— По мне, так и хлопья сгодятся. Ты вроде приободрился утром, да, Мак?

— Я? Ну, парни, похоже, не так из колеи выбиты, как я думал, будут. Женщины, те недовольны, скандалят, а парни — ничего, учитывая ситуацию, держатся даже неплохо.

В палатку торопливо протиснулся Бертон.

— Как рука, Джим?

— Дает о себе знать.

— Сядь-ка вот здесь. Я тебе бинт сменю.

Джим сел на ящик и приготовился терпеть боль, но доктор действовал ловко — снял старый бинт и делал перевязку, не причиняя ему боли.

— Старый Дэн волнуется, — рассказывал он. — Боится, что его на похороны не возьмут. Забастовка, говорит, началась с него, а теперь все о нем забыли.

— Как думаешь, док, может, мы его на грузовике отвезем? — спросил Мак. — Если получится, это будет шикарный рекламный ход.

— Отвезти-то, конечно, можно. Только больно ему будет зверски. И вообще шок может быть. Он же старый. Спокойно, Джим. Я почти закончил. Нет, я скажу тебе, как надо сделать. Мы пообещаем, что он поедет с нами, а когда начнем поднимать, старик сам взмолится, чтобы его оставили. Его гордость мучает. Он думает, что Джой перебежал ему дорогу к славе. — Док похлопал по перебинтованной руке. — Ну вот, теперь готово, Джим. Так лучше?

Джим опасливо двинул плечом.

— Лучше. Да, конечно. Гораздо лучше.

— Почему бы тебе не сходить навестить старика, Джим? Он же твой приятель.

— Думаю, я так и сделаю.

— Он не совсем в себе, Джим, — предупредил Бертон. — Вся эта встряска ему не на пользу пошла — на голове сказывается.

— Я поговорю с ним, поддержу, успокою, — заверил Джим, вставая. — А рука-то теперь и правда лучше!

— Пойдем, хлебанем хлопьев, — предложил Мак. — Надо правильно начало похорон рассчитать, если сможем, чтобы к двенадцати часам и движение в городе перекрыто было.

Док фыркнул:

— Ну конечно, ты же всегда только о людях и печешься! Ты прямо скорпион какой-то, Мак! Будь я за главного на стороне противника, выманил бы тебя и расстрелял.

— Думаю, в один прекрасный день так и случится, — сказал Мак. — Только одно им и осталось, прочее всё они со мной уже испробовали.

Они гуськом потянулись вон из палатки. Снаружи воздух был насыщен влагой — серая туманная морось. Яблони в саду едва маячили за серой пеленой. Джим вглядывался в ряды мокрых палаток. Проходы между ними уже утопали в грязи, истоптанные ногами людей, беспрестанно снующих туда-сюда в поисках сухого места, чтобы присесть. К туалетам, устроенным в дальнем

конце проходов, выстроились очереди.

Бертон и Мак с Джимом направились к печкам. Из труб поднимался синий дымок, на печах кипели большие котлы с кашей, и повара мешали в них длинными палками. Джим чувствовал, как за шиворот ему ползет туманная сырость. Он плотнее запахнул куртку, застегнул верхнюю пуговицу.

— Помыться бы в ванне, — вздохнул он.

— Можешь сделать обтирание. Только это и остается. Вот. Я захватил твою жестянку.

Они встали в конец очереди. По мере ее продвижения повара наполняли едой протянутую им посуду. Джим зачерпнул своей лопаточкой ком каши и стал есть — жадно, обжигаясь и дуя.

— Вкусно, — похвалил он. — С голоду я просто помираю.

— Охотно верю. Лондон там, где помост строят, распоряжается. Пойдем туда.

Они пошлепали по грязи, стараясь наступать где посуше. За кухней был возведен помост — маленькое возвышение, сооруженное из старых заборных штакетин и обшивки водостока. Над землей помост возвышался фута на четыре. Лондон приколачивал перекладину.

— Привет, — сказал он. — Как вам завтрак?

— Сегодня утром даже грязь жареная нам райской пищей бы показалась, — заметил Мак. — Это ведь последнее, что есть, да?

— Угу. Завтрак кончится, и на этом все.

— Может, Дику сегодня больше повезет, — мечтательно предположил Джим. — Почему бы тебе не послать меня пошуровать насчет еды, а, Мак? Я ведь ни черта не делаю!

— Нет, ты останешься здесь, — заявил Мак. — Подумай, Лондон, парнишку этого они заприметили, дважды уже пытались его схватить, и он еще собирается выходить в одиночку и шататься по улицам!

— Не будь идиотом, — поддержал Мака Лондон. — Мы тебя на грузовике отправим, с гробом. Не можешь ты раненый пешком идти. Поедешь на машине.

— Какого черта… — возмутился было Джим.

Лондон бросил на него сердитый взгляд.

— Не умничай и не пытайся мне перечить, — сказал он. — Здесь я главный. Когда дорастешь до главного, будешь мне указывать. А сейчас указываю тебе я.

Глаза у Джима вспыхнули протестом. Он метнул взгляд на Мака и увидел, что тот, осклабившись, медлит, словно выжидая.

— Ладно, — покорился Джим. — Сделаю, как ты велишь.

— Вот что ты можешь сделать, Джим. Как тебе такая идея, Лондон, если Джим походит и побеседует с парнями? Прощупает их настроение. Должны же мы знать, на каком свете находимся… Думаю, с Джимом парни будут откровенны.

— О каком таком свете ты желаешь знать?

— Хочу знать, как относятся парни к забастовке в настоящий момент.

— Звучит разумно, по-моему, — одобрил Лондон.

И Мак обратился к Джиму.

— Сходишь к старому Дэну, — сказал он, — а потом начинай беседовать с ребятами. Охвати побольше, но по нескольку человек зараз. Не пытай их особо и не поучай. И поддакивай, пока не уловишь, что они чувствуют. Справишься, Джим?

— Конечно. Где старого Дэна-то держат?

— Гляди. Видишь во втором ряду палатку белее, чем остальные? Это лазарет дока. Думаю, там и Дэна найдешь.

— Пойду проведаю его, — сказал Джим. Соскребя лопаточкой остаток каши, он доел ее, ополоснул жестянку и, проходя мимо своей маленькой палатки, забросил жестянку туда. В палатке кто-то

шевельнулся. Встав на четвереньки, Джим вполз внутрь. В палатке сидела Лайза. Она кормила младенца. При виде Джима она быстро прикрыла грудь и, покраснев, еле слышно прошептала:

— Привет.

— Я думал, ты в лазарете ночевала.

— Там парни были, — отвечала она.

— Надеюсь, ночью ты не промокла.

Она аккуратно расправила складки платка на плече.

— Нет, палатка не протекала.

— Чего ты так робеешь? — спросил Джим. — Я же тебя не обижу. Однажды помог тебе. Вместе с Маком мы помогли.

— Знаю. Вот именно.

— О чем это ты?

Голова девушки скрылась под платком.

— Ты видел меня голую, — слабо пискнула она.

Джим чуть не расхохотался, но вовремя сдержал смех.

— Но это же ничего не значит, — сказал он. — Чего тут стесняться! Главное было помочь.

— Я знаю. — На одну секунду глаза вынырнули из-под платка. — Но мне неловко.

— Забудь об этом, — махнул рукой Джим. — Как ребенок?

— Хорошо.

— Молоко есть?

— Ага. — И тут же, залившись краской, она выпалила: — Мне нравится кормить.

— Конечно, нравится.

— Нравится, потому что… это приятно. — Она спрятала лицо. — Не должна я была говорить тебе такое!

— Почему же?

— Не знаю, но чувствую — не должна. Это ведь… неприлично, правда же? Ты никому не расскажешь?

— Конечно, не расскажу. — Джим отвел глаза и выглянул из низкой щели наружу. Над землей навис туман. По скату палатки, как бусинки, скользили дождевые капли. Он продолжал глядеть в сторону, инстинктивно чувствуя, что Лайзе хочется смотреть на него, но делать это она может, только если он отвернется.

Взгляд девушки скользил по его лицу в профиль, против света казавшемуся темным. Ее внимание привлек бугор забинтованного плеча.

— Что у тебя с рукой? — спросила она.

Он повернулся к ней, и на этот раз взгляды их встретились.

— Вчера в меня выстрелили.

— О-о… Больно?

— Немножко.

— Выстрелили? Ни с того ни с сего? Взял парень какой-то и выстрелил?

— Драка была со скэбами. Один из хозяев и пустил в меня пулю.

— Ты дрался? Ты?

— Ну конечно.

Широко раскрыв глаза, она как зачарованная уставилась на него.

— Но оружия у тебя не было, правда же?

— Не было.

Она вздохнула.

— Кто был тот парень, что приходил в палатку вчера вечером?

— Тот юноша? Это Дик. Мой товарищ.

— На вид приятный парень, — заметила она.

Джим улыбнулся.

— Конечно. И даже очень.

— Вроде бы веселый, — продолжала она. — Джоуи, это муженек мой, не любит таких. А мне он понравился, приятный парень.

Встав на колени, Джим собирался выползти из палатки.

— Ты завтракала?

— Джоуи пошел мне завтрак принести. — Она

глядела теперь смелее. — Ты на похороны пойдешь?

— Конечно.

— А я не смогу. Джоуи сказал, чтобы не ходила.

— Уж слишком погода сырая, жуткая. — Джим выполз из палатки. — Пока, детка. Береги себя.

— П-пока. — И после паузы: — Ты никому не расскажешь, правда?

— О чем не расскажу? Ах да, о ребенке! Не расскажу, конечно.

— Знаешь, — объяснила она. — Ты видел меня такой… Вот у меня и вырвалось. Не знаю почему.

— А я тем более не знаю. Ну, бывай, детка.

Он выпрямился и пошел прочь. В тумане двигались редкие фигуры. Большинство забастовщиков уже съели свою баланду и разбрелись по палаткам. Печной дымок вился низко над землей. Поднялся ветер, и дождевая морось летела теперь вкось, стелясь под углом. Проходя мимо палатки Лондона и заглянув туда, Джим увидел группу людей, столпившихся возле гроба. Взгляды всех были направлены вниз, на гроб. Джим хотел было присоединиться к ним, но опомнился и пошел дальше, к белой палатке лазарета. Внутри царила удивительная чистота — ничего лишнего: медицинские инструменты, бинты,

бутылочки йода, большой флакон с нюхательной солью, саквояж доктора в безукоризненном порядке были разложены на ящике.

Старый Дэн полулежал на койке, а возле него на полу стояли бутылка с широким горлом в качестве утки и допотопный горшок в качестве судна. Борода у старика выросла и казалась еще жестче и клочковатее, а щеки ввалились сильнее. Глаза поблескивали диковатым блеском.

— Так, — проворчал Дэн. — Пришел наконец! Все вы такие, из молодых да ранние. Выжмете из человека все, что вам требуется, а после бросите его!

— Как чувствуешь себя, Дэн? — миролюбиво осведомился Джим.

— Всем наплевать, как я себя чувствую. Вот доктор — хороший человек, единственный хороший человек во всей этой вашей вшивой компании.

Джим пододвинул к себе ящик из-под яблок, сел.

— Не кипятись, Дэн. Видишь, мне тоже несладко — пулю в плечо получил.

— Поделом тебе, — хмуро ответил Дэн. — Вы, молокососы паршивые, не умеете себя беречь. Вот и достается вам по-крупному.

Джим промолчал.

— Уйди ты отсюда, Христа ради! Дай полежать спокойно! — выкрикнул Дэн. — Вы только и болтаете, что о забастовке, больше ни о чем. А с чего все пошло, кто забастовку начал? Вы? Нет, черт подери! Это я ее начал! Думаешь, мне невдомек? Я начал ее тем, что бедро сломал! А вы после всего бросили меня здесь одного.

— Мы помним об этом, Дэн. Все помнят.

— Так почему молчат об этом? Превратили меня в какого-то младенца недоделанного. — Он гневно взмахнул рукой и поморщился от боли. — Вам на меня наплевать!

— Это не так, Дэн, — насилу прервал его страстную речь Джим. — Мы собираемся тебя на грузовике на похороны отвезти. Ты впереди колонны поедешь, во главе всей процессии.

Дэн даже рот разинул, обнажив беличьи зубы. Руки медленно опустились, упали на постель.

— Правда? — переспросил он. — На грузовике?

— Так главный сказал. Сказал, что ты лидер и должен там быть.

Лицо у Дэна посуровело. Он поджал губы с выражением строгим и воинственным.

— Это справедливо, черт возьми. Он должен был так поступить, и он это знает. — Взгляд у Дэна вдруг смягчился, став по-детски беззащитным. —

Я буду во главе, — негромко произнес он. — Сотни лет рабочему люду не хватало именно главаря, лидера, вождя. Я поведу народ к свету. Все, что от них потребуется, это делать, что я им велю. Я скажу им: «Вы, парни, делайте вот так», — и они станут так делать. А когда я скажу: «Вы, лентяи безмозглые, убирайтесь прочь», — ей-богу, они послушно уберутся прочь, потому что я не потерплю рядом с собой безмозглых лентяев. Я прикажу им, и они наперегонки бросятся выполнять приказ. — Дэн вдруг улыбнулся мягко и ласково. — Бедолаги несчастные, — сказал он. — Им никто и никогда не говорил, что надо делать! Никогда у них не было главаря!

— Верно, — поддакнул Джим.

— Ну, теперь-то вы увидите перемены! — воскликнул Дэн. — Ты передай им, что я так сказал. Передай, что я работаю над планом. Вот встану через день-другой… Передай им, пусть потерпят, пока не встану и не займу место главаря!

— Передам, передам, конечно, — заверил его Джим.

В палатку вошел доктор Бертон.

— Доброе утро, Дэн. Привет, Джим. Дэн, а где тот парень, которому я велел за тобой ухаживать?

— Ушел, — грустно отвечал Дэн. — Пошел при-

нести мне завтрак да так и не вернулся.

— Хочешь судно, Дэн?

— Нет.

— А клизму он тебе сделал?

— Нет.

— Я сменю тебе медбрата, Дэн.

— Послушай, док, этот вот молокосос говорит, что я на грузовике на похороны поеду.

— Это правда, Дэн. Поедешь, если захочешь.

Дэн с улыбкой откинулся на подушку.

— Наконец-то хоть кто-то ко мне внимание проявил, — сказал он с явным удовольствием в голосе.

Джим поднялся со своего ящика.

— Ну, до скорого, Дэн.

Бертон вышел вместе с ним.

— Он что, совсем с катушек слетел, док?

— Нет. Просто старый он. Пережил шок. Кости плохо срастаются.

— Но несет он такое, словно с ума сошел.

— Видишь ли, парень, которого я поставил смотреть за ним, не выполнял своих обязанностей. Дэну клизма требуется. Запор может в некоторых случаях повлиять на мозговую деятельность. Но вообще это просто старость, Джим. И ты доставил ему огромную радость.

— Думаешь, он и правда поедет на похороны?

— Нет. Трястись на грузовике было бы для него слишком болезненно. Нам придется каким-то образом замять этот вопрос. Как твоя рука?

— Я и забыл о ней.

— Чудно. Старайся ее не застудить. Если не побережешься, могут быть большие неприятности. Парни туалеты совсем запустили, грязь там жуткая и дезинфицирующий раствор закончился. Необходимо достать карболки, хоть что-нибудь достать…

Он поспешил прочь, что-то бормоча себе под нос.

Джим огляделся, ища, с кем бы ему поговорить. Те, кого он видел, торопливо перебегали под моросящим дождем из палатки в палатку. Грязь в проходах скопилась непролазная — черная, густая. Неподалеку стояла вместительная палатка. Из палатки доносились голоса, и Джим направился туда.

Тусклый свет освещал группу мужчин на одеялах. Разговор при его появлении оборвался. Мужчины, подняв на него глаза, глядели выжидающе. Сунув руку в карман, Джим вытащил оттуда кисет с табаком, который передал ему Мак.

— Привет, — поздоровался Джим. Мужчины

по-прежнему молчали и ждали. — У меня рука болит, — продолжал Джим, — кто-нибудь, сверните мне самокрутку!

Передний из мужчин протянул руку за кисетом и ловко свернул самокрутку. Джим взял ее и, помахав кисетом, показал его остальным.

— Пустите по кругу. Понятное дело, табака в лагере негусто.

Кисет переходил из рук в руки. Плотный маленький мужчина с бородкой сказал:

— Присаживайся, паренек. Вот сюда садись, на мою постель. Уж не тот ли ты парень, которого подстрелили вчера?

Джим засмеялся.

— Да, я из той компании. Но не тот, который мертвый, а тот, который увернулся.

В ответ раздался одобрительный смех. Мужчина с худым скуластым лицом прервал общее веселье вопросом:

— Зачем они того, маленького, сегодня хоронят?

— А почему бы и нет?

— Да телу-то три дня полежать полагается.

Плотный выдул струйку дыма.

— Коли умер, так уж умер.

— А если не умер, — хмуро возразил худоща-

вый. — Если просто спит он сном таким особым? Вдруг его похоронят, а он живой? По мне, так три дня выждать надо, как со всяким мертвяком делать положено.

Ему ответил звучный насмешливый голос. Высокий мужчина с белым гладким лбом сказал:

— Нет, вовсе он не спит. На этот счет можешь быть спокоен. Если бы ты был знаком с работой гробовщиков, то не сомневался бы, что никакой это у него не «особый сон».

— Но может же быть такое, — упорствовал худощавый. — Почему бы все же не проверить?

— Ну, если он способен спать после того, как в вены ему вкатили бальзамирующей жидкости, — саркастически заметил белолобый, — значит, он чемпион мира по спанью!

— А гробовщики этим занимаются?

— А как же! Я знал одного парня, который в похоронном бюро работал. Он такое мне рассказывал — не поверишь!

— Я такие вещи и слушать не желаю, — поморщился худощавый. — Не к добру этот наш разговор.

— А кто тот маленький был-то? — спросил плотный. — Я только и видел, что он вроде со скэбами приехал, а потом как будто остановить их

пытался, и тут вдруг — бац! — и он уже на земле!

Джим секунду помедлил, взяв в рот незажженную самокрутку.

— Я знал его. Хороший он был человек. Можно сказать, рабочий активист.

— Много их развелось, рабочих активистов этих, — проворчал белолобый. — Приходят — и нет их, так и мелькают. Поглядеть только на змею эту гремучую Сэма. Божится, что докер. Держу пари, что и полгода не пройдет, как шлепнут его.

— Ну а о Лондоне что скажешь? — подал голос темноволосый юноша. — Тоже, думаешь, струсит, как Дейкин?

— Вот уж нет, — сказал худощавый. — Лондон в бутылку не полезет. У Лондона есть голова на плечах.

— Если есть у Лондона голова на плечах, — вскинулся белолобый, — то что мы, черт возьми, здесь торчим? Подозрительно это все, вся забастовка эта. Кто-то непременно на ней наживается. А как только дела круто пойдут, этот «кто-то» предаст всех — сам улизнет, а другие пусть получают по полной!

Широкогрудый мускулистый мужчина, приподнявшись на четвереньках, застыл в угрожающей позе, как зверь перед нападением.

— Хватит, умник, замолчи! — рявкнул он. — Я Лондона тыщу лет знаю, и если ты намекаешь на то, что Лондон предать нас готовится, то давай-ка выйдем с тобой из палатки сию минуту! Я не очень-то разбираюсь в забастовках этих, не знаю, как там и что, а участвую потому, что Лондон сказал: надо участвовать. И брось эти свои намеки грязные!

Белолобый смерил его холодным взглядом:

— Настроен серьезно, да?

— Достаточно, чтобы морду тебе набить хорошенько, мистер!

— Прекратите! — вмешался Джим. — Нам-то зачем драться? Если очень уж руки чешутся, поводов для драки скоро представится немало!

Широкогрудый, заворчав, вновь опустился на свои одеяла.

— Пока я здесь, не позволю, чтобы о Лондоне за его спиной плохо говорили, — буркнул он.

Низкорослый крепыш внимательно взглянул на Джима:

— Как это тебе перепало, парень?

— На бегу, — отвечал Джим. — Когда бежал, меня пулей ранило.

— Я от парня одного слышал, что скэбам там жару задали.

— Было дело.

— Говорят, скэбы грузовиками прибывают, — сообщил белолобый. — И у каждого в кармане бомба со слезоточивым газом.

— Вранье! — мгновенно отозвался Джим. — Такие слухи всегда нарочно распускают, чтобы напугать забастовщиков.

— А еще я слыхал, — продолжал белолобый, — что хозяева дали знать Лондону, что до тех пор, пока в лагере красные, никаких переговоров быть не может.

— Ну а кто, кто в лагере красные? — опять вскинулся широкогрудый. — Вот по твоим речам судя, ты как раз самый что ни на есть красный!

— А вот я думаю, красный — это доктор, — гнул свое белолобый. — Денег он за работу не получает. Так кто ж ему платит? Ведь своего он не упустит. Слишком умен, чтоб упустить. Может, ему вообще из Москвы деньги идут!

Джим сплюнул на землю. Лицо у него сильно побледнело, и он тихо произнес:

— Ты сукин сын, гнуснее которого я в жизни не видывал! Судишь о людях по себе, наверно, вот всех подонками и считаешь!

Широкогрудый опять приподнялся на четвереньках.

— Парень прав, — сказал он. — Он не может вдарить тебе по полной, а я могу. И, ей-богу, сделаю это, если ты не заткнешь свое хлебало вонючее!

Белолобый, медленно поднявшись, направился к выходу. Обернувшись, он бросил:

— Ладно, ребята. Но глядите в оба. Очень скоро Лондон велит всем закругляться с забастовкой. А сам после получит новенькую машину или работу постоянную. Так что глядите в оба.

Широкогрудый ринулся было за ним, но белолобый, увернувшись, выскользнул из палатки.

— Кто этот парень? — спросил он. — Он ночевал здесь?

— Нет, черт его дери. Зашел просто не так давно.

— А раньше его кто-нибудь из вас здесь видел?

Все покачали головами.

— Я не видел…

— Да и я тоже.

— В жизни не видел.

— Господи, так, значит, засланный он! — вскричал Джим.

— Кем засланный? — спросил плотный.

— Хозяевами, прислали специально, чтобы поговорил и заронил в вас сомнение насчет Лондона. Неужто неясно? Им надо расколоть нас.

Хорошо бы парочка ребят проследила за тем, как он выйдет из лагеря.

Широкогрудый поднялся.

— Этим я займусь, — сказал он. — Мне это в радость будет. — И он вышел.

— Будьте настороже, — предупредил Джим. — Такие парни, как этот, могут убедить вас в том, что забастовка вот-вот кончится. Не ведитесь на ложь.

Плотный выглянул из палатки.

— Что еда кончилась — это вовсе не ложь, — сказал он. — Что варево, которым впору только скотину кормить, завтраком нельзя считать — это тоже не ложь. Чтоб такие слухи распространялись, шпионов засылать не надо.

— Мы должны продержаться! — воскликнул Джим. — Продержаться во что бы то ни стало! Если дрогнем, мы пропали, и не только мы. Каждый сезонник в стране это почувствует.

Плотный кивнул.

— Ну да, все связано, — согласился он. — Каждый же не по отдельности. Некоторые хотят для себя выгоды добиться, но это невозможно, пока каждый не получит выгоды.

Лежавший у самой стенки мужчина средних лет приподнялся и сел.

— Знаете, в чем беда наша, рабочих людей то есть? — спросил он. — Я скажу вам в чем. Слишком, черт возьми, мы много болтаем! А ежели бы меньше болтали и спорили, а побольше бы дрались, тогда бы, может, толк был.

Он замолчал. Люди в палатке прислушались. Снаружи доносилось какое-то шевеление, суета, шаги, неясные голоса. Звуки негромкие, но проникающие и всеохватные, как запах. Люди в палатке замерли, слушая. Звуки нарастали. Шаги по грязи. Несколько человек прошли мимо палатки.

Джим встал и подошел к входу, как раз когда в палатку просунулась голова.

— Там готовятся гроб выносить. Пойдемте, ребята.

Джим раздвинул полотнища входа и выбрался наружу. Туман еще не рассеялся, а стелился криво, сея вокруг крохотные легкие снежинки. То тут, то там ветер вдруг начинал трепать полотнища палаток. Джим оглядел проход. Новость уже распространилась. Из палаток выходили люди — мужчины и женщины. Они медленно стекались, смыкаясь в толпу. И чем плотнее становилась толпа, тем явственнее разноголосица соединялась в единый голос, а звук шагов превращался

в общее брожение. Джим вглядывался в лица людей. Казалось, глаза их глядят, не видя, головы запрокинуты, словно люди принюхиваются к чему-то. Люди обступили помост, теснясь к нему.

Из палатки Лондона шестеро мужчин вынесли гроб. Ручек на гробе не было, и его несли на плечах, подхватив под днище. Поначалу они шагали неровно, стараясь попадать в ногу, потом, выработав определенный мерный ритм, медленно двинулись по раскисшей земле. Головы у мужчин были обнажены, и волосы их, как серой пылью, припорошены водяными каплями. Ветерок трепал угол грязного флага, то приподнимая, то опуская его. Люди расступались перед гробом, освобождая проход носильщикам, и те двигались с суровой торжественностью на лицах, напрягая шею, опустив подбородок. Стоявшие вдоль прохода люди, не отрываясь, глядели на гроб. При его приближении они затихали, а когда он, проплыв мимо, удалялся, начинали беспокойно перешептываться. Некоторые незаметно крестились. Носильщики подошли к помосту. Передняя пара опустила на доски изголовье гроба, а другие подтолкнули ящик, чтобы он встал надежно и прочно.

Джим поспешил к палатке Лондона. Там нахо-

дились Лондон и Мак.

— Господи, ну почему бы тебе не сказать речь! Я же не умею.

— Нет. Ты прекрасно все скажешь. Помнишь, что я тебе внушал? Попробуй добиться от них откликов. Как только тебе начнут отвечать — они в твоей власти. Старый ораторский прием, на толпу действует безотказно.

Лондон казался испуганным.

— Ну сделай это, Мак! Богом клянусь, не умею я. Я ведь даже и не знал парня!

На лице у Мака промелькнуло выражение брезгливости.

— Слушай, ты поднимешься и скажешь. А если поплывешь, то я буду рядом и подхвачу.

Лондон наглухо застегнул ворот синей рубашки, приподняв воротничок. Поправил и одернул на животе старую шерстяную куртку. Рука его потянулась к тонзуре, пригладила волосы. Казалось, этим он утихомирил дрожь до состояния напряженной и тяжелой торжественности. Худощавый Сэм, войдя, встал с ним рядом. Лондон вышел из палатки, величественный и важный. Мак и Джим с Сэмом следовали за ним, но Лондон шел один впереди, шагая по грязному проходу в сопровождении маленькой своей свиты. Головы

при их приближении поворачивались. Негромкие разговоры смолкали. Люди давали пройти главарю и глядели ему вслед.

Лондон вскарабкался на помост. Он стоял одинокий над головами людей. Лица всех были обращены к нему, глаза глядели слепо, остекленело, ничего не выражая. Секунду Лондон, понурившись, смотрел на сосновый ящик, а потом расправил плечи. Казалось, он с неохотой нарушает звенящую тишину. Голос его звучал степенно и отстраненно.

— Я поднялся сюда, чтобы вроде как речь сказать, — заговорил он. — Но не умею я речей говорить. — Помолчав, он окинул взглядом поднятые к нему лица. — Вчера маленького этого парня убили. И вы это видели. Он к нам подойти пытался, а кто-то пулю в него пустил. А ведь он никому вреда не сделал. — Он вновь помолчал, словно озадаченный. — Ну что тут скажешь? И вот мы его хоронить собрались. Он был одним из наших, и его убили. За то, что он был наш. Он был таким же, как мы, ничем не отличался, таким же, как каждый из нас. И с каждым из нас может такое случиться. — Он помолчал с открытым ртом. — Я… я… не умею я говорить, — смущенно произнес он. — Вот здесь человек стоит, который

знал того коротышку. Так вот я хочу, чтобы он сказал. — Он медленно повернулся туда, где стоял Мак: — Давай, Мак, поднимись. Расскажи им о маленьком коротышке.

Мак стряхнул с себя оцепенение и одним махом вспрыгнул на помост, по-боксерски встряхнув плечами.

— Разумеет, я расскажу, — горячо начал он. — Звали его Джой. И был он радикалом. Понятно? Радикалом. Он хотел, чтоб у таких, как вы, парней было вдоволь еды, чтоб место было, где спать, не промокнув за ночь. Для себя он не хотел ничего. Он был радикалом! — Голос Мака поднялся до крика. — Понятно, кто он был такой? Грязная сволочь, угроза властям! Не знаю, видели ли вы его лицо, разорванное в кровь, в клочья! Копы сделали это, потому что он был радикал. У него были переломаны руки, сломана челюсть. Челюсть ему сломали за то, что он в пикете стоял. Его бросили в тюрьму. А доктор, когда пришел, едва взглянув на него, сказал: «Я не стану лечить чертова красного!» Так никто ему челюсть и не поправил. Он же опасность представлял, хотел, чтоб парни вроде вас не голодали. — Мак говорил все тише, все спокойнее, опытным взглядом оглядывал лица вокруг, замечая, как напряженно

вслушиваются люди, стараясь не пропустить смысла тихо сказанных слов, как наклоняются вперед в желании услышать. — Я знал его. — И вдруг он выкрикнул: — Так что вы собираетесь сделать? Сбросить его в грязную яму, забросать мокрой землей? И забыть?

Какая-то женщина в толпе истерически зарыдала.

— Он боролся за вас! — крикнул Мак. — И вы это забудете?

— Нет уж, ей-богу, нет! — выкрикнул мужской голос.

А Мак все долбил и долбил в одну точку:

— Так что? Его убили, а вы не сдвинетесь с места и проглотите это?

На этот раз откликнулся целый хор:

— Не-ет!

Голос Мака зазвучал мягко, певуче:

— Сбросите его в грязную яму, и все?

— Не-ет! — Толпа чуть качнулась в едином порыве.

— Он боролся за вас! И вы его забудете?

— Не-ет!

— Мы пройдем маршем по городу. Вы допустите, чтобы копы остановили нас?

— Не-ет! — ревела толпа, ритмично колыха-

ясь. Люди напряглись, готовые вновь прореветь ответ.

Но Мак сломал заданный ритм, и это резануло неожиданностью. Он спокойно произнес:

— Этот маленький паренек — душа всех нас. Мы не станем молиться за него. Он не нуждается в молитвах. Как не нуждаемся в них и мы. Дубинки — вот в чем мы нуждаемся.

Толпа с жадностью пыталась восстановить ритм.

— Дубинки… дубинки… — звучало в толпе. А потом наступила тишина.

— Ладно, — коротко бросил Мак. — Мы похороним в грязной яме грязного радикала, но он будет с нами. И да поможет Господь всякому, кто вознамерится нас остановить!

И он внезапно спрыгнул с помоста, оставив толпу недовольной и раздраженной. Люди вопросительно поглядывали друг на друга.

Лондон тоже спустился с помоста и сказал носильщикам:

— Поставьте его на грузовик Альберта Джонсона. Через несколько минут отправляемся.

И последовал за Маком, протискивавшимся через толпу.

Когда Мак выбрался из обступивших его людей,

к нему подошел доктор Бертон.

— Знаешь ты, как людей обработать, Мак, ничего не скажешь! — спокойно проговорил он. — Ни один проповедник не заставил бы людей обливаться слезами. Почему же ты был столь краток? Еще немного, и они бы и на неведомых языках заголосили и забились бы в конвульсиях, закружились в священном исступлении.

— Хватит язвить, док! — огрызнулся Мак. — Мне надо было сделать дело — любыми способами, а сделать!

— Но где ты выучился этому, Мак?

— Чему «выучился»?

— Такого рода штукам.

— Не копайся ты в этом, — устало отмахнулся Мак. — Мне надо было разъярить их. Они разъярились. А как я этого добился — какая тебе разница!

— Как добился, это мне ясно, — сказал Бертон. — Мне интересно, каким образом выучился. Да, кстати, Дэн с удовольствием остался на месте. Он принял это решение, когда его поднимать стали.

Их нагнали Лондон с Джимом.

— Надо будет тебе, Лондон, здесь охрану усилить, — сказал Мак.

— Ладно. Я Сэму велю остаться с примерно сот-

ней парней. Хорошую речь ты сказал, Мак.

— Да у меня и подготовиться времени не было. Нам лучше двинуть побыстрее, пока люди не остыли. Когда двинутся, все будет как надо. А стоит помедлить, оставить их бездействовать — остынут. Нам это ни к чему.

Обернувшись, они увидели, как через толпу движутся носильщики с гробом на плечах. Плотная толпа рассыпалась и потянулась следом. Все заволокло туманной дымкой. На западе в тучах образовался просвет, сквозь который проглядывало синее небо. Они глядели, как бесшумный ветер на высоте разгоняет облака.

— Может, еще развиднеется, — заметил Мак и повернулся к Джиму: — А я и забыл про тебя… Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо.

— Но все же не думаю, что тебе стоит пешком весь путь идти. Лезь-ка ты в грузовик.

— Нет, я лучше пешком. Парни не поймут, если я на грузовике поеду.

— Я все предусмотрел. Парни, что гроб несли, тоже на грузовике поедут. Так что все будет в порядке. Все готово, Лондон?

— Готово.

Глава 13

Гроб стоял в кузове грузовика-«додж» с опущенными бортами, а разместившиеся по бокам от него носильщики сидели, свесив с бортов ноги. Джим устроился в изножье гроба и тоже свесил ноги. Двигатель стучал, фыркал и кашлял. Альберт Джонсон вывел грузовик со стоянки и остановился, дожидаясь, когда выстроится колонна по восемь человек в ряду. Затем он включил малую скорость и медленно двинулся по дороге, а люди поволоклись за ним. Сотня стражников, оставшихся в лагере, глядели вслед удаляющейся процессии.

Поначалу люди старались держать шаг и идти в ногу, приговаривая «раз-два», но вскоре выдохлись. Они шаркали, бредя по гравию. Поднялся тихий гул разговоров, но из уважения к покойнику каждый старался приглушить голос.

Там, где начиналась бетонка, их поджидала дорожная полиция — с десяток полицейских на мотоциклах. Капитан, ехавший в «родстере», крикнул: «Мы не мешать вам приехали! Мы всегда сопровождаем шествия!»

Шаги по бетону теперь отдавались звучным шелестом. Люди брели как попало, вразброд. Лишь приблизившись к городским окраинам, они подтянулись и выровняли колонну. В палисадниках и на тротуарах стояли горожане, глядя на процессию. Многие при виде гроба снимали шапки. Но от мечтаний Мака все это было далеко. На каждом перекрестке полицейские перенаправляли городской транспорт, освобождая путь похоронной процессии. Когда шествие добралось до центра Торгаса, выглянуло солнце, и под его лучами засверкали мокрая мостовая и тротуары. Теперь, когда солнце нежданно принесло тепло, от промокшей одежды участников процессии повалил пар. Вскоре на тротуары высыпали любопытные — поглазеть на гроб, и под их взглядами все подтянулись и шли стройнее. Ряды сомкнулись. Люди шли, печатая шаг, и лица их были торжественно-важны. Никто не мешал процессии — дорогу освободили от транспорта.

Следуя за грузовиком, они прошли по городу, миновали пригород и вышли за городскую черту. Пройдя так с милю, они приблизились к кладбищу округа — маленькому, заросшему травой. Над свежими могилами высились металлические столбики с именами и датами. В задах кладбища

была навалена куча мокрой земли. Грузовик встал у ворот. Носильщики, спрыгнув из кузова, приняли гроб и вновь понесли его на плечах. Полицейские на мотоциклах ожидали, оставшись на дороге.

Альберт Джонсон вытащил из-под сиденья два троса и побрел за носильщиками. Люди смешали ряды и тоже двинулись следом. Джим спрыгнул с грузовика и хотел присоединиться к остальным, но Мак перехватил его.

— Пусть они все доделают. Главное было — марш. Мы их здесь подождем.

В ворота вошел рыжеволосый юноша и направился к ним.

— Знаете парня по имени Мак? — спросил он.

— Парень по имени Мак — это я!

— Ну а парень по имени Дик вам известен?

— Конечно.

— Точно? А фамилия его как?

— Халсинг. Что с ним?

— Ничего. Он вам записку прислал.

Мак развернул листок, прочел.

— Черт! — воскликнул он. — Полюбуйся-ка, Джим!

Джим взял записку. Она гласила:

Леди сдалась! Она владелица фермы — Р.Ф.Д,

Галлинас-роуд, почт. ящик 221. Срочно высылай грузовик. В нашем распоряжении две коровы, старые, молодой бычок и десять мешков лимской фасоли. Пришли парней забить коров.

P.S. Дик прошлым вечером чуть не попался.

P.P.S. Топорищ всего двенадцать штук.

Мак закатился смехом.

— Господи Иисусе! Святой Боже наш! Две коровы, теленок и фасоль. Теперь сможем протянуть какое-то время. Сбегай-ка, Джим, разыщи Лондона. Пусть пулей летит сюда!

Джим сорвался с места и протиснулся в толпу. Уже через минуту он вернулся с торопливо шагавшим с ним рядом Лондоном.

— Он рассказал тебе, Лондон? — крикнул Мак.

— Сказал, что добыли еду.

— Да, черт возьми! Две коровы и теленок. Десять мешков фасоли! Ребята могут хоть сейчас на этом грузовике отправляться!

С той стороны кладбища, где собрался народ, доносилось постукивание комьев земли о крышку гроба.

— Знаешь, стоит наполнить брюхо мясом и фасолью, и начинаешь радоваться жизни, — сказал Мак.

— Да, хороший кусок мяса был бы очень кста-

ти, — заметил Лондон.

— Слушай, Лондон, я с грузовиком отправлюсь. Выдели мне десяток парней для охраны. Джим, можешь со мной поехать? — В голосе Мака звучало сомнение. — Где бы нам дров достать? Дрова на исходе… Знаешь, Лондон, пусть каждый из парней притащит одну-две лесины — доски заборные, куски деревянной обшивки водостока, все что угодно пусть берут. Объясни им, для чего это. А когда вернетесь, выройте яму и разведите в ней костер. В этих чертовых старых автомобилях тоже найдется полно хлама в костер подбросить. Чтоб дым коромыслом! И поддерживайте огонь. — Он повернулся к рыжему парню: — Галлинас-роуд, где это?

— Не больше мили отсюда. А по пути вы меня сбросите.

— Я возьму Альберта Джонсона и ребят, — решил Лондон и поспешил прочь, растворившись в толпе.

Мак все не мог успокоиться и, тихонько посмеиваясь, бормотал:

— Надо же! Новая жизнь открывается. Дик — великий человек! Ей-богу, великий!

Джим видел, что толпа пришла в движение. Она заколыхалась, возбужденно забурлила.

Вихрясь, разбилась на потоки, хлынувшие к грузовику. Стоя в первых рядах, Лондон тыкал пальцем, отбирая людей. Толпа окружила грузовик, в ней раздавались крики и смех. Альберт сунул под сиденье испачканные грязной землей тросы и влез в кабину. Мак уселся рядом с ним и подал руку Джиму.

— Удержи парней, Лондон! — крикнул он. — Не давай им разбредаться!

Десять отобранных парней прыгнули в кузов.

И тут людей охватило игривое настроение. Они вцепились в откидной борт и держали машину, заставляя колеса крутиться вхолостую. Они лепили шарики из мокрой глины и швыряли их в парней в кузове. Полицейские на дороге стояли спокойно, ожидая.

Альберт Джонсон дернул сцепление и вырвался из толпы. Машина, тяжко пыхтя, выехала на дорогу. Двое полицейских, тут же нажав на педали мотоциклов, заняли свои места подле грузовика. Обернувшись, Мак через заднее окошко кабины взглянул на толпу. Кипучей волной она покидала кладбище. Потом толпа рассыпалась, и люди, поспешавшие за грузовиком по дороге, мгновенно заполонили ее всю. Полицейские тщетно пытались отвоевать место для проезда транспорта.

Веселые, торжествующие победу люди осыпали их шутками, толкали, обтекали со всех сторон, смеясь, точно дети. Грузовик вместе с эскортом свернул за угол, быстро удаляясь от толпы.

Альберт опасливо взглянул на спидометр.

— Похоже, меня смогут задержать за превышение скорости.

— Ты прав, черт возьми, — сказал Мак и повернулся к Джиму: — Пригнись, когда завидишь кого-нибудь на дороге. — Потом обратился к Альберту: — Если кто-нибудь нас задержать попробует, дави его без разговоров! Помнишь, что с грузовичком Дейкина случилось?

Альберт кивнул и снизил скорость до сорока.

— Еще не родился тот, кто меня остановит, — произнес он. — Я всю жизнь за баранкой — дай мне только ее в руки!

Через центр они не поехали, выбрав объездную дорогу, и, преодолев реку по деревянному мосту, очутились на Галлинас-роуд. Тут Альберт притормозил, чтобы дать сойти рыжеволосому. Когда грузовик двинулся дальше, парень легонько помахал ему вслед. Дорога шла между бесконечных рядов яблонь. Проехав так три мили, они оказались в подножиях холмов, где яблоневые сады редели, уступая место сжатым полям. Джим

следил за номерами на металлических почтовых ящиках на обочине.

— Двести восемнадцать! — возгласил он. — Теперь уже скоро!

Один коп повернул назад, возвращаясь в город, но другой продолжал патрулирование.

— Вот здесь, — показал Джим. — Вон те большие белые ворота.

Альберт направил грузовик к воротам и встал, в то время как один из парней, спрыгнув, отворил ворота. Коп выключил двигатель и прислонил мотоцикл к подпорке.

— Частное владение! — предупредил его Мак.

— Я здесь побуду, друг, — отвечал тот. — Только рядом, и все.

Впереди, в ста ярдах, под огромным раскидистым перечным деревом виднелся усадебный дом, а за ним маячил вместительный белый сарай. Из дома вразвалку вышел коренастый с соломенного цвета усами фермер и встал, поджидая их. Альберт подкатил к дому.

— Привет, мистер, — поздоровался Мак. — Ваша хозяйка разрешила нам приехать и забрать кое-что.

— Ага, — отозвался мужчина. — Я в курсе. Две старые молочные коровы и теленок-бычок.

— Мы можем забить их прямо здесь, мистер?

— Ну да. Сами сделаете. И уберите потом. Поаккуратнее, чтоб грязи не осталось.

— Где они, мистер?

— Я их в сарае держу. Там не режьте. А то грязь будет.

— Конечно, мистер. Заверни за сарай, Альберт.

Когда грузовик встал, Мак, обойдя его, спросил:

— Из вас кому-нибудь, парни, случалось корову забивать?

Но тут вмешался Джим:

— Мой старик на бойне работал. Я могу им показать. Сам сделать не могу — рука болит.

— Хорошо, — согласился Мак.

Фермер вышел из-за угла и направился к ним.

— У вас кувалда найдется? — обратился к нему Джим.

Фермер ткнул большим пальцем в сторону маленькой пристройки к сараю.

— А нож имеется?

— Угу. Отличный нож. Не забудьте потом вернуть.

Джим обратился к парням:

— Пусть пара ребят пойдут в сарай и перво-наперво бычка оттуда выведут. Вероятно, он самый резвый.

К ним спешил фермер с кувалдой, тяжелой, на короткой рукоятке, в одной руке и ножом в другой. Джим взял у него нож и оглядел его. Лезвие было отточено так, что сияло — гибкое и тонкое, а кончик напоминал иглу. Большим пальцем он тронул край лезвия.

— Острый, — сказал фермер. — Он всегда у меня острый. — Взяв опять нож, фермер обтер его рукавом, отчего отблеск сияния упал и на рукав. — Шермана сталь. Сталь хорошая!

Из сарая бегом выскочили четверо парней с рыжим годовалым бычком посередине. Вцепившись в веревку на его шее, они удерживали его плечами и упирались пятками в землю, пытаясь остановить рвавшееся от них животное.

— Вот здесь режьте, — сказал фермер. — Здесь кровь в землю уйдет.

— Кровь хорошо бы собрать, — заметил Мак. — Это ж отличное укрепляющее средство. Эх, была бы у нас посудина, в чем отвезти…

— Мой старик пробовал кровь пить, — сказал Джим. — А я не мог — тошнило. Давай, Мак, бери кувалду и вот сюда, в это место по голове бей — одним сильным ударом. — Нож он передал Альберту Джонсону: — Гляди: видишь, где я руку держу? Вот сюда и втыкай нож, как только Мак

свой удар нанесет. Здесь большая артерия проходит, ее и надо вскрыть.

— Как я узнаю, что вскрыл?

— Узнаешь, не волнуйся. Кровь фонтаном брызнет, как из полудюймовой трубки. Не забудьте в сторону отскочить, все вы!

Двое парней с двух сторон держали рвущегося теленка. От удара Мака у бычка подкосились ноги. Альберт, вонзив нож и вскрыв артерию животного, отшатнулся от мощного фонтана крови. Теленок забился в судорогах, а затем постепенно затих. На мокрой земле образовалась ярко-красная лужа густой крови.

— Просто стыд, что мы ее собрать не можем, — сокрушался Мак. — Нам бы бочоночек маленький…

— Ладно. Теперь следующую выводи, — распорядился Джим. — Сюда ее, вот на это место ставь!

Мужчины, с любопытством наблюдавшие за тем, как забивали бычка, к повторению подобной сцены отнеслись равнодушнее и, когда убивали двух коров, уже не теснились и не проталкивались вперед, чтобы получше разглядеть детали. Когда и со старыми коровами было покончено, а из горла животных медленно сочилась кровь, Альберт вытер куском мешковины липкий нож

и вернул его фермеру. Задним ходом он подвел грузовик ближе, а мужчины подняли тяжелые, обмякшие туши в кузов грузовика и уложили так, чтобы головы животных свешивались и кровь лилась на землю.

Мак повернулся к фермеру:

— Спасибо, мистер.

— Ферма не моя, — отвечал тот. — Как и коровы. Я только издольщик.

— Ну, тогда за то, что нож одолжили.

Мак помог Джиму влезть в кабину грузовика и, впрыгнув туда и сам, устроился рядом с ним. Правый рукав Альберта весь до плеча был красным от крови. Альберт включил медлительный, одышливый двигатель грузовика и осторожно повел по неровной, в выбоинах, дороге. У ворот его поджидал дорожный полицейский, и когда они выехали на главную дорогу округа, он последовал за ними чуть поодаль.

Сидевшие на мешках парни завели песню:

– Суп! О супе мечтаем одном,
О доброй тарелочке супа!

Полицейский заулыбался. Один из парней пропел, обращаясь к нему:

– Не странно ль, голубчик,

Что даже шериф

Голубым оказаться может...

В кабине Мак, наклонившись вперед и перегнувшись через Джима, попросил:

— Альберт, город надо подальше объехать. Провизию необходимо доставить в лагерь. Постарайся ехать проселками, пусть даже это и займет время.

Альберт хмуро кивнул.

Теперь светило солнце. Оно стояло высоко, но тепла не было.

Джим сказал:

— Ну, людям сейчас повеселее будет, взбодрятся, поди.

Альберт опять кивнул.

— Набьют себе брюхо мясом и спать завалятся.

Мак засмеялся.

— Удивляюсь я тебе, Альберт! Нет у тебя малейшего понимания идеи, что труд облагораживает.

— Нет понимания, — отозвался Альберт. — Ничего у меня нет: ни понимания, ни идеи, ни денег — ничего!

— И терять нечего, кроме своих цепей, — тихонько вставил Джим.

— Чепуха! — бросил Альберт. — Мне нечего

терять, кроме моих волос!

— Но у тебя же грузовик есть, — возразил Мак. — Как бы мы достали все это, не будь у тебя грузовика?

— Этот грузовик меня достал, — горько заметил Альберт. — Проклятая развалина скоро меня в гроб вгонит. — Он печально уставился вперед и, говоря, почти не шевелил губами. — Вот поработаешь, получишь три доллара прибытку и только начинаешь по сторонам глядеть, себе кралю высматривать, как ломается что-нибудь на этой рухляди и уходят твои три доллара на починку. Вечная история! Проклятый грузовик — что тебе жена ревнивая.

— При хорошем государственном устройстве, — убежденно и горячо заговорил Джим, — был бы у тебя хороший грузовик.

— Да? При хорошем государственном устройстве была бы у меня хорошая краля. Я не Дейкин. Ему только бы с грузовиком все в порядке было, а больше ничего не надо!

— Перед тобой человек, который знает, чего хочет, — обратился Мак к Джиму. — И хочет он вовсе не автомобиль.

— Вот она, идея, — сказал Альберт. — Это мне из-за коров поплохело, думаю. До того, как заби-

вал их, я в другом свете все видел.

Опять пошли бескрайние сады. Листва их была темной, и земля тоже темной от дождя. По сточным канавам на обочинах бурлили грязные дождевые потоки. Альберт кружил по проселочным дорогам, далеко оставляя город, и дорожный полицейский на мотоцикле неотступно следовал за ними, повторяя маневры грузовика. Сквозь кроны деревьев можно было различить дома, где жили владельцы ферм и издольщики.

Мак сказал:

— Если бы парни от дождя в уныние не впадали, то пусть бы он и шел, этот дождик. Яблокам он вроде не так уж и вредит.

— Как и моим одеялам, — мрачно заметил Альберт.

Парни в кузове хором грянули:

– Мы славу Лидии Пинкхем[11] поем
За добро, что несет она людям!

Альберт свернул на дорогу, что вела к ферме Андерсона.

— Отличная работа, — похвалил Мак. — Ты к городу даже не приблизился! Черт-те что могло

---

[11] Примечания: 11

Лидия Пинкхем — известная американская предпринимательница конца XIX в., организатор первой женской консультации.

выйти, если бы нас задержали и груз наш пропал!

— Глянь-ка на дым, Мак, — показал Джим. — Там костер что надо развели!

Синий дым клубился и стлался между стволами, почти не поднимаясь над кронами.

— Поезжай в конец лагеря, туда, где деревья, — посоветовал Мак. — Надо будет рубить мясо, а подвесить коров, кроме как на яблони, некуда.

На дороге стояли, поджидая их, люди. Сидевшие на мешках с фасолью парни вставали и, сняв шапки, раскланивались. Альберт, включив малую скорость, провел машину через толпу в дальний конец лагеря, к яблоням.

Лондон, а за ним и Сэм протиснулись через толпу истерически вопивших мужчин и женщин.

— Подвесьте туши! — крикнул Мак. — И слушай, Лондон, вели поварам рубить мясо потоньше, чтобы варилось быстрее. Проголодались парни-то!

Глаза у Лондона горели, как и у мужчин вокруг.

— Господи, неужто я поем наконец, — пробормотал он. — Мы уж отчаялись вас увидеть.

Через толпу пробрались повара. Животных подвесили на нижних ветвях деревьев, выпотро-

шили, содрали с них шкуры.

— Лондон! — кричал Мак. — Не давай им ничего выбрасывать! Пусть и кости сохранят, и головы, и ноги — они для супа пригодятся!

Таз с нарубленными кусками мяса потащили к яме. Толпа переместилась туда же, предоставив мясникам больше места для продолжения работы. Стоя на подножке грузовика, Мак наблюдал за происходящим, но Джим все еще оставался в кабине — сидел, согнувшись и расставив ноги, как бы оседлав переключатель скоростей. Мак с тревогой обернулся к нему:

— Ты что, Джим? У тебя все в порядке?

— Конечно. Порядок. Плечо только онемело совсем. Прямо пошевельнуться не могу.

— Застудил, наверно. Может, док тебе как-нибудь плечо разотрет?

Он помог Джиму вылезти из кабины и, поддерживая его под локоть, прошел вместе с ним туда, где готовилось мясо. Аромат стряпни, поднимаясь от костра, вился над лагерем, мясной жир брызгал на угли, и те, вспыхивая синими огоньками, яростно поглощали его. Люди окружили яму столь плотным кольцом, что поварам, чтоб помешать в котле длинными палками, ворочая мясо, приходилось расталкивать толпу. Мак по-

вел Джима к палатке Лондона.

— Схожу, попрошу дока зайти. А ты посиди здесь. Я принесу тебе мяса, когда готово будет.

В палатке царила полутьма. Слабый свет, пробивавшийся сквозь грубое полотно стенок, был серым. Когда глаза Джима привыкли к тусклому свету, он увидел Лайзу на ее тюфяке, сидевшую с укрытым платком ребенком. Она взглянула на него темными глазами без всякого удивления.

Джим сказал:

— Привет! Как поживаешь?

— Хорошо.

— Можно к тебе на тюфяк присесть? Я ослабел малость.

Лайза поджала ноги, подвинулась. Джим сел рядом с ней.

— Чем это пахнет так вкусно? — спросила она.

— Мясом. У нас теперь будет много мяса.

— Мясо я люблю, — сказала она. — Только его бы и ела.

В щели палатки показался темноволосый и худенький паренек, сын Лондона. Остановившись, он во все глаза глядел на пару.

— Болеет он, — поспешно проговорила Лайза. — Он ничего не делает, у него плечо болит.

— Да я что, — пробормотал парень, — я ничего

такого и не думал. — И, обращаясь к Джиму, пояснил: — Вечно она думает, что я бог весть чем ее считаю, а это вовсе и не так. — И с важностью добавил: — Я всегда говорил: если не веришь девчонке, то какой уж толк блюсти ее. Сука она сука и есть, но Лайза-то не такая. И нет у меня желания относиться к ней как к суке. — Он помолчал. — Там у них мясо. Много мяса. И фасоль привезли. Но ее на потом.

— Я и фасоль люблю, — сказала Лайза.

Парень продолжал:

— Ребята ждать не хотят, пока мясо готово будет. Едят, когда еще розовое внутри. Заболеют от такой неосторожности.

Полотнища входа широко раздвинулись, впустив доктора Бертона. В руках у него был горшок кипятка.

— На вид прямо святое семейство, — заметил доктор. — Мак сказал мне, что у тебя плечо онемело.

— И болит довольно-таки сильно, — признался Джим.

Док опустил взгляд, бросив его на девушку:

— Не могла бы ты выпустить ребенка из рук на некоторое время, чтобы сделать ему на плечо горячие припарки?

— Я?

— Да. Мне очень некогда. Стяни с него куртку и прикладывай смоченные горячей водой тряпки к его плечу. Рану водой постарайся не заливать.

— Думаете, у меня получится?

— Да почему же нет! И ведь он кое-что сделал для тебя. Давай сними с него куртку, спусти рубашку, а я занят. Приду перевязку ему сделаю, когда ты закончишь. — И он вышел.

— Хочешь, чтобы я это сделала? — спросила девушка.

— Конечно. Почему бы нет? Ты сможешь.

Девушка передала ребенка мужу и помогла Джиму снять синюю джинсовую куртку и спустить рубашку.

— Ты что, белья не носишь?

— Не ношу.

После этого она молча стала прикладывать мокрые горячие тряпки к его плечу, пока боль и онемение не ослабли. Пальцы девушки двигались, смачивая тряпку, потом ласково прижимали ее к плечу. Опять опускали в воду, опять прижимали, снова и снова, а молодой ее муж глядел на эту сцену. Вскоре доктор Бертон вернулся, пришел и Мак, неся на палочке большой кусок говядины.

— Лучше тебе теперь?

— Лучше. Гораздо лучше. Она прекрасно все делает.

Девушка отстранилась, застенчиво опустив взгляд. Бертон ловко перебинтовал Джиму рану, и Мак передал ему большой кусок мяса.

— Я уже посолил его, — предупредил он. — Бертон говорит, что лучше тебе сегодня никуда больше не бегать.

Бертон кивнул.

— Ты можешь простудиться, — сказал он. — Лихорадить начнешь. Тогда вообще никуда не годен будешь.

Джим рвал зубами и жевал жесткое мясо.

— Ребятам мясо понравилось? — осведомился он.

— Распетушились бог знает как. Думают теперь, что им сам черт не брат. Готовы выйти и поквитаться с кем-нибудь. Я знал, что так и будет.

— Они сегодня пикетировать будут?

Мак ответил не сразу.

— Ты уж точно нет. Будешь здесь сидеть, в тепле.

Джоуи передал жене ребенка.

— Там мяса много, мистер?

— Конечно.

— Ну, я тогда схожу принесу для Лайзы. И для

себя тоже.

— Давай принеси. Послушай, Джим. Не страдай ты так. Сегодня ничего важного не предвидится. Ведь дело уже к вечеру идет. Лондон собирается послать парней на машинах разведать, много ли скэбов к работе приступило. Посмотрят, сколько их и где работают, а уж завтра утром мы начнем принимать меры. Прокормить парней пару-другую дней мы теперь сможем. Тучи рассеиваются. Погода будет ясная и холодная, ради разнообразия.

— А про скэбов ты чего-нибудь слышал? — спросил Джим.

— Нет, считай, ничего. Кто-то говорил, что их грузовиками свозят и под охраной. Но верить слухам в лагере — дело последнее. Для слухов лагерь — место самое подходящее.

— Сейчас тишина гробовая. Притихли ребята.

— Еще бы! Как же иначе. Сейчас у них рты едой заняты. А вот завтра мы начнем бучу. Долго бастовать мы не можем, значит, надо бастовать громко.

С дороги послышался гул приближающейся машины. Вскоре он замер. Возле палатки раздались громкие голоса. Затем голоса смолкли. В палатку просунулась голова Сэма.

— Лондон здесь? — спросил он.

— Нет. А что такое?

— Там какой-то сукин сын расфуфыренный на сверкающем авто хочет главаря забастовщиков повидать.

— Зачем?

— Не знаю. Сказал, что хочет видеть главаря.

— Лондон там, у ямы, — сказал Мак. — Передай ему, пусть подойдет. Возможно, парень этот переговорщик.

— Ладно. Передам.

Не прошло и минуты, как в палатку вошел Лондон, — а следом за ним и полный, благообразного вида мужчина в строгом сером костюме. Розовощекий, чисто выбритый, волосы почти бесцветные. Добродушные гусиные лапки морщин возле глаз. Каждое слово сопровождает улыбка — открытая, дружеская. К Лондону он обратился словами:

— Вы в этом лагере председатель?

— Ага, — с подозрением в голосе ответил Лондон. — Меня главным здесь выбрали.

Вошел Сэм и встал за спиной Лондона. Смуглое лицо его было мрачно, брови нахмурены. Мак сидел на корточках, пальцами помогая себе сохранить равновесие. Незнакомец улыбнулся.

Сверкнули зубы — белые, ровные.

— Звать меня Болтер, — по-простецки представился он. — Я владелец крупного яблоневого сада и недавно избранный президент Союза садоводов этой долины.

— И что из того? Желаете предложить мне хорошую работу, если продамся?

Улыбка на лице Болтера не погасла, но чистые розовые его ладони, дрогнув, слегка сжались.

— Давайте попробуем начать разговор заново и получше, — просительно сказал он. — Я сказал вам, что президентом избран недавно. А это означает изменение политического курса. Я не согласен с тем, как велись дела раньше.

Пока он говорил, Мак глядел не на него, а на Лондона.

Лицо у Лондона уже не было таким сердитым, гнев его ослабел.

— И с чем же вы пришли? — спросил он. — Выкладывайте.

Болтер огляделся, ища, куда бы сесть, но сесть было не на что. Он сказал:

— Никогда не мог понять, как можно надеяться победить в споре, лаясь друг с другом. Я всегда придерживался мнения, что как бы ни были взбешены люди, стоит им сесть за стол друг на-

против друга, и хороший результат не заставит себя ждать.

— Но стола-то у нас нет! — ухмыльнулся Лондон.

— Вы понимаете, что я имею в виду, — продолжал Болтер. — Все в Союзе уверяли, что вы, забастовщики, не станете слушать голоса разума. Но я возражал им, говоря, что знаю американских рабочих. Дайте американским рабочим услышать что-нибудь разумное, и они станут это слушать.

— Ну, мы же вас слушаем, разве не так? — процедил Сэм. — Вот и скажите нам что-нибудь разумное!

Болтер сверкнул белозубой улыбкой и оценивающе окинул взглядом собравшихся.

— Пожалуйста! Хотите знать, что я им сказал? Я сказал: «Дайте мне выложить на стол наши карты, а они пусть выложат свои, и увидите — это поможет!»

— Вам бы в Конгресс… — пробормотал Мак.

— Простите?

— Да это я так, соседу, — сказал Мак.

Лицо у Лондона опять посуровело.

Болтер продолжал:

— За этим я и приехал — выложить на стол

наши карты. Я говорил вам, что являюсь владельцем сада, но не думайте, что из-за этого я не болею за ваши интересы. Всем известно, что делать деньги можно, только когда работник доволен и счастлив. — Он помолчал, ожидая реакции. Ее не последовало. — На мой взгляд, дело обстоит следующим образом: вы теряете деньги, и мы теряем деньги, потому что лаемся друг с другом. Мы хотим, чтобы вы вернулись к работе. Тогда вы получите ваш заработок, а мы собранный урожай. После чего и вы, и мы будем рады и счастливы. Ну как, вернетесь к работе? Без недомолвок, без обид — как два человека, все уладившие, все рассчитавшие за столом переговоров?

— Конечно, мы вернемся к работе, мистер, — сказал Лондон. — Разве ж мы не американские рабочие? Только повысьте нам оплату, как мы хотим, и гоните в шею скэбов, и тогда завтра же с утра мы взберемся на старые ваши яблони.

Болтер широко улыбнулся всем и каждому по очереди.

— Что ж, я считаю, что повышение оплаты необходимо, — кивнул он. — И так и заявил всем. Но я не очень хороший бизнесмен. Другие члены Союза мне это объяснили. Учитывая цену на яблоки, мы платим вам по максимуму. Если

увеличить оплату, мы потеряем деньги.

— Наверно, мы все-таки не настоящие американские рабочие, — осклабился Мак. — Все, что вы сказали, разумным мне не кажется. Пока что это больше смахивает на гору дерьма!

— Они потому оплату поднять не могут, — заговорил Джим, — что это означало бы, что забастовку мы выиграли, а если у нас это получилось, другие бедолаги забастуют. Не так ли, мистер?

Болтер удержал на лице улыбку.

— Я с самого начала считал, что вы заслуживаете повышения, но тогда мой голос не имел силы. Теперь я президент Союза и по-прежнему так считаю. Я объявил Союзу, что намерен сделать. Некоторым это не понравилось, но я настаивал на необходимости повышения. Я хочу предложить вам двадцать центов. Без недомолвок, без обид. И завтра утром ждем вас на работе.

Лондон оглянулся на Сэма и засмеялся — таким мрачным тот выглядел. Он шутливо шлепнул по плечу тощего Сэма и произнес:

— Мистер Болтер, повторю слова Мака: «Наверно, мы все-таки не настоящие американские рабочие». Вы предлагали выложить карты на стол, и свои карты выложили — только рубаш-

ками вверх. Теперь выложим мы наши карты, и, богом клянусь, в рукаве у нас ничего нет. Ваши проклятые яблоки должны быть сняты, но мы не будем их снимать без повышения, какое желаем мы. И никто другой не будет их снимать. Как вам такое условие, мистер Болтер?

Вот тут наконец улыбка слиняла с лица Болтера. Он сурово произнес:

— Американская наука достигла величия, потому что каждый американец внес в это величие свою лепту, помогая его созиданию. Американский труженик — это лучший и самый высокооплачиваемый труженик!

— Может, какой-нибудь китаеза и согласен получать по полцента в день и жить на это! — в сердцах бросил Лондон. — Да какое нам дело до расценок! Мы жрать хотим!

Болтер опять натянул на лицо улыбку.

— У меня есть дом, есть дети, — заговорил он. — Я много и упорно работал. Вы думаете, я не такой, как вы, из другого теста. А я хочу, чтобы вы увидели во мне такого же трудящегося, рабочего человека. Все, что я имею, заработано своим горбом. Ходят слухи, что среди вас проводят работу радикалы. Я не верю этим слухам. Американцы, хранящие верность американским идеалам, не

станут слушать радикалов. Мы в одной лодке. И переживаем трудное время. Мы стараемся продержаться, выплыть и должны помогать друг другу.

— Ой, да бросьте вы, ради Христа! — вдруг вскинулся Сэм. — Имеете что сказать, говорите, а дребедень эту — к черту!

Болтер бросил на него грустный взгляд.

— Ну а на полдоллара вы согласны?

— Нет, — отрезал Лондон. — Если только под палкой!

— Почему вы думаете, что людей это не устроит, если проголосовать?

— Послушайте, мистер, — ответил Лондон, — у ребят так накипело, что они с вас шкуру спустят, если сунетесь к ним с таким хитрым предложением. Мы бастуем за нашу надбавку. Мы пикетируем ваши сады, будь они неладны, и не даем спуску скэбам, которых вы сюда нагоняете. Кончайте юлить и выложите нам наконец, что будет, если мы не согласимся. Переверните эти ваши карты паршивые рубашкой вниз. Что вы станете делать, если мы не отступим?

— «Бдительных» на нас напустят, — сказал Мак.

— Никаких «бдительных» мы не знаем, — по-

спешно возразил Болтер, — но если возмущенные граждане собираются вместе, чтобы обеспечить мир в нашем округе, то это их дело. — Лицо его вновь озарилось улыбкой. — Неужели вам, парни, неясно, что если вы атакуете наши дома, наших детей, то мы просто обязаны их защищать? Разве вы не стали бы защищать своих детей, будь вы на нашем месте?

— Да чем, по-вашему, мы занимаемся? — завопил Лондон. — Мы и стараемся защитить наших детей от голода. Не надо про детей, а не то мы просто за себя не ручаемся!

— Все, чего мы желаем, это уладить дело мирно, — сказал Болтер. — Граждане Америки требуют восстановления порядка, и могу заверить вас, что порядок будет восстановлен, если мы обратимся к губернатору с просьбой помочь нам войсками.

Губы у Сэма нехорошо сжались.

— Это вы порядок восстанавливаете, когда стреляете в нас из окон, трусы несчастные! — крикнул он. — И во Фриско, когда вы колесами давили наших женщин, это было для порядка! Или вот в газетах читаем: «Сегодня утром погиб забастовщик, бросившийся на штык». На штык, оказывается, он бросился! Сам!

Лондон обнял за плечи взбешенного товарища и потихоньку отстранил его от Болтера:

— Полегче, Сэм. Перестань сейчас же. Угомонись!

— Иди ты к черту! — выкрикнул Сэм. — Сам стой тут и глотай все дерьмо, которое этот пустобрех тебе втюхивает!

Лондон внезапно напрягся. Огромный его кулак рассек воздух и врезался Сэму прямо в лицо. Тот упал. Лондон встал над ним, недоуменно глядя вниз. Мак так и покатился со смеху.

— Забастовщик бросился на кулак! — выговорил он.

Сэм поднялся, сел.

— Ладно, Лондон — сказал он. — Твоя взяла. Не стану я больше шуметь. Но не был ты во Фриско в Кровавый четверг…

Болтер не сдвинулся с места.

— Я надеялся, что вы прислушаетесь к разумным доводам. У нас есть информация, что на вас оказывают давление радикалы, засланные сюда организациями красных. Они ведут вас по скользкой дорожке, заманивают ложью. А на самом деле единственное, чего они хотят, это устроить смуту. Это профессиональные смутьяны, за организацию забастовок они деньги получают.

Мак распрямился, встав с корточек.

— Иными словами, это грязные подонки, вражеские лазутчики, которые толкают американских тружеников на гибельный путь? Двурушники, возможно проплаченные Россией? Так, мистер Болтер?

Обернувшись, Болтер мерил его долгим взглядом, и здоровый румянец медленно сползал с его лица.

— Вы хотите заставить нас драться, как я полагаю, — сказал он. — Жаль. Я пришел с миром. Радикалы нам известны, и мы вынуждены будем принять против них меры. — Он умоляюще взглянул на Лондона: — Не ведитесь на их обман! Вернитесь к работе. Мы настроены на мир. И только.

Лондон хмуро взглянул на него.

— Хватит, — отрезал он. — Наслушались. Вы настроены на мир? А что мы такого сделали? Два раза прошлись маршем? А что сделали вы? Застрелили троих наших людей, сожгли грузовик и фургон-закусочную и перекрыли поставки нам продовольствия. Мне ваша ложь поперек горла, мистер! Постараюсь, чтобы вы убрались отсюда в целости и не попались в руки Сэму, но не присылайте к нам больше никого, если не готовы

говорить прямо и по делу!

Болтер печально покачал головой:

— Мы не хотим драться с вами. Хотим, чтобы вы вернулись на работу. Но если вы вынуждаете нас драться, то оружие у нас есть. Чиновники очень обеспокоены санитарным состоянием лагеря. Власти не одобряют того факта, что в нашем округе развозят непроверенное мясо. Граждане устали от беспорядков. И, разумеется, в случае необходимости мы можем вызвать войска.

Поднявшись, Мак выглянул наружу через щель у входа. Вечерело. Было очень тихо, потому что люди стояли, не сводя глаз с палатки Лондона. Лица, обращенные к палатке, в сумраке казались очень бледными.

— Все в порядке, братцы! — гаркнул Мак. — Мы вас не продадим! — И, обернувшись назад, попросил: — Зажги свет, Лондон. Хочу сказать этому другу народа пару теплых слов.

Лондон сунул спичку в жестяную лампу и подвесил ее к шесту палатки, откуда полился бледный, но ровный свет. Мак встал напротив Болтера, и его тяжелое, в складках лицо расплылось в насмешливой улыбке.

— Слушайте, Сонни Бой[12] вы наш, — заговорил Мак. — Вы тут на себя важность напускали, но я-то чувствую, как на самом деле у вас поджилки трясутся от страха. Согласен, вы можете сделать все, о чем говорили, но подумайте сами, что из этого выйдет. Санитарный надзор сжег палатки в Вашингтоне, и это стало одной из причин, почему Гувер проиграл на выборах: он потерял голоса рабочих. Во Фриско хозяева призвали на помощь гвардию, и в результате чуть ли не весь город, черт возьми, перешел на сторону бастующих. Настраивая общественное мнение против забастовки, вы с помощью полицейских заставили нас голодать. Я не говорю, мистер, хорошо это или плохо, я лишь излагаю факты. — Мак на шаг отступил от Болтера. — Откуда, по-вашему, у нас одеяла, лекарства, деньги? Вам отлично известно, черт возьми, кто нам все это предоставляет. Стоит порыскать чуток, и тут же выясняется, что в долине полно сочувствующих. Ваши «возмущенные граждане», как оказывается, порядком возмущены вами, мои милые, и вы это знаете. Как знаете также и то, что если немного перегнуть палку в смысле жесткости, то свое слово скажут

[12] Примечания: 12

Сонни Бой — известный американский блюз-музыкант 1920-х годов, прославившийся мастерской игрой на гармонике.

и профсоюзы. Забастуют водители грузовиков, ресторанная прислуга, сельскохозяйственные рабочие, все! И зная это, вы блефуете, но блеф ваш бесполезен. Наш лагерь в сто раз чище вшивых ночлежек, в которых вы нас содержите на ваших ранчо. Вы приехали к нам, чтобы попробовать нас запугать. Не выйдет.

Болтер сильно побледнел. Он отвернулся от Мака и обратился к Лондону.

— Я пытался заключить мир, — произнес он. — Вам известно, что этого человека прислал сюда штаб красных для организации забастовки? Берегитесь, чтобы не загреметь в тюрьму вместе с ним. Мы вправе защищать нашу собственность, и мы будем ее защищать. Я собирался говорить с вами по-человечески, но договариваться вы не захотели. Отныне дороги для вас перекрыты. Этим же вечером поступит распоряжение, запрещающее на всех дорогах округа шествия, марши и прочие скопления людей. Шериф командирует для этого тысячу помощников, если понадобится.

Лондон стрельнул глазами в Мака, и тот подмигнул ему.

— Послушайте, мистер, — сказал Лондон, — нам бы только вывести вас из лагеря в целости и

сохранности. Ведь когда ребята, что возле палатки стоят, узнают, что вы сейчас сказали, они же вас на части могут разорвать!

Болтер стиснул зубы, прищурился и расправил плечи.

— Не воображайте, что вам удастся меня запугать, — сказал он. — Я за дом свой и детей жизнь отдам, если понадобится. Но если тронете меня хоть пальцем, то всей вашей забастовке конец еще до утра.

Лондон напружил плечи и сделал шаг вперед, но Мак быстрым движением преградил ему путь.

— Парень правду говорит, Лондон. Он не из пугливых. Пугливых среди них пруд пруди, но не на такого напал. — Он повернулся к гостю: — Мистер Болтер, мы обеспечим вам выход из лагеря. Ведь теперь стороны поняли одна другую. Мы знаем, чего от вас ожидать, и уверены, что вы будете крайне осторожны в применении силы. Не забывайте о тех тысячах, что шлют нам еду и деньги. Они и на многое другое способны, если будет в том нужда. Пока что мы вели себя тихо, мистер Болтер, но если вы затеете с нами какую-нибудь грязную игру, мы устроим такой бунт, какой вы долго еще помнить будете!

— По-видимому, разговор наш окончен, — холодно произнес Болтер. — Мне очень жаль, но я вынужден буду доложить, что на половинную уступку вы не согласны.

— Половинную? — возмущенно произнес Мак. — Какая может быть половина от ничего? — И, понизив голос, уже спокойно сказал: — Ты, Лондон, пойдешь от него справа, а Сэм — слева, и постарайтесь, чтоб он выбрался благополучно. А потом, думаю, тебе надо будет сообщить парням то, что он сказал. Но не давай им выйти из-под контроля. Вели командирам держать ребят в узде. Как бы чего не вышло.

Взяв Болтера в кольцо, они провели его сквозь напирающую на них молчаливую толпу, проводили до автомобиля-купе и проследили за тем, как машина двинулась прочь от лагеря по дороге. Когда Болтер уехал, Лондон зычным голосом прокричал:

— Если желаете, ребята, айда к помосту! Я влезу на него и расскажу, что этот сукин сын нам предложил и что мы ему ответили.

Расталкивая людей, он пробирался через толпу, и толпа, возбужденно гудя, потянулась за ним. Повара оставили свои печки, где варили фасоль с оковалками говядины. Женщины выползали

из палаток, точно кроты из нор, и тоже присоединялись к толпе. Когда Лондон вскарабкался на трибуну, ее плотно обступили люди. Подняв головы, они глядели на высившуюся над ними в сумеречном свете фигуру.

Во время разговора с Болтером дока было не видно, не слышно, и можно было подумать, что он незаметно выскользнул из палатки, но, когда оттуда вышла вся группа, оставив в палатке на тюфяке только Джима и Лайзу, он выступил из угла и присел на краешек тюфяка рядом с ними. Доктор казался встревоженным.

— Будет свара, — пробормотал он.

— Так мы же этого и хотим, док! — воскликнул Джим. — Чем жестче будет схватка, тем большего эффекта можно от нее ждать.

Бертон бросил на него печальный взгляд.

— Ты видишь в этом какой-то выход, — сказал он. — Хотел бы и я его видеть. Но мне все это представляется бессмысленным. Жестоким и бессмысленным.

— Это должно иметь продолжение, — настаивал Джим. — Повторяться вновь и вновь, пока власть не перейдет к народу и люди не завоюют право владеть плодами своего труда.

— Как просто! — вздохнул Бертон. — Хорошо

бы и я мог считать, как все просто и ясно. — И он с улыбкой повернулся к девушке: — А ты как полагаешь, Лайза?

Она встрепенулась:

— Что?

— Спросить тебя хочу, что тебе надо было бы для счастья?

Она застенчиво потупилась, глядя на ребенка.

— Мне бы корову, — сказала она. — Я бы такую хотела, чтоб масло и сыр самой делать.

— Эксплуатировать корову хочешь?

— Что?

— Это я так, дурачусь. А у тебя была когда-нибудь корова, Лайза?

— В детстве, когда я маленькой была, мы держали корову, — ответила девушка. — Дед доил ее вроде как в чашку большую. И мы пили молоко. Оно теплое было на вкус. Вот это я бы хотела. И для ребенка это хорошо. — Док отвернулся от нее, а она все продолжала: — Корова траву ела, а иногда сено. Не всякий умеет коров доить. Они брыкучие.

— А у тебя была корова когда-нибудь, Джим? — спросил Бертон.

— Нет.

— Вот никогда мне не приходило в голову, что

корова — это контрреволюционный элемент, — заметил Бертон.

— Что ты такое несешь, док!

— Ничего. Должно быть, это потому, что мне грустно. В войну я в армии был. Сразу же, как отучился. И вот приносят одного из наших. Пулей грудь пробита, а потом доставили немца. Большеглазый такой. Ноги раздроблены. Я им раны обрабатывал, ворочал их, что чурки деревянные. А после, когда работа кончалась, иногда такая тоска нападала, так грустно становилось, вроде как сейчас. Грустно и одиноко.

— Надо держать в голове только конечную цель, док, — сказал Джим. — В результате нашей борьбы родится что-то очень хорошее. А значит, бороться стоит.

— Знаешь, Джим, я бы очень хотел так думать. Но мой маленький опыт подсказывает мне, что конечная цель по самой сущности своей неотделима от средств, которыми она достигается. И насилие, черт его дери, может породить одно лишь насилие.

— Не верю я в это, — возразил Джим. — Все великое рождается из насилия и прибегает к нему в начале.

— Не бывает никогда никакого начала, — ска-

зал Бертон. — И конца не бывает. По-моему, человек занят лишь одним — слепой и страшной борьбой за то, чтобы вырваться из прошлого, которое он не помнит, и достигнуть будущего, которое он не умеет ни предвидеть, ни понять. И на этом пути он встречает и преодолевает любые препятствия, кроме одного — себя самого. Себя он победить не может. И как же ненавидит себя человечество.

— Мы вовсе не себя ненавидим, — сказал Джим. — Мы ненавидим капитал, который нас угнетает!

— Противники ваши — тоже люди, Джим. Такие же, как вы. А человек себя ненавидит. Психологи утверждают, что самолюбие человека уравновешивается его ненавистью к себе. И это касается всех людей и всего человечества. Мы боремся с собой, а победить можем, лишь убивая других. Я одинок, Джим. И нет у меня ничего, что мог бы я ненавидеть. Что ты надеешься получить в конце, Джим?

Вопрос ошарашил Джима.

— Ты спрашиваешь про меня? — Он ткнул себя пальцем в грудь.

— Да. Про тебя. Чем закончится для тебя вся эта заварушка?

— Не знаю. И мне это не важно.

— Ну а если, предположим, у тебя из-за твоего плеча начнется заражение крови или ты помрешь от столбняка, а забастовка будет подавлена. Что тогда?

— Это не важно, — упрямо гнул свое Джим. — Было время, когда я думал то же, что и ты, док, но сейчас мне все это не важно.

— Как же ты стал таким, Джим? — спросил Бертон. — Как к этому пришел?

— Не знаю. Раньше я был одинок, а теперь — нет. Если и помру — это не важно. Все равно борьба не кончится. Я лишь малая часть ее. А она будет все расти и расти. Эта боль в плече мне даже по-своему приятна. И держу пари, что Джой перед смертью пережил минуту счастья. Был у него момент, когда он был счастлив.

Снаружи донеслись звуки — бубнящий хриплый голос, чьи-то выкрики, и вдруг сердитый рев толпы, похожий на рев разъяренного зверя.

— Лондон им рассказывает, — заметил Джим. — Они в бешенстве. Толпа может обезуметь так, что самый воздух наполнится безумием. Тебе этого не понять, док. Мой старик дрался в одиночку. Когда его избивали, то избивали только его, и он был как побитая собака. Я помню, каким одиноким

он тогда выглядел. А я вот больше не одинок, и избить меня нельзя, потому что я — это больше, чем я!

— В чистом виде религиозный экстаз! Понимаю! Похоже на совместное причастие кровью Агнца.

— При чем тут религия, черт побери! — завопил Джим. — Речь идет о людях, а не о Боге! Это-то ты способен понять?

— Разве не может сообщество людей стать Богом, а, Джим?

Лицо Джима скривилось, все тело его выразило страдание.

— Ты очень много умных слов говоришь, док! Строишь ловушку из слов и сам же в нее попадаешь! Но меня тебе в ловушку не поймать, я знаю, что делать. Слова твои для меня — пустой звук, и поколебать меня они не могут!

— Да успокойся ты, — ласково произнес Бертон. — Не кипятись! Зачем так волноваться! Я же вовсе не спорю. Но я хочу разобраться в фактах, мне нужна информация, а вы все моментально в бутылку лезете, если задать вам вопрос!

По мере того как сумерки переходили в ночную тьму, лампа, казалось, увеличивала яркость, а желтый свет ее начинал проникать все глубже,

постепенно захватывая даже самые дальние углы палатки.

Мак вошел незаметно, словно ускользая от шума и криков вокруг.

— Парни озверели совсем, — сообщил он. — И опять есть хотят. На ужин фасоль с мясом отварным будет. Я так и знал, что от мяса они распетушатся. Требуют теперь приказа выступить и жечь усадьбы.

— Что там на небе? — спросил Бертон. — Дождик опять не намечается?

— Нет. Прояснилось, и звезды светят. Погода обещает быть хорошей.

— Мне надо поговорить с тобой, Мак. У меня препараты на исходе. Очень нужно дезинфицирующее средство. И салварсан[13] тоже лишним не будет. Любая эпидемия для нас гибель.

— Да знаю я, — сказал Мак. — Я уже послал в город весточку о том, как обстоят дела. Парни рыщут в поисках денег. Дейкина из тюрьмы хотят перво-наперво вызволить. По мне, так пускай бы он посидел пока — ничего страшного.

---

[13] Примечания: 13

Салварсан (известный также как «лекарство 605») — торговое наименование арсфенамина, лекарственного средства, широко использовавшегося в 1930-е годы при лечении сифилиса и прочих спирохетальных инфекций.

Бертон поднялся с тюфяка.

— Ты ведь можешь указывать Лондону, как и что делать, правда? А на Дейкина все деньги не уйдут.

Мак окинул его внимательным взглядом:

— Что с тобой, док? Плохо себя чувствуешь?

— В каком смысле?

— В смысле перемены настроения. Вид у тебя усталый. Что стряслось, док?

Бертон сунул руки в карманы.

— Не знаю. Наверно, это от одиночества. Я ужасно одинок. Работаю в одиночку, а зачем работаю — сам не знаю. Остальные хотя бы ради денег стараются и за компанию. Как бьются сердца, я только через стетоскоп слушаю, а вы все это в воздухе улавливаете.

Он вдруг наклонился и, взяв Лайзу за подбородок и приподняв голову девушки, поймал ее застенчиво убегающий от него взгляд. Рука Лайзы медленно поднялась, легонько потянула Бертона за кисть, отводя его руку. Он отпустил ее, и рука его опять вернулась в карман.

— Надо бы познакомить тебя с какой-нибудь женщиной, док, — сказал Мак, — но в таких делах я тебе не помощник. Я человек приезжий, никого тут не знаю. Дик мог бы тебя направить.

За ним небось баб двадцать увивается — в очередь выстроились! К тому же тебя могут поймать и засадить в тюрьму, а без твоего контроля нас отсюда в два счета вышибут.

— Иной раз ты понимаешь все так тонко, Мак, — сказал Бертон, — даже слишком тонко, а иной раз — ничего не понимаешь. Думаю, схожу-ка я Эла Андерсона навещу. Целый день у него не был.

— Ладно, давай сходи, если это тебе настроение улучшит. А за Джимом я пригляжу.

Док, бросив последний взгляд вниз, на Лайзу, вышел.

Крики снаружи смолкли, перейдя в негромкие разговоры. Ночь дышала голосами.

— Док ничего не ест, — сокрушенно заметил Мак. — И чтобы спал он, тоже что-то не видно. Думаю, не выдержит он, сломается — раньше или позже. Очень ему женщина нужна, такая, чтобы любила его ночью, искренне любила, ну, ты понимаешь. Ему надо чувствовать, что кто-то рядом есть, кожей чувствовать. Да и мне это нужно тоже. Ты, маленькая негодница, счастливый человек: у тебя малый твой есть. Да и я к тебе неровно дышу, околдовала ты меня!

— Чего?

— Я про малыша спросил. Как он?

— Хорошо.

Мак с важностью кивнул Джиму:

— Люблю я неболтливых девушек!

— Что там происходило-то? — спросил Джим. — Мне уже обрыдло тут торчать!

— Ну, Лондон передал ребятам, что тот Сонни Бой заявил, и поставил на голосование вопрос о доверии. Доверие, ясное дело, он получил и сейчас пошел с командирами отрядов переговорить насчет завтрашнего.

— Завтрашнего чего?

— Сонни Бой не соврал о распоряжении. К завтрашнему дню все шествия и передвижения по главной дороге округа парням запретят. Это будет считаться противозаконным. Правда, не думаю, что в распоряжении будут упомянуты грузовики. Так что вместо того, чтобы пикетировать сады, мы собираемся послать летучие отряды на грузовиках. Атакуем одну группу скэбов — и айда на грузовики, улизнули — атакуем другую. Должно сработать.

— Где мы горючее возьмем?

— Скачаем из всех машин и зальем в баки тех грузовиков, что выделим. На завтра хватит. А на следующий день придумаем что-нибудь другое.

Если завтра удастся ударить чувствительно, то послезавтра сможем сделать передышку, подождать, пока новую партию скэбов доставят.

— А я могу завтра участвовать? — спросил Джим.

— Да какая от тебя польза будет? — возмутился Мак. — Ребята, которые поедут, должны быть бойцами первый класс. А ты только место занимать будешь с этой твоей рукой увечной!

Резким движением раздвинув полотнища входа, в палатку вошел Лондон. Лицо его сияло довольством.

— Ребята разбушевались не на шутку, — доложил он, — ярятся весь Торгас на уши поставить.

— Не давай им особой воли-то, — посоветовал Мак. — Сейчас, когда у них брюхо набито, они могут разойтись так, что после и не соберешь.

Подвинув к себе ящик, Лондон сел.

— Жратва почти готова. Повар сказал. Я вот что спросить тебя хочу, Мак. Все говорят, что ты, Мак, красный. Те два парня, что приезжали, в один голос говорили, что красный. А они, похоже, все про тебя знают.

— Серьезно?

— Скажи мне правду, Мак. Ты и Джим тоже — красные?

— А сам-то ты как считаешь?

Глаза у Лондона сердито сверкнули, но он сдержался.

— Не злись, Мак, только, по-моему, неправильно это, если те, кто против нас, знают о тебе больше моего. Ведь что я, черт возьми, знаю? Только то, что явился ты в мой лагерь и круто повел дело. С вопросами я к тебе не лез ни разу и сейчас не стану, но знать все-таки должен, чего нам ожидать.

Мак выглядел озадаченным. Он покосился на Джима:

— Тебе это как?

— Я — за.

— Слушай, Лондон, — начал Мак. — Все здесь тебя любят. Сэм, так тот голову готов оторвать всякому, кто тебя пальцем тронет.

— У меня хорошие друзья, — кивнул Лондон.

— Ну да, причина в этом. И я отношусь к тебе точно так же. Предположим, я красный, что тогда?

— Останешься мне другом, — ответил Лондон.

— Отлично. В таком случае знай, что я и вправду красный, и никакого секрета, черт возьми, в этом нет. Говорят, что забастовку начал я. Давай поставим все точки над «i». Я был бы счастлив,

если бы так и было. Но этого не случилось: забастовка началась сама собой.

Лондон вглядывался в Мака с настороженным вниманием, будто поверяя его сознание своим.

— Что ты с этого имеешь? — спросил он.

— Если ты про деньги, то ни черта.

— Тогда зачем ты этим занимаешься?

— Трудно объяснить. Вот скажи, какие чувства ты питаешь к Сэму, ко всем парням, что ездят с тобой? Ну а я то же самое питаю ко всем батракам, ко всем рабочим в стране.

— К парням, которых ты даже и не знаешь?

— Да, к парням, которых я даже и не знаю! И Джим, который вот здесь рядом сидит, он такой же, ничем не отличается.

— Тебя послушать — прямо безумие какое-то, — сказал Лондон. — Или розыгрыш. И никаких денег тебе не платили?

— «Роллс-ройса» возле меня ты вроде не видал, правда же?

— Ну а после?

— После чего?

— Может, после, когда все кончится, ты и огребешь.

— Никакого «после» не будет. Кончится эта забастовка, мы займемся следующей.

Лондон посмотрел на него с прищуром, словно силясь проникнуть в его мысли.

— Хочу тебе верить, — раздумчиво сказал он. — Пока ты, похоже, за нос меня не водил.

Мак потянулся к нему и с силой хлопнул по плечу.

— Я и раньше бы тебе сказал, да ты не спрашивал.

— Я-то ничего против красных не имею, — сказал Лондон. — А вот кругом только и слышно, что красные — это прохвосты и сволочь. Сэм, он как змея гремучая, близко не подходи — куснет. И характер у него — не дай бог какой вспыльчивый, но он не сволочь. Ладно. Пойдем подзакусим.

Мак встал.

— Пойду я, Джим. Принесу тебе и Лайзе чего-нибудь пожевать на ужин.

— Луна восходит красиво, — сказал, выбираясь из палатки, Лондон. — Не знал я, что полнолуние.

— Какое полнолуние? Где ты видишь луну?

— А вон там, посмотри. Похоже на восход луны.

— Но это же не восток никакой, — сказал Мак. — О господи! Это у Андерсона! Лондон! — завопил он. — Андерсона подожгли! Собирай народ! Да-

вай! Черт их дери! Где этот караул? Быстро ребят зови!

И он со всех ног помчался в сторону разгоравшегося за деревьями зарева.

Одним прыжком Джим сорвался с тюфяка. Спеша за Маком и отставая от него всего на пятьдесят шагов, боли в руке он не чувствовал. Он услышал зычный голос Лондона и вслед за тем шлепанье множества ног по мокрой земле. Добежав до деревьев, он припустил еще шибче. За деревьями по небу грибом расползалось зарево. Но это был не просто алый отблеск: небо острым копьем пронзали, высвечивая верхушки деревьев, огненные вспышки-сполохи, а топот множества ног перекрывало отвратительное потрескивание.

Впереди раздавались пронзительные крики и что-то похожее на приглушенные стоны. От яркого света на землю ложились черные тени деревьев. Аллея упиралась в стену огня, на фоне которой мельтешили темные людские фигуры. Джим различал бегущего впереди Мака, слышал его тяжкое топотанье и все нараставший, близящийся одышливый гул — это ревело пламя. Он рванул вперед, догнал Мака и побежал с ним рядом.

— Это амбар горит, — запыхавшись, еле вымол-

вил Джим. — Яблоки еще не вывезли?

— Джим! Черт, не надо было тебе вылезать! Нет, не вывезли, яблоки в амбаре. Куда эти чертовы караульные подевались? Никому доверять нельзя!

Так, рядом, они пробежали аллею, и лица их обдало волной горячего воздуха. Амбар был охвачен пламенем, над крышей прыгали мощные огненные языки.

Караульные неподвижно, застыв, стояли возле скромного усадебного дома Андерсона и как зачарованные глядели на пожар, в то время как хозяин усадьбы дергался перед ними и извивался в каком-то судорожном бешеном подобии танца.

Мак остановился и тоже замер.

— Нет, нет… Поздно теперь… Ничего не поделаешь… Наверно, они бензина плеснули.

Из-за деревьев вынырнул и промчался мимо них Лондон. На лице его ясно читалось желание убить. Он напустился на караульных:

— Будьте вы прокляты, предатели несчастные! Где вас носило?

Один из караульных напряг голос в попытке перекрыть гул и рев пламени:

— Ты же сам человека прислал, сказать, что нас к себе вызываешь! Мы и пошли. Уж на полпути

были, оглянулись, а там — матерь божья!

Ярость Лондона моментально сникла. Огромные кулаки разжались. Он бросил беспомощный взгляд в ту сторону, где стояли Мак с Джимом. Глаза их горели отсветом пламени. На них надвигался Андерсон, дергаясь, словно в безумном танце. Подступив к Маку вплотную, он ткнул прямо ему в лицо свой задранный подбородок.

— Это ты, грязный сукин сын… ты… — Голос изменил Андерсону, старик отвернулся и, содрогаясь в рыданиях, вновь уставился туда, где столбом вздымалось пламя. Рука Мака обвила пояс Андерсона, но старик в сердцах скинул ее с себя. Из амбара несло едким и сладким запахом горелых яблок.

Мак выглядел обескураженным, грустным. Повернувшись к Лондону, он сказал:

— Богом клянусь, чего бы я только не дал за то, чтоб не было этого всего. Бедный старик… Весь его урожай насмарку… — Он вдруг осекся от внезапно явившейся мысли: — Господи ты боже… Там оставлен хоть кто-нибудь — лагерь сторожить?

— Нет, — отвечал ему Лондон, — я как-то не подумал…

Мака словно огнем ожгло, он завертелся волч-

ком.

— Давайте-ка назад! Все, все в лагерь, немедленно! Может, это они нас специально отвлекли, из лагеря выманить хотели. Только пусть все-таки несколько человек здесь останутся, чтобы и дом тоже не сожгли!

Он со всех ног бросился обратно по прежней дороге, и длинная черная его тень бежала впереди него. Джим попытался не отстать, но на него внезапно напала слабость, накатила тошнота. Мак умчался вперед, другие тоже обгоняли его, пробегая мимо, пока Джима не окружила тишина. Он с трудом, кое-как, спотыкаясь на каждой кочке, продолжал бег. Тошнота подступала к горлу. Огненных языков над лагерем не было заметно, и он перешел на шаг.

Джим двигался по междурядью, ковылял, почти не видя, куда ступает. Услышав у себя за спиной грохот рухнувшего амбара, он даже не оглянулся. На полпути до лагеря у Джима подкосились ноги, и он опустился на землю. Над его головой небо светилось заревом, а дальше, за ярко-розовой пеленой, висели ледяные звезды.

Мак вернулся и нашел его сидящим.

— Что случилось, Джим?

— Ничего. Ноги как-то ослабли. Я отдохну

немного. Что, лагерь цел?

— Конечно. Они не успели. Наш один пострадал. Упал. Думаю, сломал лодыжку. Надо дока отыскать. Как же это они нас так просто вокруг пальца обвели! Один велит караулу сняться, в то время как другие плещут вокруг бензином и спичку бросают. Вмиг все запылало! Ну, теперь Андерсон нас проклял. Погонит завтра взашей, думаю.

— Куда ж нам теперь, Мак?

— Слушай, ты же совсем выдохся. Так. Давай руку. Я помогу тебе добраться. Ты дока на пожаре не видел?

— Нет.

— Он сказал, что пойдет Эла навестить, но я не видел, чтобы он вернулся. Идем. Подымайся. Я должен тебя в постель уложить.

Зарево догорало. В дальнем конце аллеи розовая пелена еще огненно густела, но сполохи вспышек уже не полосовали небо.

— Ну, теперь идем. Опирайся на меня. Андерсон прямо обезумел совсем, правда? Слава богу, дома его не лишили хотя бы.

Их нагнал Лондон, а за ним и Сэм.

— Что там с лагерем?

— Порядок. Руки коротки.

— А что это с парнишкой?

— Да ослабел он просто от раны. Подсоби-ка мне, поддержи его вот здесь, с другой стороны.

Вдвоем они чуть ли не на руках протащили Джима вдоль междурядья и дальше — по луговине до самой палатки Лондона, где и пристроили на тюфяке.

Мак спросил Лондона:

— Ты с доком там не сталкивался? А то парень один лодыжку себе сломал.

— Нет, его вообще там видно не было.

— Интересно, куда это он запропастился.

В палатку молча протиснулся Сэм. По худому лицу его ходили желваки. Гордо выпрямившись, он прошагал по палатке и встал перед Маком.

— Еще днем, когда тот парень объявил, что теперь он сделает, ты ему на это…

— Какой парень?

— Тот, первый, а ты обломал его, сказал…

— Что я сказал?

— Сказал, что сделаем мы.

Мак неловко поежился и покосился на Лондона.

— Уж не знаю, Сэм… Это может в корне изменить общественное мнение. Сейчас оно склоняется в нашу пользу. Не хотелось бы терять

симпатии местных фермеров.

— Но нельзя же им это спускать! — От возмущения у Сэма даже голос сел. — Нельзя позволить этим жалким трусам выкурить нас отсюда!

— Ладно, Сэм. Не ходи вокруг да около, — вмешался Лондон. — Давай выкладывай, что ты хочешь?

— Хочу взять пару-тройку ребят и со спичками побаловаться. — Оба — и Мак и Лондон — не сводили с него внимательных глаз. — И я это сделаю! Плевать! Сделаю, и точка. Тут парень есть один. Хантер его фамилия. Дом у него такой большой, белый, я канистру прихвачу.

Мак растянул губы в улыбке:

— Взгляни на этого парня, Лондон. Ты с ним знаком? Знаешь, кто это?

Лондон подхватил игру:

— Да нет, вроде не знаю. А кто он?

— Убей меня, понятия не имею! В лагере-то с тобой он был?

— Ей-богу, нет! Может, он местный, обиду какую затаил… Вечно на нас всех собак вешают…

Резким движением Мак повернулся к Сэму:

— Если схватят тебя, придется сказать, что виноват ты один.

— И скажу, — буркнул Сэм. — Сроком ни с кем

делиться не собираюсь. Никого с собой не возьму. Передумал!

— Мы тебя знать не знаем. Просто обидели тебя крепко.

— Вот я и ненавижу теперь этого подонка за то, что ограбил он меня.

Мак шагнул к нему, приблизившись вплотную, сильно сжал его плечо.

— Дотла сожги мерзавца, — свирепо прошептал он. — Чтобы ни единой досочки не осталось! Хочется мне с тобой пойти. Один бог знает, как хочется!

— Сиди здесь и не суйся, — отрезал Сэм. — Тебя это не касается. Парень этот меня ограбил. И вообще я огонь люблю. С детства спичками баловался.

— Ну, тогда пока, Сэм, — сказал Лондон. — Загляни к нам как-нибудь потом.

Сэм, тихо выскользнув из палатки, исчез. С минуту еще Мак и Лондон продолжали глядеть, как колышется стронутое им с места полотнище входа.

— Сдается мне, не придет он больше, — промолвил Лондон. — Странная штука: вот вроде неприятный человек, злой, а привяжешься к нему, полюбишь. Подбородок, бывало, выпятит

— и вперед! Никому спуску не даст!

Джим молчал, сидя на тюфяке. Он казался огорченным, встревоженным. Сквозь стенки в палатку проникал отблеск догоравшего зарева. Внезапно послышались пронзительные звуки сирен, все нараставшие, становившиеся четче. В вечерней тишине звуки эти казались особенно унылыми, полными какой-то тоскливой ярости.

— Не очень-то они спешили пожарные машины выслать, — едко заметил Мак. — Дали время пламени разгореться. Господи, видно, сегодня мы так и ляжем голодными. Идем, Лондон. Я и тебе что-нибудь принесу, Джим.

Джим сидел, ожидая их возвращения. Сидевшая рядом Лайза опять кормила ребенка, стыдливо прикрываясь платком.

— Ты так и не выходила? — спросит Джим.

— Чего это?

— Так и просидела, как ни в чем не бывало? Такое вокруг делается, а тебе хоть бы хны. И даже небось не слыхала ничего.

— По мне, так скорее бы все кончилось, — отвечала Лайза. — И жили бы мы нормально. В доме с полом. И чтобы уборная рядом. Не люблю я, когда дерутся.

— А приходится драться, — сказал Джим. — Мо-

жет, это и кончится когда-нибудь, да только не на нашем веку.

Вошел Мак с двумя дымящимися жестянками.

— Ну, видать, пожарные все-таки подоспели раньше, чем все заполыхало. Вот, Джим, держи. Мясо я в фасоль положил. А это тебе, Лайза.

— Не должен ты был позволять Сэму это делать, Мак.

— Почему это «не должен», черт возьми?

— Потому что не был в этом полностью уверен. Ты ведь просто собственную ненависть сюда подмешал.

— Господи боже. Вспомни лучше о бедняге Андерсоне! Старик и амбар, и урожай свой потерял…

— Конечно. Знаю. Может, это и правильная идея — спалить усадьбу Хантера. Только, дав волю чувствам, ты же человека подставил!

— Вот как! Может, ты еще и донесешь на меня, а? Я тебя с собой взял, чтобы ты опыта набрался, а ты, оказывается, уже ученый! Вообще, кем ты, черт побери, себя вообразил? Да я агитатором был, когда ты еще в слюнявчике ползал!

— Подожди, Мак, не горячись. Я же никакой пользы вам принести не могу, остается только думать и рассуждать. Такие дела творятся, а тут

сиди сиднем, и плечо ноет. Не надо так злиться, Мак. Злость думать мешает.

Мак окинул его хмурым взглядом.

— Повезло тебе, что я еще жестянку твою у тебя из рук не вышиб, и не за то, что ты не прав, а за то, что прав! Терпеть не могу тех, кто вечно прав! — Внезапно лицо его осветила широкая улыбка. — Вопрос исчерпан, Джим. Забудем. Ты в форменного сукина сына помаленьку превращаешься. Тебя ненавидеть станут. Но партийцем ты будешь отменным. Я знаю, что вспыльчив, что горячусь слишком. Есть грех. Но что поделаешь. Все идет не так, как надо. Где, ты думаешь, док застрял?

— Так еще ни слуху ни духу о нем? Помнишь, что он сказал, уходя?

— Что идет Эла навестить.

— Да, но до этого что он сказал? Что одиноко ему очень. Может, он немного с катушек слетел от усталости? В дело наше он толком никогда не верил. А тут и вовсе разочаровался и потихоньку улизнуть решил.

Мак мотнул головой:

— Нет, я с доком уж тыщу лет как рука об руку иду. Чего нет в его характере, так это чтобы товарищей предавать. Беспокойно мне что-то, Джим.

Вдруг в караул наш бандиты эти затесались и схватили дока? Они бы с радостью его заграбастали при малейшей возможности.

— Может, он еще вернется, попозже.

— Знаешь, что я тебе скажу? Если назавтра санитарный надзор выпустит против нас предписание, значит, док точно схвачен. Бедный он, бедный! И с лодыжкой сломанной, что у того парня, не знаю, что делать. Один из ребят как-то ее укрепил, перевязал, но, может, это все не то. Ладно. Возможно, док просто-напросто по саду гуляет… Нет, это моя вина, целиком и полностью моя. Нельзя было на него одного всю работу сваливать. Лондон старается изо всех сил, делает что может. А я рассеян, упускаю из виду важные вещи. Тяжело у меня на душе, Джим. Будто амбар этот Андерсонов прямо на меня и рухнул.

— Вот почему и общую картину ты сейчас из виду упускаешь!

Мак вздохнул.

— Я думал про себя, что я кремень, что крепче меня не бывает. А теперь ясно: ты куда как крепче. Надеюсь, что не возненавижу тебя за это. Тебе в лазаретной палатке нужно лечь, Джим. Там койка есть лишняя, а спать на земле я тебе не советую, пока не поправишься. А почему ты

не ешь?

Джим поглядел на миску.

— А я и позабыл совсем, хотя голодный. — Он вытащил из фасоли кусок мяса и впился в него зубами. — Ты бы для себя сходил еды взять, — сказал он.

— Ага. Пойду я.

После его ухода Джим быстро расправился с фасолью — крупной, золотистой, овальной формы, а съев фасоль, наклонил миску и выпил жижу.

— Вкусная штука, правда? — обратился он к Лайзе.

— Угу. Фасоль, она всегда вкусная. И ничего не надо в нее, кроме соли. А еще лучше солонины подмешать.

— Что-то ребята притихли. Тишина мертвая.

— Рты заняты, вот и притихли, — сказала девушка. — А то сплошь болтают, болтают. Если драться надо, так уж подеритесь, чтобы кончилось это скорее. А они только разговаривают.

— Еще и бастуют, — заступился за товарищей Джим.

— Вот и ты говоришь много, — продолжала Лайза, — а разговорами колес не смажешь.

— Да, но жа́ра в топке паровозной иной раз они добавляют.

Вошел Лондон, ковыряя в зубах заостренной спичкой. При свете лампы тонзура его тускло поблескивала.

— Я прошелся тут кругом, — сообщил он. — Никакого огня пока не видно. Может, поймали они Сэма.

— Он парень ловкий, — сказал Джим. — Давеча мерзавца одного мордой в землю ткнул, хотя у того и пушка имелась.

— О да, он хитрюга известный! Хитрый как змей! Как змея гремучая, даром что не гремит попусту. В одиночку пошел, никого с собой не взял.

— Оно и лучше. Если сцапают его одного — полоумный какой-то, а если троих, это уж заговор.

— Хорошо бы не сцапали, Джим. Он хороший парень. Мне он нравится.

— Ну да, понимаю.

Вернулся Мак с жестянкой еды.

— Ух, до чего же я проголодался! А ведь не знал до первого укуса. Наелся, Джим, тебе хватило?

— Конечно. Почему костры не разводят, не сидят возле них, как вчера?

— Не из чего, — ответил Лондон. — Я все дерево приказал к печкам тащить.

— Но все же откуда вдруг такая тишина? — не унимался Джим. — Ни звука прямо!

Мак задумался.

— Странная это вещь, черт возьми, поведение толпы. Наперед никогда не знаешь, что будет. Но я считаю, что если поглядеть внимательно, то можно и угадать, к чему все клонится. Вот люди взбудоражены, так и пышут энтузиазмом, и вдруг — испугались чего-то и трясутся от страха. Я думаю, чертов этот лагерь напуган. Слушок пошел, что дока сцапали, а без дока им боязно. Видят — парень со сломанной лодыжкой лежит. Отошли. Вскоре опять к нему заглянули. А он весь в поту, мучается, так ему больно.

Мак, обгладывая мясо с кости, рвал зубами белый хрящ.

— Думаешь, кто-то в этом разбирается? — спросил Джим.

— В чем разбирается?

— В том, куда толпа пойдет.

— Может, Лондон разбирается. Он давно верховодит. Разбираешься в этом, Лондон?

Лондон покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Видал я раз, как парни от выхлопа машины точно зайцы сиганули. А в другие разы им, похоже, сам черт не брат. Но почувствовать, что будет, прежде чем оно началось, все же можно.

— Можно. Знаю, — согласился Мак. — Оно будто в воздухе носится. Я однажды видел, как негра линчевали. Его чуть ли не милю волоком волокли до эстакады железнодорожной. По пути толпа эта собачонку подвернувшуюся замучила, камнями забила до смерти. Каждый хватал булыжник и кидал в нее. Самый воздух толкал на убийство. Повесить негра им мало показалось — они еще и пули в него пускали, и огнем жгли.

— Ну, чтоб такое в лагере началось, я не допущу, — решительно заявил Лондон.

— А начнется, ты лучше в сторонку отойди и не лезь, — посоветовал Мак. — Слышишь, что это там?

Раздавался топот приближающихся шагов — звуки были ритмичными, почти маршевыми.

— Лондон тут?

— Ну да. Зачем он вам?

— Мы тут малого одного привели.

— Что за «малый»?

Вошел мужчина с винтовкой «винчестер» в руках.

— Ты, часом, не из того караула, что я усадебный дом охранять поставил? — спросил Лондон.

— Да. Но нас, с караула снявшихся, всего только трое. Увидели, как малый этот вокруг дома

околачивается, взяли его как бы в кольцо, ну и схватили.

— Ну, и кто он такой?

— Не знаю. Вот эта пушка при нем была. Ребята хотели проучить его хорошенько. Душу из него готовы были вытрясти, а я говорю: нет, лучше мы его сюда доставим. Так мы и сделали. Он у палатки. Связанный.

Лондон покосился на Мака, и тот кивнул в сторону Лайзы.

— Тебе бы лучше выйти отсюда, Лайза, — сказал Лондон.

Девушка не спеша поднялась.

— И куда мне идти?

— Не знаю. Где Джоуи?

— С парнем одним разговаривает, — отвечала Лайза. — Тот со школой какой-то списался. В ней на почтальона учат. Джоуи тоже почтальоном хочет стать. Вот они об этом и разговаривают.

— Ну, пойди, отыщи женщину какую-нибудь. У нее посиди.

Лайза подхватила ребенка и, ловко пристроив его на бедро, вышла.

Лондон взял из рук у мужчины винтовку, открыл затвор. Заряженный патрон вывалился наружу.

— Тридцатый калибр, — определил Лондон. — Давайте-ка сюда парня.

— Ладно, давайте его сюда!

Двое караульных втолкнули пленника в палатку. Входя, он споткнулся и чуть не упал. Локти его были связаны за спиной ремнем, а запястья стягивала гибкая проволока. Он был очень юн — худенький, узкоплечий. Одет в вельветовые штаны, синюю рубашку и короткую кожаную куртку. В голубых глазах застыл ужас.

— Черт! — вырвалось у Лондона. — Так он совсем ребенок!

— Ребенок с патронами тридцатого калибра, — докончил фразу Мак. — Можно я с ним потолкую, Лондон?

— Конечно. Действуй.

Мак встал напротив пленника.

— Что ты делал там в усадьбе?

Парнишка с трудом проглотил комок в горле.

— Ничего не делал. — Голос его упал до шепота.

— Кто тебя послал?

— Никто.

Мак ударил его ладонью по лицу. Голова парнишки дернулась и скосилась набок, а на белой безбородой щеке вспыхнуло алое пятно.

— Кто тебя послал?

— Никто.

Новый удар ладонью — на этот раз сильнее.

Парнишка пошатнулся, попробовал устоять, но не вышло — он упал, приземлившись на плечо.

Мак наклонился, с силой потянув за руку, заставил парнишку встать.

— Кто тебя послал?

Парнишка плакал. Слезы стекали с его носа в окровавленный рот.

— Ребята в школе говорили, что это наш долг.

— Старшеклассники?

— Да. И люди на улице говорили, что кто-то должен пойти.

— И сколько вас пошло?

— Шестеро.

— А остальные куда подевались?

— Не знаю, мистер. Честно — не знаю! Я их потерял.

— Кто поджег амбар?

Голос Мака звучал ровно, монотонно.

— Не знаю.

Следующий удар он нанес кулаком. Худенькое тело грохнулось наземь, ударившись об опорный шест палатки. И вновь Мак рывком поднял его с земли. Один глаз у парнишки заплыл и

закрылся.

— Ты поаккуратнее с этими «не знаю». Кто поджег амбар?

Парень не мог говорить — его душили рыдания.

— Не бейте меня, мистер! Кто-то из ребят в бильярдной говорил, что это правильно будет. Что Андерсон радикал.

— Ну ладно. Вам там где-нибудь доктор наш не попадался?

Парнишка бросил на него растерянный беспомощный взгляд.

— Не бейте меня, мистер! Нам никто не попадался!

— А с пушкой что ты собирался делать?

— С-стрелять по палаткам, чтоб напугать вас попробовать.

Холодно улыбнувшись, Мак повернулся к Лондону:

— Как с ним быть — имеешь идеи?

— Да он же, черт его дери, ребенок совсем!

— Ну да, ребенок с патронами тридцатого калибра! Ты оставляешь его мне и дальше, Лондон?

— Что ты хочешь с ним делать?

— Отправить обратно в старшие классы, чтоб

другим детям неповадно было шляться с винтовками.

Джим наблюдал эту сцену с тюфяка.

Мак обратился к нему:

— Ты, Джим, не так давно ругал меня на чем свет стоит за то, что я дал волю чувствам. Так вот сейчас чувствам воли я не даю, держу их в узде.

— Хорошо, если и впредь ты не утратишь хладнокровия, — сказал Джим.

— Я отличный снайпер, — парировал Мак. — Жалко тебе мальчишку, а, Джим?

— Нет. Это не мальчишка, а пример другим.

— Так я и подумал. А теперь слушай, ребенок. Мы можем отправить тебя обратно к тем парням, что в карауле дожидаются. Но они, очень может быть, тебя убьют. А можем обработать тебя тут.

В незаплывшем глазу сверкнул страх.

— Ты, Лондон, как? Не против?

— Не слишком-то усердствуй.

— Мне рекламная картинка нужна, — сказал Мак, — а не труп. Ладно, ребенок. Поделом тебе.

Парнишка подался назад. Потом он согнулся, вжал голову в плечи в попытке съежиться, стать меньше. Мак твердой рукой держал его за плечо. Правый кулак Мака работал методично — как молоток, нанося, один за другим, быстрые, короткие

удары. Нос парнишки хрустнул и расплющился в лепешку. Вскоре закрылся, заплыв, и второй глаз, щеки расцветились темными тенями кровоподтеков. Парень бешено дергался и вертелся как уж под градом коротких, точных ударов. Внезапно пытка окончилась.

— Развяжите его, — сказал Мак. Кулак его был весь в крови, и он вытер его о кожаную куртку парнишки. — Не так уж и больно тебе было, — обратился он к нему. — Можешь похвастаться теперь перед одноклассниками своим красивым лицом. И хватит реветь! Расскажешь ребятам в городе о том, что их, в случае чего, ожидает.

— Может, мне ему хотя бы лицо помыть? — предложил Лондон.

— Нет, черт возьми! Я провел блестящую хирургическую операцию, а ты хочешь испортить результат! Думаешь, мне приятно было все это проделывать?

— Не знаю уж, — протянул Лондон.

Руки пленнику освободили. Он стоял и тихо плакал. Мак повернулся к нему:

— Послушай меня, малыш. Пострадал ты не то чтобы очень сильно. Только нос сломан, а больше ничего. Вот если бы кто другой из наших случился на моем месте, тогда бы тебе не поздоровилось.

Объяснишь своим друзьям по песочнице, что следующему, кто вот так выйдет, ногу сломают, а тому, кто выйдет после него, — уже и обе ноги переломают. Понял меня? Я спрашиваю: понял?

— Да.

— Хорошо. Оттащите его к дороге, а там пусть идет на все четыре стороны.

Караульные подхватили парнишку под руки и помогли выбраться из палатки.

— Лондон, — сказал Мак, — может, ты патрульных отрядишь проверить, не бродят ли вокруг другие малыши с пушками?

— Ладно, я займусь этим, — кивнул Лондон. Он как зачарованный глядел на Мака, и в глазах его был ужас. — До чего же ты жестокий парень, Мак… Я еще могу понять, когда делают это в сердцах, но ты-то был спокоен!

— Знаю, — устало согласился Мак. — Это самая трудная часть работы.

Он стоял неподвижно, улыбаясь своей холодной улыбкой, пока Лондон не ушел, а после побрел к тюфяку и сел, сжав руками колени. Он содрогался всем телом, бледное лицо его посерело. Протянув к нему здоровую руку, Джим взял его за кисть.

— Я бы не смог этого выдержать, Джим, не будь

ты рядом. Ну ты и крут, черт тебя дери. Глядел во все глаза, и только! Тебе все нипочем.

Джим крепче сжал его кисть.

— Не терзайся ты так, — тихо произнес он. — Ведь это был не просто испуганный мальчишка; в нем была угроза всему нашему делу. Ты поступил как должно и все делал правильно. Без ненависти, без эмоций, лишь выполняя необходимую работу.

— Если бы только мог я позволить, чтобы руки ему развязали и дал бы он мне разок-другой сдачи или прикрылся бы, что ли…

— Не думай об этом, — сказал Джим. — Ведь это всего лишь малая часть огромного дела. Сочувствие тут так же вредно, как и страх. Это как у медиков — делаешь операцию и ни о чем другом не думаешь. Я бы взял на себя парня, если бы не беда с этой рукой. Представь себе, что было бы, достанься он ребятам из караула.

— Знаю что, — поддакнул Мак. — Убили бы его самым зверским образом. Хорошо бы они больше никого не словили. Еще раз такое проделать я не смогу.

— А ведь придется, и не раз, — заметил Джим.

Мак взглянул на него с опаской:

— Ты заходишь дальше моего, Джим. Я начи-

наю тебя бояться. Повидал я таких, как ты, и меня от них всегда страх берет. Ей-богу, Джим, нельзя не заметить, как ты меняешься день ото дня. Знаю я, что прав. Что безумие побороть можно только с холодной головой. Все это мне известно. Только не по-человечески это, право же… И ты меня пугаешь!

— Я хотел, чтобы ты меня использовал для дела, — тихо начал Джим, — но ты мне в этом отказал, потому что слишком уж привязался ко мне. — Джим встал, добрался до ящика и сел там. — Это было ошибкой. А потом случилась эта история с рукой, и вот сиди тут и жди! А я понял теперь свою силу. Я сильнее тебя, Мак. Сильнее всех и вся, потому что иду по прямой, не сворачивая. Ты и все другие отвлекаются мыслями о женщинах или, там, где достать курева, где бы выпить, как раздобыть еды или дров. — Глаза у Джима холодно поблескивали, так блестит мокрая речная галька. — Я хотел приносить пользу, а теперь пользу мне станешь приносить ты, Мак. Польза будет от нас обоих — тебя и меня. Поверь, я чувствую в себе достаточно сил для этого.

— Ты с ума спятил, — пробормотал Мак. — Как твоя рука? Не распухла? Может, в ней зараза какая завелась и мозги тебе отравила?

— Брось такие мысли, Мак, — спокойно произнес Джим. — Я вовсе не лишился рассудка. И все, что я говорю, не бред, а истинная правда. Оно вызревало во мне, росло, росло, вот явилось на свет. Пойди и скажи Лондону, что мне надо его видеть. Вели ему прийти сюда. Я постараюсь сделать так, чтобы он не очень взбеленился, но подчиниться ему придется.

— Может, это и не бред, — пожал плечами Мак. — Не знаю. Но ты все же не должен забывать, что Лондон — председатель, что его избрали, что он глава забастовщиков. Всю свою жизнь он руководит людьми, и, если ты начнешь ему указывать, он даст тебе под зад коленкой.

И Мак бросил на Джима тревожный взгляд.

— Лучше пойди и скажи ему все, — настаивал тот.

— Но послушай же…

— Мак, делай, как я сказал. Так будет лучше.

Они услышали тихий свистящий звук, который, нарастая, превратился в пронзительный визгливый вой сирены. Тут же завыла другая сирена, а вслед за ней еще одна. Звуки росли, а потом стихали, отдаляясь, убегая все дальше.

— Это Сэм! — вскричал Мак. — Он все-таки сумел поджечь!

Торопливыми неуклюжими движениями Джим попытался подняться.

— Тебе лучше туда не соваться. Оставайся в лагере, — посоветовал Мак. — Ты же еще слабый совсем.

Джим осклабился в невеселой ухмылке.

— Увидишь, какой я слабый!

Он двинулся к выходу, и Мак последовал за ним.

В северной стороне звездное небо висело над деревьями сплошной черной пеленой. Там, где был Торгас, городские огни отбрасывали на небо бледный отсвет, а слева от города над высоким крепостным валом деревьев разгоравшийся пожар уже образовывал ярко-красный купол света. Сирены выли то в унисон, то одна возвышала голос, когда другая затихала, переходя на глухое ворчание.

— Однако сейчас времени даром они не теряют, — заметил Мак.

Люди повыскакивали из палаток. Они стояли и смотрели, как набирает силу огонь. Огненные сполохи взлетали над деревьями, а купол света распространялся вширь и ввысь.

— Неплохо для начала, — усмехнулся Мак. — Даже если огонь потушат прямо сейчас, дом все

равно пропал, ведь единственное, что они умеют в этой глуши, это заливать пламя химикатами.

К ним поспешал Лондон.

— Сэм все-таки сделал это! — кричал он. — Сэм злой как черт, прости господи, и я всегда знал, что он это сделает! Такого ничем не запугаешь!

— Если вернется, он может быть нам полезен, — хладнокровно заметил Джим.

— Полезен? — переспросил Лондон.

— Да… Парень, который умеет так лихо поджигать, сумеет сделать и многое другое. А горит хорошо. Пройдем в палатку, Лондон. Нам надо обговорить некоторые вещи.

— Он имеет в виду… — вмешался Мак.

— Я сам скажу, что имею в виду. Идем, Лондон.

Войдя в палатку первым, Джим уселся на ящик.

— В чем дело-то? — требовательно спросил Лондон. — Что ты хочешь обговаривать?

— Мы терпим поражение, потому что не имеем власти. Амбар Андерсона сожгли, потому что мы не верили в желание караульного подчиняться приказам. Дока свинтили, потому что приставленный к нему личный охранник отлучился, оставив его одного.

— Понятно. И как мы собираемся это попра-

вить?

— Мы собираемся создать сильную власть, — заявил Джим. — Собираемся отдавать приказы, которые будут выполняться. Люди проголосовали, передав власть тебе. Сейчас им придется забрать ее у тебя, желают они того или не желают.

— Ради бога, Джим, что ты такое говоришь! — вскричал Мак. — Ничего не выйдет! Люди попросту не примут этого, упадут духом и быстренько переберутся в другой округ.

— Мы будем держать их под контролем, Мак. Где та винтовка?

— В палатке осталась. Что ты хочешь с ней делать?

— Винтовка — это власть, — отрезал Джим. — Мне уже тошно от хождения по кругу. Я хочу спрямить путь.

— Слышь, что это за слова такие: «Хочу спрямить путь»? — спросил, подступив к нему, Лондон. — Ты играешь с огнем!

Джим не дрогнул. Юное лицо его словно окаменело. Взгляд был неподвижен. Уголки губ чуть подрагивали в полуулыбке. Устремленные на Лондона глаза глядели уверенно.

— Сядь, Лондон, — велел он. И мягко добавил:

— И охолони.

Лондон в замешательстве покосился на Мака:

— Что он, рехнулся, что ли?

Мак отвел взгляд.

— Не знаю.

— Ты с тем же успехом мог и присесть, — сказал Джим. — Все равно ведь этим кончится — раньше или позже.

— Да, конечно. Я сяду.

— Отлично. А теперь, если хочешь, можешь вышвырнуть меня вон из лагеря. Тогда меня приютит тюрьма. А можешь разрешить мне остаться. Но я буду стараться здесь все переиначить. Я смогу это сделать, не думай!

— Хватит. Надоело, — вздохнул Лондон. — Волну гонишь, и все! Я в два счета мог бы поставить тебя на место. Не пощадил бы твой юный возраст. Здесь я хозяин.

— И как раз по этой причине, — прервал его Джим, — я буду передавать приказы через тебя. Пойми меня правильно, Лондон. Я не власти хочу, а действия. Единственное, что мне требуется, это изменить ход забастовки.

— Как ты считаешь, Мак, — недоуменно спросил Лондон. — О чем это он толкует? Что собирается «переиначить»? Как это — «изменить ход

забастовки»?

— Не знаю. Я поначалу думал, что это рана отравой ему в голову ударила. Но он вроде дело говорит.

Мак рассмеялся, и смех этот будто тяжело плюхнулся в тишину.

— Звучит по-большевистски как-то, — пробормотал Лондон.

— Какая разница, как это звучит! Лишь бы работало! — возразил Джим. — Ты готов меня выслушать?

— Не знаю я… Ну да ладно, выкладывай!

— Хорошо. Завтра утром мы зададим жару этим скэбам. Дай мне парней побоевитее. Отбери их. Обеспечь дубинками. А еще понадобятся машины. Чтобы шли вместе, парами. Копы, возможно, выставят патрули на дорогах, соорудят баррикады. Но мы не можем им позволить помешать нам. При виде баррикады пусть первая машина упрется в нее и столкнет с дороги. А вторая подберет людей с разрушенной баррикады и проскочит. Понятно? Вот так же должно проскочить все то, что мы затеем. А если не получится, мы отступим назад и окажемся дальше, чем были вначале.

— Если приказы начнешь отдавать ты, то между мною и ребятами начнется сущий ад.

— Я не собираюсь отдавать приказы. И красоваться на переднем плане не имею никакого желания. Ребята и знать ничего не будут. Я стану говорить тебе, а ты — им. Сейчас первым делом надо отрядить людей, взглянуть, что там слышно с пожаром. Завтра нас ожидают по этому поводу некоторые неприятности. Было бы лучше, если бы Сэму не удалось устроить пожар! Но ему это удалось — дело сделано. Придется уже этой ночью усилить охрану лагеря. В ответ непременно последуют репрессии — об этом стоит помнить. Расположи охрану двойным кольцом, и пусть оба ряда будут на связи. Еще мне нужно пять человек в комиссию по наведению порядка, чтобы пропесочить как следует всякого, кто уснет на посту или улизнет потихоньку. Дай мне пятерых крутых парней.

Лондон покачал головой:

— Не знаю, что мне делать: то ли пощечину тебе закатить, то ли сказать «в добрый путь»! Так хлопотна вся эта затея.

— Ну, ты, пока думаешь, поставь охрану. Очень я боюсь, что этой ночью нас сильно беспокоить будут.

Лондон вышел, а Мак так и остался стоять возле ящика, на котором сидел Джим.

— Как твоя рука? — спросил он.

— Я ее совсем не чувствую. Видимо, почти прошла.

— А я вот чувствую, — вздохнул Мак. — Чувствую, что с тобой что-то происходит, а вот что — не пойму.

— Это то, что всегда рождается в битвах, таких, как наша, произрастает из них. Внезапно начинаешь ощущать в себе огромные силы, они начинают бурлить, а выход находят лишь в мелких беспорядках вроде нашей забастовки. Тогда ощущение огромных сил преображает тебя, подхватывает, толкает вверх и заставляет действовать. По-моему, это и дает человеку власть. — Джим устремил взгляд вверх и закатил глаза.

— Что это у тебя с глазами? — испугался Мак. — Чего это они прыгают?

— Голова кружится немного, — успел сказать Джим. Ему стало плохо, сознание помутилось, и он полетел с ящика.

Мак оттащил его на тюфяк и подложил ящик ему под ноги. Лагерь гудел голосами, слышался немолчный бормочущий гул — разнообразный, постоянно меняющий тон, как журчание ручья. Мимо палатки взад-вперед сновали люди. Вновь

взвыли сирены, но на этот раз в вое их не было энтузиазма — пожарные машины возвращались обратно.

Мак расстегнул на Джиме рубашку, плеснул воды ему на лицо и шею.

Джим открыл глаза и поднял их на Мака.

— Все плывет, — жалобно простонал он. — Хорошо бы док вернулся и дал мне лекарство какое, что ли… Как думаешь, вернется он, а, Мак?

— Не знаю. Как ты сейчас себя чувствуешь?

— Голова вот только… Наверно, порастратил я все силы дочиста. Отдохнуть бы надо.

— Конечно. Поспи-ка, а я пока пойду, попробую супчику тебе раздобыть, бульона, в котором мясо варилось. Полежи тихонько, пока я супу не принес.

После ухода Мака Джим хмуро уставился в потолок палатки. Потом произнес вслух: «Интересно, не кончилось ли все. Думаю, нет, не кончилось, но всяко может быть». Потом веки его начали слипаться, и он заснул.

Явившись с супом, Мак поставил жестянку на землю, вытянул ящик из-под ног Джима, а сам опустился на краешек тюфяка и стал вглядываться в измученное беззащитное лицо спящего.

Лицо это находилось в беспрестанном движе-

нии. Губы то размыкались, обнажая зубы так надолго, что те даже сохли на воздухе, то вновь смыкались над зубами. Подглазья и кожа на висках нервно дергались. Был момент, когда, словно бы под собственной тяжестью, губы округлились, чтобы что-то сказать, помочь вымолвить какое-то слово, но вырвалось оттуда лишь невнятное глухое мычание. Мак прикрыл спящего Джима старыми одеялами.

Неожиданно в лампе стало уменьшаться, сворачиваясь, пламя. Фитилек сник, и темнота из углов поползла к центру палатки. Мак тут же вскочил и отыскал бидон с носиком, полный керосина. Отвинтив колпак, он подлил в лампу керосина. Пламя медленно стало расти вновь, и края его распахнулись, как крылья бабочки.

Снаружи доносились медленные шаги прохаживающихся туда-сюда патрулей. Вдали на дороге грохотали ночные фуры. Мак снял лампу с опорного шеста и, отнеся ее к тюфяку, поставил на земляной пол палатки. Из брючного кармана он вытащил сложенные листки бумаги, замусоленный конверт с маркой и огрызок карандаша. Пристроив бумагу на коленке, он написал крупными округлыми буквами:

Дорогой Гарри.

Христом-богом прошу, пришли нам помощь. Накануне вечером был схвачен док Бертон. Думаю, что это так. Док бы нас не предал, но с нами его больше нет. Долина эта собрана в кулак — что тебе Италия. «Бдительные» лютуют. Нам нужны еда, лекарства и деньги. Дик отлично делает свое дело, но без сторонней помощи, боюсь, мы пропали. Никогда еще не случалось мне работать в месте, столь дьявольски сплоченном! Ситуацию здесь контролируют, насколько мне известно, человека три, не больше, а Дик, полагаю, уже мог загреметь в кутузку.

Джим прекрасно справляется. Он, конечно, молоток. Рядом с ним я чувствую себя каким-то жалким молокососом. Завтра жду, что нас вышибут отсюда. «Бдительные» сожгли амбар нашего хозяина, и он на нас зол как черт. Без дока Бертона на нас ополчится местная санитарная служба. Попробуй что-нибудь придумать. Мы с Джимом у власти на заметке, и охота на наши скальпы идет постоянно. Здесь должен быть кто-то на случай, если нас с Джимом сцапают.

Я криком кричу о помощи, Гарри. Сочувствующие напуганы, но не это самое худшее.

Он взял новый листок бумаги.

Люди раздражены. Ты знаешь, как это бывает. Завтра утром они могут двинуть в город и поджечь мэрию, а могут рвануть в горы и укрыться там на полгодика. Ради всего святого, Гарри, скажи всем и каждому, что нам необходима помощь. Мы собираемся устроить пикеты на грузовиках. О том, что происходит вокруг, мы мало что знаем, несмотря на все наши старания.

Ну, пока. Письмо это передаст тебе Джек. И, богом заклинаю, изыщи возможность помочь!

Мак

Мак перечитал письмо, подправил перекладинку буквы «т», сложил листки, сунул их в грязный конверт и адресовал письмо: «Джону Х. Уиверу».

Снаружи его окликнули.

— Кто это?

— Лондон.

— Ладно. Входи.

Войдя в палатку, Лондон окинул взглядом Мака и спящего Джима.

— В общем, охрану я выставил, как он сказал.

— Хорошо. Он совсем никакой. Дока бы надо… Боюсь я за это его плечо… Говорит, не больно совсем. А о последствиях он, дурак, не думает.

Мак повесил лампу на место, на вбитый в шест гвоздь.

Лондон присел на ящик.

— Какая муха его укусила? Что с ним такое? То мне кажется, что он просто языком треплет, эдакий болтливый мальчишка, а в следующую секунду глядишь: Господи боже, он же нацелился меня выгнать и главным тут сделаться!

Взгляд у Мака был непроницаем.

— Не знаю я. Встречал я и раньше парней, которые вдруг менялись, но как-то по-другому. Поначалу я решил, что он попросту рехнулся. Да и сейчас порой думаю, что так и есть. А где девушка твоя, Лондон?

— Я их с парнем моим в пустой палатке ночевать пристроил.

Мак вскинул глаза и бросил острый взгляд на собеседника:

— Откуда вдруг взялась у тебя пустая палатка?

— Деру дали какие-то ребята, пока темно.

— Может, они просто в охране стоят, на дежурстве?

— Нет, — ответил Лондон. — В охрану я надежных послал. Думаю, просто сбежали некоторые.

Костяшками пальцев Мак крепко протер глаза.

— Я догадывался, что дело к этому идет. Кое-кому это оказалось не под силу. Слушай, Лондон, мне тут вылезти придется и прошмыгнуть к ящи-

ку почтовому. Письмо кинуть.

— Но я бы мог поручить это кому-нибудь из ребят.

— Нет, письмо очень важное. Лучше я сам. Мне случалось уходить от слежки. Меня не поймают.

Лондон разглядывал свои тяжелые набрякшие пальцы.

— Там в письме… *красное* что-нибудь, да? — спросил он.

— Наверно. Я в нем о помощи прошу, чтобы не провалилась вся наша забастовка.

— Мак, — смущенно начал Лондон, — я уже и раньше говорил тебе, что кругом только и разговоров о том, какие сволочи вся эта шайка красных. Я думаю, что это вранье, правда ведь, Мак?

Мак коротко хохотнул.

— Зависит от того, как посмотреть. Если ты владеешь тридцатью тысячами земельных угодий, красные будут видеться тебе шайкой сволочей. А если ты Лондон, батрак-сезонник, то как не увидеть в них команду ребят, желающих помочь тебе жить по-человечески, а не как свиньи в загоне? Понимаешь? Из-за того, что новости ты получаешь из газет, а газеты все сплошняком принадлежат тем, в чьих руках земля и деньги,

выходит, что мы шайка сволочей. Ясно? Но вот ты сталкиваешься с нами, знакомишься и видишь, что, похоже, вовсе мы и не сволочи. Верно? Ты сам решить должен, что правда, а что нет.

— Но как такому, как я, работать с вами в одной упряжке? Сам-то я, может, ничего против этого не имею, но должен брать в расчет и тех, с кем езжу вместе.

— Вот именно! — с жаром подхватил Мак. — И ты чертовки прав! Ты же главарь, Лондон! Ты рабочий-сезонник, но одновременно ты и лидер!

— Ребята всегда делали то, что я им говорил, — простодушно признался Лондон. — Всю жизнь так было!

Мак понизил голос, придвинулся к Лондону совсем близко и положил руку ему на колено.

— Послушай, — сказал он. — Я считаю, схватку эту мы проиграем. Но шуму мы наделали предостаточно, так что, может быть, сборщикам хлопка забастовка и не потребуется. Ну а газеты вопят о том, что от нас одни неприятности. Мы приучаем рабочих-сезонников работать сообща, учим объединяться в группы, которые постоянно растут и расширяются. Ясно тебе? И если мы проиграем, это не так важно. Зато у нас здесь собрались, объединились и учатся бастовать

почти тысяча человек. Когда и у нас будет море людей, работающих сообща, тогда, может быть, вся долина Торгас не будет принадлежать какой-то жалкой троице. Может быть, тогда батрак получит право съесть яблоко без того, чтобы оказаться за это в тюрьме. Может быть, тогда хозяева перестанут сбрасывать яблоки в реку, повышая тем цену. Да разве парням, вроде тебя и меня, не нужны яблоки, чтоб кишки, черт их дери, работали исправно? Надо уметь видеть всю картину целиком, Лондон, а не упираться глазом в одну какую-то маленькую забастовку!

Лондон не сводил глаз со рта Мака, словно силясь разглядеть каждое вылетающее оттуда слово.

— Это ты об этой… как ее? рево… революции толкуешь, да?

— Конечно о революции, направленной против голода и холода. Троица, которая владеет здесь всем, поднимет страшную бучу, чтобы сохранить за собой землю и право сбрасывать яблоки в реку для поднятия цены. Ну а тот, кто считает, что еда существует для того, чтобы ее ели, он, конечно, проклятый красный! Понял теперь, в чем тут соль?

Лондон глядел на него широко раскрытыми

глазами.

— Слыхал я много раз, что ребята-радикалы говорят, — задумчиво произнес он. — И всегда мимо ушей все их речи пропускал. Уж очень они горячатся, ребята эти, в буйство впадают, нет у меня веры буйным. И никогда не видел я раньше все это так, как, ты говоришь, надо видеть.

— А вот теперь старайся видеть правильно, Лондон. И будешь чувствовать себя совсем иначе. Вот говорят, что мы ведем грязную игру тем, что работаем подпольно. Ты тоже думал так когда-нибудь, Лондон? Но ведь мы безоружны! Если что-нибудь с нами случается, в газеты это не попадает. Но если что-то случится у тех, у противоположной стороны, господи ты боже, как начинают вопить газеты, как принимаются нас поносить, мазать черной краской! У нас нет средств и нет оружия, поэтому приходится исхитряться, думать головой. Понимаешь? Это как если бы человек с дубинкой сражался со взводом пулеметчиков. Единственное, что ему остается, это подкрасться к пулеметчикам сзади и начать лупить их почем зря! Может, это и нечестно, но, черт возьми, Лондон, мы же не на спортивном состязании! Еще не придуманы правила для тех, кто голодает!

— Не видел я это так никогда, — раздумчиво проговорил Лондон. — Никто и никогда не удосуживался мне это разъяснить. Мне нравится, что хоть кто-то из ваших парней говорит тихо-спокойно. Раньше, бывало, слушаешь их, а они как безумные — буйствуют, орут: «Будьте вы прокляты, копы поганые!», «К черту правительство!». Жгут. Не нравится мне это. Зачем жечь хорошие, красивые дома? А то, что ты говорил, мне никто не говорил раньше.

— Мозгов у них маловато, значит, вот и не подумали головой, — сказал Мак.

— Ты говоришь, Мак, что забастовку мы проиграем. С чего ты так решил?

Мак задумался.

— Нет, — наконец обронил он, словно сам себе, — сейчас не выйдет. Объясню тебе, Лондон, почему это так. Власть в этой долине заграбастали очень немногие. Парень, который вчера к нам приходил, пытался уговорить нас прекратить забастовку. Но теперь они знают, что прекращать ее мы не собираемся. Единственное, что им остается, это прогнать нас отсюда или поубивать. Мы могли бы еще потягаться с ними какое-то время, будь у нас еда и доктор и если бы Андерсон поддержал нас. Но Андерсон разобиделся на нас

и злится. Они вышибут нас отсюда в два счета, если применят оружие. И как только выйдет постановление суда. А тогда — куда нам податься? Скапливаться в ночлежках нельзя — на этот счет будут особые предписания. Нас рассредоточат и тем самым одержат над нами верх. Наши люди пока что довольно-таки слабы. И, боюсь, съестного нам больше не добыть.

— Почему бы нам тогда не предложить ребятам сняться с места всем гуртом? — недоуменно спросил Лондон.

— Не так громко, пожалуйста. Парня разбудишь. Скажу почему. Они могут держать в страхе наших ребят, но и мы можем нагнать на них страху. Мы вдарим по ним последним залпом. Если они убьют кого-нибудь из наших, новость эта разнесется даже и без газетного сообщения. И это разозлит парней. И у нас появится враг, понимаешь? Люди сплачиваются теснее перед лицом врага. Парни, которые жгли амбар, — такие же, как мы, только газет начитались. Ясно? Мы должны перетянуть их на нашу сторону, и как можно скорее.

Он вытащил изрядно похудевший, словно сдувшийся, кисет.

— Вот, сохранил табачку немного. Курить охо-

та. Ты куришь, Лондон?

— Нет. Жую табак, когда достать удается.

Из оберточной бумаги Мак свернул себе тонкую самокрутку. И, приподняв колпак, закурил от лампы.

— Тебе соснуть надо, Лондон. Одному богу известно, что нас ждет ночью. А мне в город надо, ящик почтовый отыскать.

— Тебя могут поймать.

— Не поймают. Я садом проберусь, они и не увидят.

Он глядел куда-то мимо Лондона, в глубину палатки, там, где была тыльная ее сторона. Задняя стенка палатки вдруг вздулась, приподнялась, в палатку вполз и встал во весь рост Сэм. Он был весь в грязи, в порванной одежде. Худую щеку пересекала длинная царапина. Рот запал от усталости, глаза провалились.

— Я только на минутку, — негромко предупредил он. — Господи, ну и задачу вы мне задали! Такую охрану выставить! Я ж не хотел, чтобы видели меня. А то ведь навести на нас — самое милое дело!

— Ты отлично сработал, — сказал Мак. — Мы видели пламя.

— Понятное дело. Дом почти дотла сгорел. Но

штука не в этом.

Он опасливо покосился на спящего Джима.

— Я… застукали меня.

— Черт!

— Ага. Схватили. Заприметили.

— Ты не должен был являться сюда, — сердито бросил Лондон.

— Знаю. Но хотелось вам сказать. Вы в глаза меня не видели и слыхом обо мне не слыхивали. Пришлось мне… Я из него все мозги вышиб! А сейчас — пора! Если опять поймают, ничего не надо, понял? Я трёхнутый. Чокнулся я, ясно? Все о Боге толкую, дескать, это он мне приказал. Это я и хотел вам сказать. Чтоб не делали ничего, не рисковали из-за меня. Не желаю я этого!

Лондон подошел к нему, взял за руку.

— Ты хороший парень, Сэм. Лучше не бывает! Мы еще встретимся.

Мак не сводил взгляда со складки входного полотнища. Очень хладнокровно, через плечо, он бросил:

— Доберешься до города, вот адрес: Сентер-авеню, сорок два. Скажешь: от Мейбл. Там покормят только. Разок. Больше не ходи.

— Ладно, Мак. Привет.

Опустившись на колени, Сэм высунул голову

наружу, секунду мешкая, вглядываясь в темноту, а потом протиснулся в щель, и стенка палатки опустилась на место.

Лондон вздохнул:

— Надеюсь, что улизнет он. Хороший парень. Лучше не бывает.

— Не думай об этом, — сказал Мак. — Придет час, и кто-нибудь шлепнет его обязательно, как малыша Джоя шлепнули. Он и знал, что ему это на роду написано. Как и мы с Джимом знаем, к чему дело идет, что пристрелят нас, раньше или позже. Так будет, почти точно будет, но это не важно.

Лондон даже рот раскрыл.

— Господи, что за дикий взгляд на то, что происходит! Радость какую это вам дает, что ли…

— Ты в самую точку попал, — сказал Мак. — Именно радость. Радость, о которой большинство даже понятия не имеет! Когда делаешь что-то важное, значительное, чувствуешь такой подъем, такое воодушевление, что это остается с тобой надолго. А вот когда работа твоя бессмысленна и никуда не ведет, падаешь духом. Наша работа продвигается медленно, мелкими шажками, но все наши шаги — в одном направлении. Но что-то я заболтался, а ведь мне идти надо.

— Не попадись им смотри!

— Постараюсь. Но слушай, Лондон. Нет ничего для них слаще, чем уничтожить меня и Джима. Я-то о себе позабочусь, но сможешь ты остаться здесь и приглядеть, чтобы с Джимом ничего не случилось? Сможешь?

— Конечно. Здесь и обоснуюсь.

— Не надо. Ложись прямо на тюфяк, с краю. Главное — не дай им сцапать парня. Он нам нужен, он ценный кадр.

— Ладно.

— Пока, — сказал Мак. — Постараюсь вернуться пораньше. Хочется мне узнать, как там и что и на каком мы свете. Может, газетку куплю.

— До скорого.

Мак молча вышел. Лондон услышал, как он перемолвился словом с охранником, подальше, с другим, третьим. Даже после его ухода Лондон продолжал слушать ночь и ее звуки. Все было тихо, но сон не витал в воздухе. Было слышно, как бродят, шагая взад-вперед, патрульные, как обмениваются они короткими приветствиями, сталкиваясь друг с другом. Кричали петухи — один совсем близко, другой подальше, с голосом густым и хрипловатым, старый, умудренный опытом кочет и молодой петушок, — звучал же-

лезнодорожный колокол, слышались шипение пара и скрежет трогающегося со станции поезда. Лондон сидел на тюфяке возле Джима, подогнув под себя одну ногу и согнув в колене другую. Он обхватил руками колено и, склонив голову, уперся в него подбородком. Глаза его неотрывно и вопросительно глядели на Джима, проверяя его состояние.

Джим беспокойно заворочался. Выбросил вверх руку, опять уронил ее. Пробормотал: «О-о…» и «воды…». И, тяжело дыша: «Заклеймить их всех». Глаза его открылись, часто, не видя, заморгали. Лондон расцепил руки, словно собираясь коснуться Джима, но не коснулся. Глаза у Джима закрылись, замерли. В уши ворвалось грохотание фуры дальнобойщика на шоссе. Лондон уловил где-то вдали за палаткой приглушенный крик и тихо позвал:

— Эй!

В палатку сунулся патрульный.

— Что такое, начальник?

— Кто там орет?

— Это? Вы что, только что услышали? Это старик вопит, тот, что с бедром сломанным. Он ненормальный. Его держат, укладывают, а он дерется и кусает их, как кот дикий. Ему рот тряп-

кой заткнули.

— Ты, часом, не Джейк Педрони? Да, конечно же, ты Джейк. Я слыхал, как док предупреждал, что старику необходимо мыло выдать, и вода чтоб была, что, если он будет немытым лежать, он вот таким и станет. Мне здесь оставаться надо. А ты подойди туда и передай, чтобы сделали все как надо. Сделаешь, Джейк?

— Ясно, сделаю, начальник.

— Хорошо. Действуй. Драться ему не полезно: для бедра плохо. А как тот парень, что лодыжку сломал?

— Ах, этот. Ему кто-то дал виски хлебнуть. Так вроде ничего.

— Позовешь меня, если что, Джейк.

— Хорошо. Позову.

Лондон вернулся на тюфяк и прилег рядом с Джимом. Вдали пыхтел паровоз, состав грохотал, набирая скорость, устремляясь в ночь. Старый матерый кочет заголосил первым, ему ответил молодой. Лондон чувствовал, как в мозг ему вползает, окутывая его, тяжкий сон, но он приподнялся на локте и успел в последний раз взглянуть на Джима, прежде чем сон накрыл его целиком.

Глава 14

Ночной мрак едва начал редеть, когда Мак заглянул в палатку. Лампа на центральном шесте еще горела. Лондон и Джим спали рядышком. Мак вошел, и Лондон тут же, дернувшись, сел на тюфяке и стал встревоженно озираться.

— Кто там?

— Я, — сказал Мак. — Только что прибыл. Как малый?

— Я дрых, — отвечал Лондон, зевая, и почесал круглую проплешину на голове.

Подойдя к спящему Джиму, Мак вгляделся в его лицо. Кожа разгладилась, нервное подрагивание мускулов прекратилось. Лицо обмякло, расслабилось.

— Он прекрасно выглядит. Хорошо отдохнул, наверно.

Лондон поднялся.

— Который час?

— Не знаю. Только-только светать начало.

— Там огонь-то развели уже?

— Заметно шевеление какое-то. И дымком древесным тянет. Правда, может, это амбар Ан-

дерсона тлеет еще.

— Я малого ни на минуту не оставлял, — сказал Лондон.

— Молодец!

— Когда ты поспать-то ляжешь?

— О, один бог знает. Да я пока и спать не хочу. Выспался хорошо прошлой ночью или позапрошлой, не помню. Кажется, будто целая неделя прошла. А Джоя мы хоронили вчера, только вчера…

Лондон опять зевнул.

— Наверно, на завтрак мясо с фасолью будет. Господи, как кофе хочется!

— А давай пойдем в город, кофейку там попьем, яичницу с ветчиной закажем…

— Ой, пошел ты к черту! Я к поварам загляну, потороплю их.

И он, еще сонный, неверным шагами вышел.

Мак подтянул ящик поближе к лампе и вынул из кармана сложенную газету. Когда он развернул ее, Джим подал голос:

— Я не спал, Мак. Где ты был?

— Ходил письмо отправить. Вот, подобрал газету на лужайке. Посмотрим, что слыхать…

— Мак, вечером я вел себя как последний дурак, да?

— Да нет, что ты, Джим? Ты классно выступил! И положил нас на обе лопатки, подчинил своей воле!

— На меня словно накатило что-то. Никогда раньше не бывало со мной такого!

— А сегодня утром как ты себя чувствуешь?

— Замечательно. Но не так, как вчера. Тогда я, кажется, корову бы мог поднять!

— Но нас-то ты поднял во всяком случае. Мы ощутили подъем! Штуку эту с двумя грузовиками ты отлично придумал. Правда, хозяину того грузовика, что баррикаду разрушить должен, вряд ли такая идея понравится. А сейчас давай узнаем, о чем там в городе толкуют. Ого! Заголовки — как на подбор! Хоть в альбом на память! Только послушай, Джим.

ЗАБАСТОВЩИКИ ЖГУТ ДОМА — УБИВАЮТ ЛЮДЕЙ!

Вчера в десять часов вечера пожаром был уничтожен находящийся в пригороде дом Уильяма Хантера. Полиция возлагает ответственность на бастующих батраков с яблоневых плантаций. Схваченный подозреваемый, совершив нападение на поймавшего его человека, бежал и скрылся. Тяжело раненный Олаф Бингем, специальный представитель с ограниченными

полномочиями, вряд ли выживет.

Так. Посмотрим дальше.

Ранее тем же вечером бастующие по халатности либо из зловредного умысла сожгли амбар на ферме мистера Андерсона. Предварительно мистер Андерсон разрешил им разбить лагерь на его земле.

Ну, это очень длинно, Джим. Можешь потом прочитать, если захочешь. — Он перелистнул страницу. — Ничего себе!.. Послушай, что в редакционной статье говорится.

Мы твердо уверены, что настало время решительных действий. Если рабочие-мигранты фактически останавливают важнейшую отрасль хозяйственной деятельности долины, если бродячие сборщики фруктов, ведомые и вдохновляемые платными иностранными подстрекателями (это про нас, Джим!), разворачивают кампанию насилия и поджогов, превращая нашу мирную Америку в подобие Красной России, если автомагистрали наши отныне небезопасны для американских граждан, а дома этих граждан становятся грудами головешек, мы с полной убежденностью заявляем, что время толкает нас

к действиям решительным и быстрым.

Наш округ оберегает своих обитателей, заботится о них, но забастовщики — люди пришлые. Они попирают законы, уничтожают собственность и самую жизнь. Они кормятся плодами щедрой и изобильной нашей земли, пользуются всеми ее благами, которыми снабжают их сочувствующие доброхоты. Наша газета ни сейчас, ни когда-либо ранее не признавала насилия, но если для того, чтобы справиться с этими мятежниками и убийцами, законных мер оказывается недостаточно, на помощь должны прийти возмущенные граждане.

Нам надо выгнать отсюда этих проплаченных смутьянов. Наша газета советует гражданам озаботиться источниками щедрых даров, поступающих этим зловредным смутьянам. Имеются сведения, что не далее как вчера в их лагере было зарезано три чистопородных вола.

Мак швырнул газету на землю.

— А последние строки означают, что сегодня же шайка политических активистов из пивной начнет бить стекла бедолагам, говорившим о своем желании изменить жизнь к лучшему!

Джим рывком сел в постели.

— Господи, Мак, неужели мы должны будем

взять всю вину на себя?

— Всю, до последней крошки, черт возьми!

— И даже за то, что парня этого, как они говорят, убили?

— Но Сэм же это сделал. Его поймали. Ему пришлось спасаться бегством. У противника его была пушка, а у Сэма лишь его ноги.

Джим опять лег.

— Да уж, — вздохнул он. — Видел я недавно, как эти ноги умеют бегать. Но, видит бог, все это крайне неприятно. И на первый взгляд выглядит хуже некуда.

— Еще бы. Этот редактор знает толк в словах. «Платные иностранные подстрекатели»! Это я, родившийся в Миннеаполисе! Чей дед при Булл-Ран[14] воевал! Дед говорил, что ему все казалось, будто он не сражаться идет, а на бой быков собрался — казалось, пока стрелять в него не начали, конечно. Да и ты такой же иностранец, как правительство Гувера![15] К черту их,

---

[14] Примечания: 14

Булл-Ран — место известных сражений северян с южанами в ходе Гражданской войны в Америке (1861–1865). Буквально означает «бег быков».

[15] Примечания: 15

Герберт Гувер и его правительство (1929–1933) были ярыми сторонниками традиционного для Республиканской партии курса на протекционизм, высокие тарифы на импорт и изоляционизм в вопросах внешней политики.

Джим! Вечная история! Только… — Он вытряхнул из кисета последние крошки табака. — …Тучи сгущаются, Джим. Не надо было Сэму устраивать этот пожар.

— Ты же сам велел ему действовать!

— Знаю. Очень я рассвирепел из-за амбара.

— И что же нам теперь делать?

— Действовать и только действовать. Мы бросим на скэбов наши грузовики и будем продолжать битву столько, сколько сможем выдержать, а после смоемся, если удастся. Страшно тебе, Джим?

— Н-нет.

— Тучи над нами и вправду сгущаются. Я это прямо чувствую в воздухе.

Поднявшись с ящика, он подошел к тюфяку, сел.

— Может, это оттого, что я не спал ночью. На обратном пути из города мне под каждым деревом мерещились люди, что меня выслеживают. И в такой страх я впал, что, казалось, шелохнись поблизости мышка, и я наутек пущусь.

— Ты совсем из сил выбился, — мягко произнес Джим. — Может, от меня была бы здесь польза, не случись эта беда с плечом. А так я просто лежу и только мешаю всем.

— Ничего себе помеха! — воскликнул Мак. — Да всякий раз, как я унываю, ты мне градус повышаешь, взбадриваешь меня, а сегодня утром, мальчик мой, мне это ох как нужно! У меня все кишки дрожат. Выпил бы, если б удалось достать спиртное.

— Поешь и придешь в норму.

— Я Гарри Нилсону написал, — продолжал Мак, — сообщил, что помощь нам требуется — людьми и припасами. Но боюсь, что слишком поздно. — Он бросил на Джима странный взгляд. — Слушай, Джим. Я там ночью Дика разыскал. И вот теперь слушай особенно внимательно. Помнишь, как мы в первый раз сюда шли?

— Ну конечно.

— Помнишь, как влево забирали на мосту и потом в заросли?

— Ну да.

— Ты слушай, слушай. Если начнется здесь заваруха и нас разбросает в разные стороны, отправляйся к тому мосту и нырни под него. Там, со стороны, противоположной от города, увидишь кучу сухих ивовых ветвей. Разбросай ветви. Под ними будет вход в глубокую пещеру. Лезь туда и не забудь, когда влезешь, опять прикрыть вход ветками. Ты сможешь пролезть туда футов на

пятнадцать, ясно? Дик сейчас запасает там одеяла и консервы. Если дела у нас совсем плохи будут, беги туда и жди меня день-другой. Если не появлюсь, будешь знать, что со мной что-то случилось. Тогда возвращайся в город и ночью уезжай прочь из этой долины. У них на нас нет ничего, что тянет больше чем на шесть месяцев, если только на нас не повесят и вчерашнее убийство парня этого. Но не думаю, чтобы они на это решились, если не хотят скандала. В случае огласки необходимые действия предпримет МЗТ[16], разнесется история о том, как Джоя застрелили из засады. Ты все запомнил, Джим? Добирайся туда и жди пару-тройку дней. Такое убежище им, как я думаю, не раскопать.

— Что такое ты узнал, Мак? — спросил Джим. — Ты, по-моему, что-то скрываешь.

— Ничегошеньки я не узнал, — отвечал Мак. — Просто у меня чувство, что тучи сгущаются и эта наша акция подходит к концу. Прошлой ночью многие сбежали, в основном семейные — с женами и детьми. Лондон, тот молодец. Скоро наверняка в партию вступит. Остальным же я не

[16] Примечания: 16

Международная защита труда — легальное крыло Коммунистической партии США, было создано на общенациональном съезде в Чикаго в 1925 году.

доверил бы и гроша ломаного. Они так нервничают, что и сами могут нас прирезать, если что.

— Ты тоже нервничаешь, Мак. Успокойся. — Джим встал — сначала на колени, а потом очень осторожно поднялся во весь рост. Двигался он медленно, словно прислушиваясь к боли. Мак с тревогой следил за ним.

— Все отлично, — успокоил его Джим. — Плечо немного одеревенело, но чувствую я себя хорошо. Даже голова не кружится. Сегодня надо мне будет выйти — пройтись.

— Тебе повязку сменить надо, — заметил Мак.

— О, это… Ну да. А что док? Так и не вернулся?

— Нет. Видно, попался. Такой хороший парень был…

— Был?

— Нет. Надеюсь, что не в этом смысле. Может, изобьют его только, и все. Но сколько наших парней вот так исчезают, и больше от них ни слуху ни духу.

— Но ты очень хорошее влияние на всех оказываешь, — сказал Джим.

— Знаю. Если бы я не был уверен, что ты это выдержишь, я бы заткнулся и держал все в себе. Но ведь хочется облегчить душу. И чашечку кофе ужасно хочется, прямо до слез. Как вспомнишь,

как пили мы его в городе, — по три чашки, если хочешь. Все, что душе угодно.

— Наверно, малость всей этой роскоши тебе бы не повредила, — жестко произнес Джим. — Но сейчас соберись-ка ты лучше. Уж слишком ты себя жалеешь.

Лицо у Мака посуровело:

— Ладно, малыш. Хочешь выйти? А идти-то можешь?

— Конечно, могу.

— Ну, тогда задуй лампу. Пойдем, разведаем насчет фасоли с говядиной.

Заскрежетала защитная штора, которую поднял Джим. В палатку хлынул утренний свет, серый, как разведенные чернила. Джим приподнял полотнища входа и подвязал их.

— Пусть проветрится хорошенько, — сказал он. — Это укрепляет. Хорошо бы и помыться всей нашей честной компании.

Мак согласился с ним.

— Постараюсь ведро теплой воды раздобыть, и мы, когда поедим, губкой оботремся.

На небе занимался рассвет. На востоке деревья еще чернели на фоне посветлевшего неба, и стая ворон, потянувшихся к востоку, казалась выгравированной на нем. Под деревьями еще

гнездился сумрак, и земля была темной, словно проникаться светом умела лишь постепенно. Насколько можно было судить, охрана больше не прохаживалась взад-вперед. Усталые люди стояли кучками, руки в карманах, куртки застегнуты по самое горло, воротники подняты. Голоса звучали тихо и монотонно. Так говорят люди, когда разговоры ведутся, только чтоб не уснуть.

По пути на кухню Мак с Джимом подошли к одной такой кучке.

— Ночью были какие-нибудь происшествия? — спросил Мак.

Разговор замер. Обращенные на него глаза патрульных были красными от усталости.

— Ничего такого не было, друг! Фрэнк, правда, говорил, что чудилось ему, будто кто-то ходит всю ночь вокруг лагеря. Мне тоже все казалось, что крадется кто-то. Но слышать мы ничего не слышали. Мы по двое обход делали.

Мак рассмеялся, и громкий этот звук словно взрезал воздух.

— Я в армии служил, — сказал он. — Тренировали нас в Техасе. Так когда я в карауле стоял, мне все казалось, что немцы меня окружили и шепчутся по-немецки.

Посмеялись — тихо, невесело.

Один из патрульных сказал:

— Лондон говорил, что сегодня нам отоспаться дозволено. Вот кусну чего-нибудь, и сразу на боковую.

— И я на боковую. Замерз — сил нет. Все тело чешется, иголками свербит. Что тебе наркоман, когда ему ширнуться охота. Видали, как их корежит, когда им ширнуться охота? Смех один…

— Так чего ж ты к печкам не идешь — согреться? — спросил Мак.

— Мы как раз и собирались.

— Я в сортир, Мак, — сказал Джим. — Встретимся у кухни.

И он побрел между двух рядов палаток — каждая из них казалась последним прибежищем тьмы. Из некоторых несся храп, в других у входа на животе лежали люди. Высунув голову, они встречали утро, а в глазах их еще застыла сонная отрешенность. Джим шел между рядов, а из палаток на воздух вылезали мужчины — ссутулившись, нахохленные от холода. Сварливый женский голос перечислял обиды:

— Не хочу я оставаться в этой помойке! У меня шишка в желудке, большая, как кулак. Что мы здесь высиживаем, чего ждем? Рак у меня, это точно. Мне гадалка два года как рак нагадала.

Говорила, что обязательно рак будет, если не остерегусь. Что у таких, как я, рак как раз и случается. А тут — спишь на земле, ешь всякую дрянь!

Ответом женщине было невнятное бормотание.

Проходя мимо другой палатки, Джим увидел, как из нее высунулась всклокоченная голова.

— Давай по-быстрому, паренек! Он ушел!

— Не могу, — отвечал Джим.

Еще через две палатки из одеял выкарабкался человек.

— Часы есть, дружок?

— Нет. Сейчас шесть с небольшим, должно быть.

— Я слыхал, как она тебя зазывала. Повезло, что не повелся на нее, черт возьми! От нее в лагере бед больше, чем от скэбов. Гнать ее надо взашей, вот что! Из-за нее драки постоянные. Огонь-то там развели?

— Да, — ответил Джим. Он прошел вдоль всей дорожки туда, где в пятнадцати ядрах от палаток на открытой площадке стояла четырехугольная брезентовая выгородка. Внутри находилась подпертая с двух концов доска два на четыре, сооруженная над ямой. На доске могли уместиться трое. Джим поднял коробку с хлорной известью,

потряс ее, но она оказалась пуста. На доске, сгорбившись, сидел мужчина.

— Надо что-то делать с этим, — сказал он. — Куда, черт побери, доктор смотрит? Со вчерашнего дня он как в воду канул.

— Может, нам туда земли покидать, — сказал Джим. — Лучше будет.

— Не мое это дело. Доктор должен позаботиться об этом. Ребята ж заболеть могут.

— Ребята вроде тебя, которым пальцем пошевелить лень, пускай болеют! — зло заметил Джим и краем ботинка подпихнул в дыру немного земли.

— Умничаешь, сопляк, да? — возмутился мужчина. — А ты поживи здесь чуток, помучайся, тогда, может, узнаешь, что к чему.

— Я и так знаю достаточно, чтобы понять, что ты ленивая скотина.

— Вот подожди, пока я штаны подниму, и я покажу тебе, кто из нас ленивая скотина.

Джим потупился.

— Не могу я с тобой драться. У меня плечо прострелено.

— Ну, конечно! Знаешь, что порядочный человек тебя не побьет, и обзываешься! Дождетесь вы, сопляки паршивые…

— Я не хотел обзывать вас, мистер, — произнес Джим как можно спокойнее. — И драться с вами не собирался. У нас поводов драться хватает и без того, чтобы мутузить друг друга.

— Вот это уже другой разговор, — смягчился мужчина. — Я помогу тебе землицы подсыпать, когда закончу. И что слышно-то, какие новости на сегодняшний день? Знаешь?

— Мы сейчас… — начал было Джим, но тут же осекся, опомнившись. — Да не знаю я ни черта! Наверно, Лондон расскажет, когда сможет.

— Пока что Лондон ничего такого не сделал, — заметил мужчина. — Эй, слышь, ты к середине-то так близко не садись. Сломаешь доску! Подвинься к краю. Лондон вообще ничего не делает. Ходит с гордым видом, и все! Знаешь, что парень один мне сказал? Что у Лондона в палатке ящиков с консервами — навалом! Все, чего душе угодно, — и тушенка, и сардины, и персики консервированные. Есть, что простые трудяги едят, он не станет, не на того напали! Он же такой замечательный, лучше всех!

— Но это вранье собачье, черт возьми! — воскликнул Джим.

— Опять умничаешь, да? Полно работяг видели эти консервы! Почем ты знаешь, что это вранье?

— Потому что был в той палатке. Он меня ночевать в палатку свою пустил как раненого. Там у него тюфяк старый и два пустых ящика, а больше ничего.

— Ну а сколько парней говорили, что там и банки консервные с персиками, и сардины. Вчера ночью некоторые хотели даже взять палатку штурмом и грабануть провизию.

Джим усмехнулся с безнадежным видом.

— О господи, что за свиньи люди! Хорошего человека заклевать готовы!

— Опять ты обзываешься, ребят оскорбляешь. Подожди, вот поправишься, и проучат тебя, умника!

Джим поднялся, застегнул пуговицы на джинсах и вышел. Короткие трубы печек-времянок уже дымились клубами серого дыма и испускали столбы белого пара, и все это выше, на высоте метров пятьдесят, сливалось в единое грибообразное облако. Небо на востоке было теперь ярко-желтым, а над головой — желтовато-голубым. Из палаток спешили люди. Тишину сменили шелест шагов, голоса, человеческое движение.

Возле одной из палаток темноволосая женщина медленными размашистыми движениями расчесывала волосы. Голова ее была запрокинута,

и шея казалась очень белой. При виде проходившего мимо Джима женщина улыбнулась приветливой улыбкой и, не прерывая расчесывания, сказала: «Доброе утро». Джим остановился. «Нет, — добавила женщина. — Только “доброе утро”!»

— Вы все вокруг делаете добрым, — ответил Джим.

На секунду он задержал взгляд на белой шее, четко очерченной линии рта.

— Тогда еще раз — доброе утро, — произнес он и увидел, как губы ее сложились в чудесную, полную глубокого понимания улыбку. И когда из палатки, мимо которой он проходил, опять высунулась всклокоченная голова и хриплый голос повторил свое: «Давай по-быстрому, он сейчас ушел», — Джим, едва взглянув и ничего не ответив, лишь ускорил шаг.

Вокруг старых печек-времянок собирались люди. Они тянули руки к теплу и терпеливо ждали, когда разогреется в больших котлах фасоль с говядиной. Джим подошел к бочке с водой, жестяным тазом зачерпнул воды. Холодной водой плеснул в лицо, смочил волосы и без мыла вымыл руки. Стирать с лица водяные капли он не стал.

Мак, заметив его, подошел и протянул ему

жестянку.

— Я ополоснул ее, — сказал он. — Что это с тобой, Джим? У тебя такой довольный вид, будто тебя долго щекотали.

— Я встретил женщину и…

— Как это ты сумел? Времени же не было…

— Я ее только *встретил*, — прервал его Джим. — Она расчесывала волосы гребнем. Странная вещь: иногда самая обычная ситуация почему-то кажется чудесной и остается в памяти на всю жизнь.

— Если бы я встретил неуродливую женщину, то просто обезумел бы, — сказал Мак.

Джим опустил взгляд в свою пустую жестянку.

— Она голову запрокинула и расчесывалась… И улыбка у нее такая была удивительная… Знаешь, Мак, моя мать была католичкой. В церковь по воскресеньям она не ходила, потому что мой старик ненавидел все эти церкви не меньше нашего. Но иногда в середине недели, когда старик бывал на работе, ей все-таки удавалось сходить в церковь. Мальчишкой и я иногда с ней ходил. Вот улыбка той женщины — почему я тебе это и рассказываю — была, как у Марии в церкви, такая же приветливая, понимающая и в то же время сдержанная, уверенная. Я однажды спросил мать: почему Мария улыбается такой улыбкой? И мать

ответила: «Потому что Она на Небе». Думаю, мать немного завидовала Марии. — И он продолжал, путаясь, запинаясь: — А был случай, когда я раз в церкви сидел и глядел на Марию и вдруг увидел над ее головой в воздухе кольцо такое из звездочек маленьких, и кружатся они, кружатся, как птички. На самом деле я это видел, вправду это было, вот что я хочу сказать. Я не шучу, Мак. И никакая это не религия, а то, что, я думаю, в книжках, которые я читал, зовется, по-моему, исполнением собственного желания. И я видел эти звездочки. Точно — видел! И таким счастливым это меня сделало. Мой старик рассердился бы, если б узнал. У него не было твердых взглядов. Да и какие взгляды могли у него быть…

— Из тебя выйдет прекрасный оратор, Джим. Ты говоришь таким убедительным тоном. Господи, у меня даже явилась сейчас мысль, как чудесно было бы посидеть в церкви. Чудесно, представляешь? Вот что делает хороший оратор! Если ты сможешь, говоря, убеждать людей переходить на нашу сторону, это будет хорошо и ценно.

Он снял с гвоздя на бочке с водой висевшую там маленькую кружку, зачерпнул воды, выпил.

— Подойдем посмотрим, как там варево наше мясное. Горячее ли.

Люди двигались цепочкой, и когда подходила их очередь, повара накладывали им в их посудину фасоль и куски мяса. Мак и Джим встали в конец цепочки и в свой черед приблизились к котлам.

— Здесь вся еда? — спросил Мак у одного из поваров.

— Мяса и фасоли осталось еще на один раз. А вот соль закончилась. Нам надо еще соли.

Они отошли, жуя на ходу. Солнечный луч, мелькнув над яблонями, упал на землю, осветив поляну и палатки, которые на солнце выглядели теперь не так убого. Лондон беседовал с группой мужчин, стоявших перед строем старых машин.

— Давай посмотрим, что там такое, — предложил Мак.

Они направились к дороге, где и были выставлены машины. Радиаторы покрывал легкий слой ржавчины, у некоторых были спущены шины, и у всех без исключения вид был такой, будто простояли они здесь целую вечность.

Лондон приветственно взмахнул рукой:

— Здорово, Мак! Ты как, Джим?

— Отлично, — ответил Джим.

— Вот, смотрим с парнями колымаги эти. Разобраться хотим, какие выслать можно против

скэбов. Все они, если честно, слова доброго не стоят.

— И много машин ты планируешь выслать?

— Пар пять. Они парами пойдут, так что если одна застопорит, другая заберет парней с нее — и вперед! — Он ткнул пальцем в конец ряда. — Вот тот старый «хадсон» еще ничего. Пять «доджей» четырехцилиндровых. Эти звери на брюхе поползут, если им шины выбить… Мой автомобиль тоже сгодится. Бегает пока, голубчик. Так. Посмотрим еще. Нет, с закрытым кузовом нам не надо: из такого камня не бросишь… Вот эта, тупорылая. Думаешь, она на ходу, еще бегает?

Вперед выступил человек:

— Бегает, да еще как бегает! Я на ней через всю Луизиану проехал. Зима, да еще горы, а ей хоть бы что, даже мотор не перегрелся!

Они прошли вдоль ряда, выбирая из никуда не годных те, что могли послужить задуманному.

— Эти парни — командиры отрядов, — объяснил Лондон. — Я каждому из них выдам по машине под его ответственность. А они уж пусть подберут себе людей, пять-шесть на машину. Тех, кому доверять можно. И чтобы побоевитее были. Ясно?

— На слух — просто роскошно, — усмехнулся

Мак. — Не представляю, кто бы мог их остановить.

Один из мужчин резко повернулся к нему:

— Еще не родился тот, кто нас остановит!

— Силы так и кипят в тебе, да?

— А ты проверь, если хочешь. Тогда и увидишь.

— Мы пройдемся чуток по округе, Лондон, — сказал Мак.

— О, подожди минутку. От Андерсона ребята только что вернулись. Говорят, Андерсон всю ночь клял их на чем свет стоит. А утром в город двинул, все еще ругаясь.

— Ну, этого следовало ожидать. Как там Эл?

— Эл?

— Ну, сын его. Пострадавший.

— Ребята в дом заходили, видели его. Он хотел в лагерь к нам переехать, но они не решились его с места стронуть. Двое из них с ним остались.

Лондон подошел совсем близко и, понизив голос, чтобы другие не услышали, спросил:

— Куда, ты думаешь, Андерсон направился, а, Мак?

— Думаю, жалобу подавать в город поехал, просить, чтобы нас отсюда взашей выперли. Наверно, заявит, что мы его амбар сожгли. Он так

напуган, что готов на все, лишь бы поладить с другой стороной.

— Угу. Считаешь, мы сможем здесь драться?

— Я расскажу тебе, как, мне кажется, это будет. Думаю, поначалу они пошлют группу — попробовать взять нас на испуг, чтобы мы отсюда смылись. Но мы выстоим. Тогда они на нас уже толпу науськают. Тут надо будет смотреть на настроение наших ребят. Если они озлятся, взбесятся, тогда мы будем драться. Ну а если струсят, мы постараемся убраться отсюда. — Он похлопал Лондона по плечу: — Коли так обернется дело, тебе, и мне, и Джиму придется удариться в бега — бежать быстро и подальше. Когда толпа жаждет крови, то ей безразлично, кто будет жертвой.

— Слейте все топливо из баков, — приказал Лондон своим командирам, — и заправьте машины, которые мы отобрали. Запустите стартеры и проверьте, все ли в порядке, но не газуйте без нужды. — Он вновь повернулся к Маку с Джимом: — Пойду пройдусь. Надо обсудить детали. Как тебе наши ребята? Те, кого я старшими на колымаги поставил, к драке готовы. А об остальных что думаешь?

— Если бы я мог заранее знать, как поведет себя та или иная группа, я бы давно уж прези-

дентом был! Но кое-что мне все же известно. Запах крови, по-моему, людей раззадоривает. Дай им убить кого-нибудь, пусть даже кошку, и их потянет убивать еще и еще. Если будет драка и наши ребята прольют первую кровь, завяжется настоящее сражение. Ну а если первая жертва будет с нашей стороны, не удивлюсь, если наши полезут на деревья.

— Верно, — согласился Лондон. — Возьми одного кого-нибудь, парня, которого ты хорошо знаешь, и ты всегда будешь знать, как он себя поведет, а если таких, как он, будет уже десять человек, то один черт будет знать, что они могут вытворить! Ну а планы-то у тебя какие? Ждать, а там смотря по обстоятельствам?

— Именно, — ответил Мак. — Если привык иметь дело с толпой, то можешь все-таки хоть на шаг, но что-то предугадать. Нюхом чувствуешь это в воздухе. И помни: если наши дрогнут и сломаются, беги, прячься, укройся под чем-нибудь и сиди тихо. Вот слушай: под мостом, что на Торгас-ривер, есть яма вырытая, сухими ивовыми ветками заваленная. Там еда припасена, одеяла. Туда и беги. На долгую ярость толпа не способна. А когда в город попадешь, отправляйся на Сентрал-авеню, сорок два. Скажешь, что от меня.

— Хорошо бы можно было как-нибудь и Лайзу с парнем вызволить. Не хочу, чтобы они пострадали.

— Вы так говорите, будто полностью уверены, что так оно и будет, — вмешался Джим. — Ведь пока еще ничего не произошло и, возможно, не произойдет. Может, Андерсон в город к кому-нибудь в гости отправился!

— Понимаю, что выгляжу паникером, — признал Мак, словно оправдываясь. — Может, и не произойдет. Только Лондон — человек ценный. Нужный нам человек. Не хотелось бы мне, чтоб погибали наши сезонники. Они хорошие парни. Но Лондон нам нужен. Он один стоит всей забастовки.

Казалось, Лондону эти слова доставили удовольствие.

— Ты много раз в забастовках участвовал, Мак. Скажи, всегда они так проходят?

— Да нет, черт возьми. Но здесь, в этом месте, хозяева отлично спелись. Собрались, сорганизовались. Другие рабочие нас не поддержали, не присоединились к нам. Нам перекрыли поставки еды, голодом морят. Если первую группу остановят, мы огребем по полной. Но ты ведь не поедешь с ребятами, правда же, Лондон?

— Поеду, конечно. Я же еще ни разу не бывал в драке.

— Не советую я тебе это делать, — сказал Мак. — Ты нам можешь понадобиться здесь. Они сегодня попытаются всеми правдами и неправдами вытурить нас отсюда. Без тебя ребята могут испугаться и побежать. Ты же все еще здешний главарь, Лондон. Командующий. А командующему полагается быть в центре самой большой группы и оставаться там до последнего. Пойдем, скомандуем, чтобы машины начинали движение, хорошо? Скэбов набралось полно, и они уже приступили к работе.

Лондон развернулся и поспешил назад к машинам.

— Давайте, ребята! Поторапливайтесь! Пора!

Командиры отрядов затрусили к палаткам — звать свои подразделения. Люди выходили, запасаясь камнями и палками. Мелькали и ножи. Отряды провожала целая толпа. Люди стояли на обочине дороги, шумя, громко разговаривая, давая советы.

— Покажи им, что почем, Джо!

— Проломи им башку!

Заработали, преодолевая возраст, двигатели. Отобранные люди влезли в грузовики, заняли

места. Лондон поднял вверх руки, жестом прекращая шум, и крикнул:

— Три пары пойдут в эту сторону, две — в другую!

На малой скорости машины переползли через придорожную канаву и встали в ряд на дороге. Участники акции, приподнявшись, энергично махали шляпами, потрясали кулаками и яростно рассекали воздух палками и дубинками. Машины медленно двинулись в двух направлениях, а толпа оставшихся в лагере кричала им вслед.

Когда машины уехали, крики мгновенно прекратились. Люди стояли в замешательстве и смущении. Они глядели в даль, куда устремились машины, и видели, как те исчезли из виду. Мак и Лондон с Джимом дружно побрели обратно в лагерь.

— Надеюсь, они сумеют нанести хоть какой-то ущерб, — произнес Мак. — Если страдать будем только мы и никто, кроме нас, то долго нам не продержаться. Идем, Джим. Пойдем, глянем, как там старик Дэн. А после, может, возьмем с собой пару-тройку ребят и попробуем навестить Эла. Я ему обязан, и надо бы его подбодрить.

— Пойду воды раздобуду, — сказал Лондон. — В бочке воды почти не осталось.

Джим первым достиг палатки лазарета. Полотнища входа были раздвинуты и подвязаны, чтобы впустить в палатку утренние лучи. Дэн лежал, омываемый солнцем. Лицо его было прозрачно-белым, будто восковым, на щеках вздулись темные вены.

— Как чувствуешь себя, Дэн? — спросил Джим.

Старик слабо пробурчал что-то невнятное.

— Что ты говоришь? — Мак наклонился над Дэном, вслушиваясь.

На этот раз губы старика с трудом выговорили:

— Мне есть не дали.

— Ах ты бедняга, — всполошился Джим. — Я принесу тебе чего-нибудь.

На выходе он замер.

— Мак! — крикнул он. — Они возвращаются.

Со стороны города подъехали четыре машины. Подъехали и встали на дороге. Примчавшийся Лондон протолкался через толпу.

— Какого черта! Что случилось?

Водитель первой машины глуповато улыбнулся.

— Мы не смогли прорваться. — И он снова улыбнулся. — Там баррикада посередь дороги.

— Я же, по-моему, велел вам разрушить баррикаду, если она там будет!

— Ты не понял, — уныло пояснил водитель. — Перед нами две машины шли. Мы подъехали к баррикаде, а там, за нею, человек двадцать с пушками. — Он нервно проглотил комок в горле. — Парень со звездой влез на баррикаду и говорит: «Пикетировать в нашем округе противозаконно. Поворачивайте назад!» Старый «хадсон» поехал было в объезд и сковырнулся в канаву. Ребята из него так и посыпались. Они, как ты и велел, в тупорылую тут же взобрались.

Люди рядом с водителем с важностью кивали, подтверждая его слова.

— Продолжай, — голос Лондона звучал теперь тихо, подавленно.

— И тупорылая попробовала вдарить по баррикаде. И как только она двинулась, парни за баррикадой пустили слезоточивый газ и принялись стрелять по шинам тупорылой. Наши ребята кашлять начали. Столько газу было, что глаза не видели ничего. Те парни противогазы нацепили и наступают, а в руках у них — наручники. — Он снова улыбнулся. — Ну, мы и повернули назад. Что мы могли? У нас даже и камней порядочных не было, чтобы бросать. Тех ребят, что в тупорылой были, они всех похватали. Господи, в жизни я столько газа не видел!

Он поднял взгляд.

— Там и вторая группа едет, — с безнадежным видом произнес он. — Наверно, они с обеих концов дорогу перекрыли.

Толпа исторгла вздох — долгий, странный. Некоторые, повернувшись, медленно побрели к палаткам, волоча ноги, опустив головы, словно погруженные в невеселые мысли.

Лондон повернулся к Маку. Вид у того был озадаченный.

— Как думаешь, может, машинам стоит через сад попробовать проехать, по бездорожью? Ведь дороги-то все могут оказаться перекрыты, — предложил Мак.

Лондон покачал головой:

— Слякотно слишком. Машина и десяти футов не пройдет, как в грязи застрянет.

Мак вспрыгнул на подножку одной из машин.

— Слушайте, ребята! — крикнул он. — Нам остается единственный способ прорваться. Давайте всем скопом отправимся и снесем эти баррикады! Не имеют они права нас запирать здесь, и будь они все прокляты!

Он сделал паузу, ожидая какого-нибудь отклика, оживления. Но люди отводили глаза, и каждый ждал, что ответит кто-нибудь другой.

Наконец кто-то один произнес:

— Нам драться нечем, мистер. Голыми руками газ и пушки не победить. Дайте нам ружья, тогда поборемся.

Слова эти вызвали у Мака ярость.

— Они убивают наших парней, сжигают дома и строения наших друзей, а вы не хотите драться! Даже крыса паршивая, попав в капкан, и та борется!

Безнадежность повисла в воздухе, подобно слезоточивому газу.

— Не можем мы, мистер, драться с газом и пушками голыми руками! — повторил все тот же мужчина.

От ярости голос у Мака срывался.

— А со мной драться голыми руками вы, сволочи трусливые, сможете? — Губы его беспомощно дрожали. — Вот и пробуй вам помочь, пробуй сделать для вас что-нибудь… — Он осекся.

Лондон потянулся к Маку и стащил его с подножки. Глаза у Мака сверкнули безумным блеском. Он попытался вырваться.

— Убью этих подонков трусливых! — вопил он.

Джим вспрыгнул на подножку с другой стороны и взял Мака за другую руку.

— Мак, — успокаивал он. — Мак… Ради бога, ты

сам не знаешь, что несешь!

Подхватив Мака с двух сторон, Лондон и Джим повели его сквозь толпу. Люди стыдливо опускали головы, не смея глядеть им в лицо, и перешептывались, втихомолку повторяя: «Голыми руками пушки и газ не победить».

Участники акции молча спрыгнули на землю из своих машин, оставив их на дороге.

Мак обмяк и, больше не сопротивляясь, позволил увести себя в палатку Лондона и усадить там на тюфяк. Джим смочил тряпку водой из ведра и хотел умыть ему лицо, но Мак отнял у него тряпку и умылся собственноручно.

— Я в порядке, — тихо произнес он. — Не гожусь я никуда. Гнать меня из партии надо.

— Ты ж не спал совсем, — возразил Джим.

— Знаю. Но дело не в этом. Они сами не хотят себе помочь. А я ведь видел, как люди безоружные на пулеметный огонь шли. А эти сегодня с горсточкой зеленых помощников шерифа не хотят сразиться! Испугались до смерти! — И он продолжил: — Знаешь, Джим, я не лучше их. Надо было мне голову включить. Когда я прыгнул на подножку, то всего лишь подзадорить их хотел, но это проклятое трусливое стадо овец меня взбесило… Нельзя было впадать в неистовство,

не имел я права на это. И выгнать меня надо из партии взашей.

— Я и сам часто в бешенство впадаю, — сочувственно произнес Лондон.

Мак разглядывал свои пальцы.

— Бежать бы отсюда без оглядки, — горестно заметил он. — В стог сена заползти и уснуть там, и пропади они пропадом, вся эта шайка.

— Вот отдохнешь ты, — сказал Джим, — и к тебе вернутся силы. Ляг и постарайся уснуть, Мак. Мы позовем тебя, если ты понадобишься, правда, Лондон?

— Конечно, — сказал Лондон. — Ты ляг и вытяни ноги. Сейчас ты ничего сделать не можешь. Пойду с командирами отрядов переговорю. Может, подберем несколько смелых ребят — пробраться и глянуть на эти баррикады.

— Боюсь, что на этот раз они приперли-таки нас к стенке, — сказал Мак. — Сумели напугать наших еще до того, как те выступили. — Он лег на тюфяк. — Что им нужно, так это кровь, — пробурчал он себе под нос. — Толпе надо кого-то растерзать… О господи, как же это меня угораздило все испортить с самого начала! — Он закрыл глаза и тут же снова их открыл. — Слушайте, очень скоро они к нам заявятся — шериф или

еще кто-нибудь. Не робейте и разбудите меня. Не давайте им спуску ни в чем и меня призовите на помощь.

Он потянулся по-кошачьи и, уткнувшись головой себе в руки, задышал размеренно и ровно.

Солнце погрузило в тень распорочные веревки палатки и нарисовало квадратик света на убитой шагами земле возле распахнутого входа.

Джим и Лондон потихоньку вышли.

— Бедный парень, — заметил Лондон. — Соснуть ему надо. Никогда не видел еще, чтобы настолько не хватало сна человеку! Говорят, копы иногда так делают: не дают спать задержанному, и тот с ума сходит.

— Проснется и будет как новенький, — сказал Джим. — Господи, я ведь обещал Дэну принести ему поесть чего-нибудь, а тут как раз машины эти приехали. Надо сейчас ему еды принести.

— А я пойду Лайзу повидаю. Может, она согласится поухаживать за старым греховодником.

Джим направился к печкам, зачерпнул там фасоли в жестянку и понес еду в больничную палатку. Слонявшиеся без дела люди собирались в кучки. Джим заглянул в палатку. Треугольник солнечного света стал короче и, переместившись, погрузил койку Дэна в тень. Старый Дэн лежал с

закрытыми глазами и медленно, слабо дышал.

Странный затхлый гнилостный запах заполнял палатку — запах искалеченной, медленно умирающей плоти. Джим склонился над койкой:

— Дэн, я принес тебе поесть.

Дэн медленно разомкнул веки.

— Не хочу я ничего. Жевать сил нет.

— Надо поесть, Дэн. Без еды не поправишься. Слушай, я тебе под голову подушку подложу и покормлю тебя.

— Не хочу я поправляться. — Голос у Дэна был тягучим, медлительным. — Хочу лежать здесь и больше ничего. Я лесорубом-верховым был — верхушки срубал. — Глаза его вновь закрылись. — Лезешь по стволу все вверх, а внизу малые деревья остаются, лес второго, третьего сорта. А ты закрепляешь на себе пояс безопасности…

Он глубоко вздохнул и перешел на невнятный шепот. Пятно солнечного света заслонила чья-то тень. Джим поднял глаза.

При входе в палатку стояла Лайза с завернутым в платок ребенком на руках.

— Мне с ребенком одним хлопот хватает, а он говорит, чтобы пришла сюда и за каким-то стариком смотрела…

— Ш-ш!.. — прервал ее Джим и поднялся с кой-

ки, чтобы Лайзе было видно осунувшееся, со впалыми щеками лицо Дэна.

Она скользнула внутрь и присела на свободную койку.

— О-о, я не знала… А что вы хотите, чтобы я делала?

— Ничего. Только чтобы побыла с ним.

— Не люблю я таких. Запах у них особый. Знаю я этот запах! — Она нервно поежилась и прикрыла платком круглое личико ребенка, словно оберегая его от этого запаха.

— Ш-ш… — зашипел Джим. — Может, он еще оклемается.

— С таким-то запахом? Нет! Я знаю этот запах. Если так пахнет, значит, часть его уже умерла.

— Вот несчастный! — воскликнул Джим, и немудрящие эти слова чем-то тронули девушку.

Глаза у Лайзы наполнились слезами.

— Я останусь. Побуду здесь. Видала такое и раньше. Вреда от такого никому не бывает.

Джим сел возле нее.

— Мне хорошо с тобой рядом, — ласково произнес он.

— Не надо этого всего.

— Хорошо. Не буду. Я только удивился, почему рядом с тобой так тепло.

— Потому что и мне не холодно.

Глядя в сторону, он сказал:

— Я хочу поговорить с тобой, Лайза. Ты не поймешь, но это не важно. Совсем не важно, ни чуточки. Все рушится и разлетается. Но это лишь маленькая часть целого. И это ничего, Лайза. Ни ты, ни я, если брать все это в целом, большого значения не имеем. Понимаешь, Лайза? Я это сам себе говорю, но сознаю яснее, когда ты меня слушаешь. Ты догадываешься, о чем я говорю, да, Лайза?

Он увидел, как лицо ее от шеи вверх заливает краска.

— У меня ребенок новорожденный, — сказала она. — А потом, я не такая. — Она взглянула на него, и в глазах у нее был стыд. — Не говори таких слов. И брось ты этот тон, — умоляюще добавила она. — Ты ведь знаешь, что я не такая!

Джим протянул руку, чтобы погладить ее по голове, но она отпрянула от него.

— Нет!

Он встал.

— Не обижай старика. Ясно? Вода и ложка на столе. Давай ему пить понемножку время от времени.

Он вдруг вскинул голову, напряженно вслу-

шиваясь в гул голосов в лагере, постепенно нараставший шум. А потом поверх басовитого гула вверх взвился и тут же сердито упал чей-то страстный выкрик.

— Мне пора, — сказал Джим. — Береги его. — И поспешил прочь.

Возле кухонных печек теснились люди, облепившие некий предмет в центре. Лица у людей были сосредоточены, обращены внутрь. Сердитый голос исходил из центра. Вглядевшись, Джим понял, что толпа перемещается, влекомая к пустому маленькому возвышению, помосту, сооруженному для похорон Джоя. Толпа двигалась к помосту и, достигнув, обтекала его со всех сторон. Но какой-то человек, вдруг вырвавшись из толпы, вскочил на помост. Джим подбежал к собравшимся. Теперь он видел четко. На помосте стоял Берке, хмурый и злобный. Он бурно жестикулировал, а голос его гремел над головами толпившихся внизу. Джим заметил Лондона, примчавшегося со стороны дороги.

Берке ухватился за поручень перекладины.

— Вот и он наконец, — выкрикнул Берке. — Полюбуйтесь на него! Это тот парень, от которого вся порча пошла! Чем, черт возьми, он тут у нас занимался? Сидел себе, посиживал в своей па-

латке, жрал персики консервированные, когда мы мокли под дождем и питались дрянью, от которой и свинья рыло воротит!

Лондон даже рот открыл от изумления.

— Что здесь происходит? — рявкнул он.

Берке перегнулся через поручень.

— Я скажу тебе, что происходит! Происходит то, что мы хотим над нами другого старшего. Такого, который не станет нас продавать за банки с консервами!

Лицо у Лондона побелело, плечи напряглись. Он с ревом ринулся в податливо расступавшуюся перед ним массу людей; расшвыривая замешкавшихся направо и налево, буравя собой толпу. Пробравшись к помосту, он ухватился за поручень и уже подтягивался, когда Берке, целя пяткой ему по голове и не попав, ударил в плечо и оторвал от поручня одну его руку. Лондон издал новый рев. Он стоял на помосте возле поручня. Берке хотел дать ему пощечину и опять промахнулся. И тогда с тяжкой стремительной силой большого и грузного человека Лондон сделал бросок левой, и, так как Берке увернулся, огромный правый кулак Лондона сбоку пришелся ему по челюсти, сильно зацепив ее. Ударом этим Берке был поднят в воздух и затем брошен вниз на

помост. Голова у него безвольно свесилась с края помоста, сломанная челюсть была свернута на сторону, во рту виднелось крошево зубов. Изо рта Берке струей лилась кровь, заливая нос, стекая по глазу, и исчезала где-то в волосах.

Лондон стоял над ним, тяжело дыша, и глядел на распростертое тело. Потом медленно поднял голову:

— Ну, кто еще из вас, сукины дети, считает меня предателем?

Те, кто ближе всех стоял к свесившейся голове Берке, глядели на нее завороженно, не сводя глаз. Стоявшие по бокам помоста толкались, напирали, становились на цыпочки, чтобы лучше видеть картину, глаза их сверкали злобой.

«Совсем ему челюсть раздолбал, — произнес какой-то мужчина. — Эта кровь из мозгов у него идет». Другой истерически вопил: «Убил его! Порешил! Голову ему оторвал!»

Затесавшиеся в толпу женщины одеревенело глядели на свисавшую голову. Тяжелый звук приглушенного рыдания, изумленное пугливое «ах» поднималось над толпой. Плечи цепенели, руки грозно приподнимались. Лондон все еще тяжело дышал, но казался озадаченным и растерянным. Он оглядывал свой кулак, рассеченные,

окровавленные костяшки пальцев. Потом окинул взглядом толпу, словно моля о помощи, и увидал стоявшего поодаль Джима. Тот поднял над головой сцепленные руки, потом указал на дорогу, на стоявшие там машины и вновь на дорогу. Лондон обернулся к глухо ворчащей толпе, и с лица его слетело выражение растерянности. Он сердито нахмурился.

— Ладно, ребята! — крикнул он. — Знаете, почему я до сих пор ничего не сделал? Да потому что вы мне не помогали! Но теперь-то, видит бог, вы готовы. Вас теперь ничем не остановить!

Толпа исторгла из себя вопль — долгий, хриплый, звериный вопль был ему ответом. Лондон поднял обе руки.

— Кто пойдет за мной и разобьет в пух и прах эту чертову баррикаду?

Толпа быстро меняла облик. Глаза и мужчин, и женщин загорались воодушевлением. Толпа колыхалась, подхваченная единым порывом. Ее крики больше не были разрозненными одинокими криками одиноких людей. Все двигались сообща и вместе, лица приобретали сходство. И рев был единодушным — единый голос, порожденный глотками многих.

— Пусть кто-то сядет за руль! — крикнул Лон-

дон. — Давайте, давайте! Пошли!

Он спрыгнул с помоста, пробился через толпу. Спешно завели моторы. Толпа вылилась на дорогу. Она больше не была разрозненной, вялой, безучастной. Она превратилась в отлично отлаженный и в высшей степени действенный механизм, некую грозную машину. Люди рысью двигались по дороге, сдержанные, целеустремленные, а за ними неспешно следовали машины.

Джим видел, как все начиналось. Он громко приказывал себе:

— Не увлекайся! Не лезь! Не давай себе увлечься! Сохраняй благоразумие!

Большинство женщин ринулись вперед вместе со своими мужчинами, но оставшиеся бросали на Джима странные опасливые взгляды, потому что, когда он глядел вслед удалявшейся грозной машине толпы, глаза его загорались тем же воодушевлением. А потом машина эта скрылась, и Джим, прерывисто вздохнув, отвернулся. Рука потянулась к раненому плечу и сжала его, на что плечо отозвалось приступом боли. Джим медленно побрел к палатке Лондона, а войдя, молча сел там на ящик.

Мак взглянул на него, с трудом разлепляя веки. Лишь тоненькая щелка между ними показывала,

что он не спит.

— Сколько ж я проспал, Джим?

— Не так много. Еще полудня нет, по-моему, хотя дело идет к полудню.

— Мне такие сны снились… Однако я отдохнул. Думаю, пора мне встать.

— Лучше еще поспи, если получится.

— Зачем? Я вполне отдохнул. — Он широко открыл глаза. — И глаза больше не щиплет. Когда так устаешь, сон бывает тяжелым. Снилась всякая чертовщина.

— Лучше еще поспи.

— Нет.

Он сел, потянулся.

— Что-нибудь произошло, пока я спал? Тишина какая-то гробовая.

— Много чего произошло, — сказал Джим. — Берке попытался сместить Лондона, а тот вдарил ему, чуть не убил. Господи, я и позабыл о Берке!

Он ринулся вон, обежал палатку, кинул взгляд на помост. Затем вернулся.

— Кто-то перетащил его оттуда, — сказал он.

Мак был уже на ногах и взволнован.

— Расскажи мне!

— Ну, когда толпа увидела кровь, все словно обезумели, и Лондон повел их ломать баррикаду.

— А что я тебе говорил! — вскричал Мак. — Им кровь требуется, они крови жаждут! Вот что работает! Я же говорил! Ну а потом — что?

— Они сейчас все там, на дороге. Господи, Мак, это надо было видеть! Как будто все они исчезли, превратились во что-то… животное какое-то, что ли… зверя, бегущего по дороге. Все — как один страшный зверь. Меня чуть не втянуло туда, хотел идти с ними, а потом подумал: «Нет, ты не должен, не имеешь права. Будь благоразумен!»

— Верно! — одобрил его Мак. — Многие считают толпу безалаберной, никчемной, но я много раз ее наблюдал и могу утверждать, что толпа, когда она чего-то хочет, действует эффективно, умело, не хуже натренированных солдат, но вот в чем загвоздка: порушат они баррикаду, а что будет дальше? Дальше они захотят крушить еще и еще, пока не остынут. Ты верно сказал, — продолжал Мак, — насчет огромного животного. Толпа — это другое, чем каждый отдельный человек в ней. Это животное, этот зверь сильнее всех их, вместе взятых. И желания у этого зверя иные, чем у отдельных людей. Все как док говорил: мы не знаем, во что это выльется.

— Зверь разрушит баррикаду, — сказал Джим.

— Я не про это. Зверю вовсе не баррикада нуж-

на. А чего он хочет — мне неизвестно. Беда в том, что ученые, рассуждающие о народе, думают, что народ — это люди. На самом деле — нет. Народ — это животное другой породы. Она так же отлична от породы человеческой, как, например, порода собачья. То, что мы можем как-то этим управлять, Джим, это прекрасно. Но знаний у нас маловато. Начавшись, все может обернуться чем угодно…

Он говорил оживленно, взволнованно и с некоторым страхом.

— Прислушайся-ка, — сказал Джим, — по-моему, слышно… — Он бросился ко входу. — Возвращаются! — вскричал он. — И шум другой… Разрозненный какой-то, расползшийся…

Дорогу заполнила возвращающаяся толпа. Лондон вырвался вперед и тяжелой рысью направился в их сторону. Приблизившись, он прокричал:

— В палатку! Живо! Прячьтесь в палатке!

— Чего это он? — удивился Джим. Но Мак, ни слова не говоря, втолкнул его внутрь палатки и, отвязав тесемки, прикрыл вход.

— Он знает, что делает, — сказал Мак. — Сиди тихо и дай ему справиться с этим. Что бы там ни было, не высовывайся.

Они слушали похожий на дождь шелест шагов,

крики. Потом увидели на стенке палатки призе-мистую темную тень Лондона, кричавшего:

— Угомонитесь, парни, хватит!

— Мы покажем ему, кто из нас трусливый по-донок!

— Вы разобиделись, что вас поругали! — кричал Лондон. — Ну, пойдите, выпейте чего-нибудь, успокойтесь. Вы все проделали отлично, но друга моего я вам не выдам. Ведь он и вам друг! Он работал на вас до упаду, вот что я вам скажу, работал так, что с ног валился от усталости!

Сидя в палатке, Мак и Джим почувствовали перемену, напор толпы ослаб, истощился в сотнях разрозненных криков.

— Да мы знаем, Лондон!

— Ясно, только чего ж он нас трусами обозвал…

Мак дышал тяжело, прерывисто.

— Это было совсем близко, Джим. Совсем рядом…

Квадратная тень Лондона все еще маячила на полотнище палатки, но возбужденное многоголосье ослабевало, рассеивалось, теряя свой грозный смысл.

Лондон расширил тему:

— Если кто-то из вас, ребята, считает, что я

прячу у себя банки персиков, можете войти и осмотреть палатку!

— К черту, Лондон! Никогда мы такого не думали!

— Это все сукин сын Берке нас натравливал!

— Он под тебя подкапывался, Лондон. Я слышал, что он болтает.

— А раз так, убирайтесь. Мне есть чем заняться.

Тень на стенке палатки оставалась там, пока голоса не стихли, а толпа возле палатки не рассосалась. Лондон приподнял полотнище входа и вошел усталый.

— Спасибо, — сказал Мак. — Ты не можешь знать, до чего близка была опасность, так, как это знаю я. Ты справился с ними, Лондон. О, как же ловко ты с ними справился!

— Я был напуган, — признался Лондон. — Но знаешь, не из-за этого ты можешь думать обо мне плохо. На обратном пути я поймал себя на том, что мне хочется прийти и собственными руками убить тебя. — Он осклабился. — Не знаю, почему это так.

— Никто не знает, — пожал плечами Мак. — Но факт остается фактом. Расскажи нам, что было на дороге.

— Мы смяли их, — сказал Лондон. — Набросились так, как будто и нет их там совсем. Они пустили газ, и некоторые ребята стали кашлять и вопить, но эти новоиспеченные копы не имели, черт возьми, против нас ни единого шанса. Кое-кто из них попросту бежал, думаю, даже большинство. Ну а те, кто остался, были разбиты в пух и прах. Ребята были злы как черти.

— Стрельба-то была?

— Нет. Не успели они. Постреляли в воздух, думали, мы остановимся. А мы все напирали и напирали. Есть копы, которых хлебом не корми, только дай пострелять в нас, но большинству это не нравится. Вот мы их и смяли. И баррикаду разрушили.

— Ну а машины-то прошли?

— Да, черт возьми. Восемь машин прорвались. С парнями, злыми, как сто собак.

— Копов поубивали? — спросил Мак.

— Что? Поубивали? Не знаю. Я не глядел. Может, и поубивали. Могло быть и такое. Думаю, даже пулеметный огонь нас бы не остановил.

— Здорово, — похвалил Мак. — Вот если бы можно было подогревать народ по желанию, как конфорку включают: надо — включаешь, не надо — выключаешь, тогда бы мы революцию эту чер-

тову устроили завтра же, а к вечеру того же дня все было бы уже кончено. У наших настроение изменилось очень быстро.

— Да все из-за бега этого, — сказал Лондон. — Почти милю бежали. Когда возвращаться надо было, они уже все запыхавшиеся были, без сил. Я и сам едва на ногах держался, тошнило. Бегать-то не привык!

— Понятно, — кивнул Мак. — Причина, однако, не в беге. Просто такие штуки что-то с кишками делают. Наверняка у многих сейчас весь завтрак наружу вывернуло.

Казалось, Лондон только теперь вдруг заметил Джима. Пройдя, он хлопнул Джима по спине.

— Это твоя заслуга, Джим. После того как я ненароком саданул Берке, я не знал, как мне, черт возьми, быть и что делать. И ребята, что вокруг стояли, тоже не знали, что им делать. Меня схватить или еще кого. Я глянул, а тут ты мне показываешь, и я тогда понял, что делать.

Джим просиял от удовольствия.

— От меня пользы немного с моим-то плечом… Я все думал насчет слов Мака о том, как пролитая кровь вроде как заводит ребят. Помнишь, как ты это говорил, Мак?

— Помню, конечно. Только не уверен, что

вспомнил бы, будь я на твоем месте. Не знаю, как тебе это удается, Джим. Все вокруг теряют голову, все, кроме тебя. Слыхал я, что твой старик не был шибко умным, звезд с неба не хватал, все больше дрался. Так что от кого ты привычку взял думать головой — непонятно.

— Мне всегда приходилось перво-наперво о пользе дела думать, — сказал Джим. — Отец был и вправду таким, как ты его описал. А вот мать была благоразумной до безобразия.

Лондон сжал кулак и с изумлением увидел свои разбитые в кровь костяшки.

— Господи! Нет, ты только взгляни!

— Ну да, ты их разбил, — подтвердил Мак.

— Это я об этого сукина сына Берке их разбил! Как он там, Джим? Я ему, кажется, чуть ли не голову оторвал, когда треснул.

— Не знаю, как он, — сказал Джим. — Кто-то снял его с помоста.

— Наверно, лучше будет мне самому посмотреть, — решил Лондон. — Смешно, только сейчас я почувствовал, что что-то не то с рукой.

— Когда в дело вступает зверь, обычно мало что чувствуешь.

— Какой еще зверь?

— О, это шутка такая. Будет правильно, если

пойдешь и проверишь, как там Берке. И заодно пощупаешь настроение ребят. Они сейчас в некотором разброде, думаю.

— Я больше не смогу им доверять, — вздохнул Лондон. — Не знаю, что они могут вытворить в следующую секунду. Одна радость — что не я защищал эту баррикаду.

— Ну а я рад, что ты оказался возле палатки, — сказал Мак. — Не будь тебя, висеть бы нам с Джимом сейчас на ближайшей яблоне!

— Да, была-таки минутка… — пробурчал Лондон.

Он приподнял борта палатки, подвязал их. Но солнце в палатку не проникло: оно успело подняться высоко. Мак и Джим проводили взглядом удалявшуюся фигуру Лондона и опять остались одни. Мак плюхнулся на тюфяк. Джим не сводил с него глаз, пока тот не спросил:

— Ты меня в чем-то обвиняешь?

— Нет. Только все думаю… кажется мне что-то, будто теперь, когда эту схватку мы выиграли и парни наши сумели прорваться, нам больше, чем когда-либо, грозит опасность все потерять. Мы же приехали сюда для конкретного дела, Мак. Неужели мы все испортили?

— Ты придаешь слишком большое значение и

нам, и этой маленькой победе, — резко ответил Мак. — Даже если сейчас все пойдет к черту, все равно игра стоила свеч. У множества парней, веривших во всю эту чушь про благородство американского труженика и нерушимый союз и единение капитала и труда, теперь открылись глаза, и они стали мыслить правильно. Теперь они знают, до какой степени капиталу наплевать на них, с какой готовностью он бросается их травить, точно муравьев. Ей-богу, мы кое-чему их научили, показали им две вещи: кто они есть и что им следует делать. А последняя шумная схватка показала им еще, что делать это они способны. Помнишь, как забастовка во Фриско изменила Сэма? Вот теперь и в наших парнях должно появиться что-то от Сэма.

— Ты считаешь, у них хватит мозгов это понять?

— Не мозгов, Джим. Мозги тут ни при чем. Когда все закончится, новое знание само проникнет внутрь каждого и будет там жить и продолжать свою работу. Они не будут думать об этом, анализировать, но будут знать.

— Ну а сейчас что будет, как ты считаешь, Мак?

Мак потер пальцем передние зубы.

— Считаю, что им ничего не остается, как надавить на нас хорошенько. Может быть, это произойдет еще сегодня, а может — этой ночью.

— Ну а как нам, по-твоему, быть? Просто исчезнуть или затеять драку?

— Затеять драку и драться, если сможем толкнуть на это парней, — сказал Мак. — Если они в страхе уползут, это станет для них постыдным воспоминанием, но если они станут драться и будут побиты, то им запомнится, что они все-таки дрались! Ради одного этого уже стоит драться.

Джим встал коленом на тюфяк.

— Послушай, если власти применят оружие, то множество наших будет перебито.

Мак прищурился, и глаза его превратились в холодные щелки.

— Мы всего лишь меряемся командами, Джим. Предположим, некоторые из наших окажутся убитыми. Это сыграет на руку нашей команде, потому что вместо каждого нашего, кто будет ими убит, в нашу команду вступит десяток новых игроков. Поползут слухи, они распространятся по всей стране, люди будут слышать это, и в них станет закипать злость. Те, в ком злоба только теплилась, ощутят в себе пламя. Понятно? Ну а если мы струсим и уползем, про это станет из-

вестно, и люди скажут: «Они даже не пытались драться», — и все сезонники, все батраки почувствуют неуверенность, заколеблются. Если же мы будем драться, новость об этом облетит всю округу, и другие люди, чье положение сходно с положением наших парней, последуют нашему примеру.

Джим опустил на тюфяк второе колено и, откинувшись назад, сел на пятки.

— Я просто хотел уяснить себе ситуацию. Но захотят ли драться ребята?

— Не знаю. Прямо сейчас — вряд ли. Сейчас их тошнит, им плохо. Но, может быть, позже — захотят. Мы сможем подбросить им новую жертву вроде Берке. Берке со своими разговорами о честности случился очень кстати, как раз в момент, когда он был нам очень нужен. Может, еще кто-нибудь прольет капельку крови на алтарь общего дела.

— Мак, — сказал Джим, — если все, что нам нужно, это кровь, то я сдерну бинт — кровь так и хлынет!

— Ты говоришь смешные вещи, Джим, — добродушно заметил Мак. — И с таким серьезным видом!

— Не вижу ничего смешного.

— Не видишь. А помнишь анекдот о том, как леди собаку покупала? Спрашивает: «А это точно овчарка? Вы уверены?» Владелец говорит: «Конечно, уверен. Как есть натуральная овчарка. Гони леди в загон, Оскар!»

Джим криво улыбнулся.

— Нет, Джим, — продолжал Мак. — Для нашего дела ты ценнее, чем сотня этих парней.

— Ну, маленькое кровопускание мне не повредит.

Мак нервно потеребил нижнюю губу.

— Джим, — сказал он, — случалось тебе наблюдать собачью свару, когда дерутся четыре-пять кобелей?

— Нет.

— Видишь ли, если один из них ранен или падает, другие тут же набрасываются на него и убивают.

— Ты это к чему?

— Люди иногда поступают точно так же. Почему — не знаю. Помню, док однажды сказал мне о чем-то похожем, что в людях есть нечто, что им самим ненавистно и возбуждает в них ненависть.

— Док — хороший парень, но все его высокоумные идеи никуда не ведут. Все это лишь толчение

воды в ступе и хождение по кругу.

— И все-таки хорошо бы док был здесь, с нами. Как твое плечо, ничего?

— Конечно. Я его берегу, стараюсь по возможности не двигать им.

Мак встал.

— Дай-ка я погляжу на него. Сними куртку.

Джим с трудом стянул с себя куртку. Мак ослабил на нем повязку и осторожно отлепил марлевую салфетку.

— Выглядит неплохо. Воспалено немного. Я пару слоев марли сниму. Скорее бы в город. Там бы тебе оказали помощь. А вот эту марлю, чистую, я оставлю.

Он вернул повязку на место и не отнимал руки, пока марля не прилипла к теплому телу.

— Может, в городе мы и дока разыщем, — сказал Джим. — Он такие странные речи говорил, перед тем как исчезнуть. Наверно, противно ему стало или испугался он.

— Вот. Готово. Дай помогу тебе куртку надеть. А о предположениях своих забудь. Если б док все бросил, потому что ему противно стало, то это случилось бы несколько лет назад. И я видел его под огнем — он не из пугливых.

Лондон вошел и остановился при входе — се-

рьезный, испуганный.

— Убить я его не убил, но близко к тому, черт возьми. Челюсть у него сломана вдрызг, выглядит жутко. Боюсь, помрет он без доктора-то.

— Ну, в город переправить мы его сможем, но не думаю, чтобы там очень уж возиться с ним стали.

— Баба его скандалит, — продолжал Лондон. — Орет, что в суд подаст на всю нашу шайку за убийство, что всю забастовку мы затеяли, чтоб Берке порешить.

— Одно это забастовку бы оправдало, — усмехнулся Мак. — Не нравился он мне никогда. На стукача сильно смахивал. А что ребята, как себя чувствуют?

— Сидят, не двигаются, как ты и говорил, и вид у них такой, будто живот свело. Точно дети, которые сладостями объелись в кондитерской.

— Ясное дело, — поддакнул Мак. — Разом слопали то, что могло нам помочь целую неделю продержаться. Надо им еды подкинуть, если удастся достать. Может, выспятся, так оклемаются. Ты, конечно, прав, Лондон: очень нам доктор нужен. Как там парень, что лодыжку сломал?

— Да тоже невесть как скандалит. Кричит, что испортили ему ногу, что болит она зверски и

что он теперь инвалид, ходить не сможет. Все эти вопли вокруг, понятно, не очень поднимают настроение.

— Да, а еще Эл имеется, — заметил Мак. — Интересно, как он там. Надо нам пойти и повидать его. Думаешь, остались при нем парни, которым ты велел там дежурить?

Лондон пожал плечами:

— Откуда мне знать…

— Ну а пяток парней, чтобы сопроводить нас к нему, найдется?

— Не пойдет никто из них никуда, по-моему, — сказал Лондон. — Все бы им сидеть сейчас, свесив голову, и ноги свои разглядывать.

— Ну и ладно, тогда я один пойду!

— И я с тобой, Мак! — вмешался Джим.

— Нет. Оставайся здесь.

— По-моему, никто тебя здесь не потревожит, — заметил Лондон.

— Останься, пожалуйста, Джим, — умоляюще произнес Мак. — Что, если схватят нас обоих? Тогда лагерь окажется обезглавленным и некому будет продолжать борьбу. Почему бы тебе не остаться и не позволить мне сходить одному?

— Нет, я пойду. Достаточно я здесь насиделся, трясясь над своим здоровьем!

— Ладно, малыш, — сдался Мак. — Но идти будем осторожно, глядя во все глаза. А ты, Лондон, пока нас не будет, постарайся немного расшевелить ребят. Наскреби для них малость мяса с фасолью. Им уже обрыдла такая пища, но все же это еда. Теперь уж, я считаю, вестей, что там слышно с грузовиками, ждать нам осталось недолго.

— Думаю, не открыть ли мне баночку персиков, — проворчал Лондон. — И сардин заодно. Ребята же говорили, что у меня консервов — целая куча, пирамида из банок, аж до потолка достает. Так я уж угощу вас, когда вернетесь.

Глава 15

Они вышли на ярко-желтый солнечный свет. Под лучами солнца лагерь выглядел неопрятно. В отсутствие Бертона мусор не убирали. Всюду валялись клочки бумаги, какие-то бечевки, на крепежных веревках палаток сушилась рабочая одежда. Выйдя из лагеря, Мак и Джим пересекли луговину и подошли к краю яблоневого сада. Возле первого ряда деревьев Мак остановился. Глаза его шарили, оглядывая пространство вокруг.

— Гляди в оба, Джим, — посоветовал он. — Наверно, это чертовски глупо — идти одним. Глупо и неблагоразумно. — Он вглядывался в ряды деревьев. Длинные, испещренные пятнами солнечного света междурядья были безмолвны. Ни малейшего движения. — Так тихо, что это даже подозрительно. Слишком уж тихо. — Он потянулся к яблоневой ветке и снял с нее оставленное сборщиками яблоко — маленькое, корявое. — Господи, какая вкуснотища! А я и позабыл про яблоки. Забываешь о самых простых вещах.

— Никого не видно, — заметил Джим. — Ни единой души.

— Слушай, мы пойдем по самому краю, под деревьями. Если кто глянет вдоль прохода, нас видно не будет.

Оба опасливо ступили под сень развесистых яблонь, беспокойно шаря глазами вокруг. Они шли в тени, отбрасываемой ветвями яблонь и листвой, и солнце нежно и тепло ударяло им в затылок.

— Скажи, Мак, — спросил Джим, — что, если когда-нибудь взять отпуск и отправиться туда, где нас никто не знает, чтобы сидеть там в яблоневом саду?

— Посидишь так часа два и обратно вернуться захочешь.

— У меня никогда времени не было просто глядеть на разные вещи, никогда! Я не видел, как раскрываются почки. Вообще не глядел никогда, как что-то случается. Сегодня утром по днищу палатки целый строй муравьев полз. А я и не смотрел на них — мысли другим были заняты. Иной раз хочется сидеть весь день, девчонок разглядывать и ни о чем другом не думать.

— Девчонки парней с ума сводят, — усмехнулся Мак. — Парни — те еще фрукты, а девчонки и того хуже — с ума сводят.

— И все-таки иногда странное чувство возни-

кает, что не смотришь ни на что, не видишь. Что времени никогда не уделял тому, чтобы видеть. Вот кончится здесь все скоро, а я так ничего и не узнаю, даже как яблоко созревает — не узнаю!

Они медленно шли вперед. Мак беспокойно шарил вокруг глазами.

— Все увидеть нельзя, — сказал он. — Я как-то, было дело, отпуск взял и в канадские леса отправился. Так веришь ли, через день-другой сбежал оттуда. Захотелось круговерти, беспокойства, шума. Изголодался по всему такому.

— А вот я хотел бы попробовать в лесу очутиться. Старик Дэн так о своей работе лесоруба рассказывал…

— К черту, Джим! Всего не испробуешь и не охватишь. У нас есть то, чего старик Дэн и не нюхал. А все иметь нельзя. Вот вернемся через несколько дней в город и будем мечтать о новой заварушке, хотеть ее до безумия. Ты успокойся, повремени, пока плечо не зажило. Отведу тебя в какой-нибудь притон, в отель дешевый — любуйся там на девчонок сколько влезет! Подальше от кромки иди, а то видно тебя, торчишь, как корова на косогоре!

— Красиво здесь.

— Чересчур красиво. Боюсь, ловушка поблизо-

сти скрыта какая-нибудь.

Сквозь деревья виднелось маленькое белое ранчо Андерсона, частокол ограды, алые герани двора.

— Ни души, — заметил Джим.

— Спокойно, спокойно.

Выйдя к опушке, Мак вновь остановился и в последний раз медленно обвел глазами луговину. На месте амбара на земле был черный квадрат, все еще курившийся едким дымом и запахом гари. Белая пристройка водокачки одиноко торчала над пепелищем.

— Вроде ничего опасного, — сказал Мак. — Давай с заду войдем.

Он попытался открыть калитку бесшумно, но задвижка щелкнула, а петли заскрипели. По короткой дорожке они прошли к крыльцу, заросшему пожелтевшим диким виноградом. Мак постучал в дверь.

Из дома раздалось:

— Кто там?

— Это ты, Эл?

— Угу.

— Ты один?

— Угу. А кто это?

— Это Мак!

— О, заходи, Мак! Дверь не заперта.

Они вошли в кухню. Эл лежал на узкой кровати у стены. Казалось, что за несколько дней он осунулся, похудел. Кожа щек обвисла.

— Привет, Мак. Я уж думал, никто ко мне не придет. Старик ушел с утра.

— Мы хотели и раньше прийти, Эл.

— А когда один остаешься — совсем невмоготу. Кто сжег амбар, Мак?

— «Бдительные». Нам чертовски жаль, Эл. Мы поставили охрану, но те оказались хитрее.

— Старик бушевал всю ночь, Мак. Бубнил, ругался. Раза четыре в час мне взбучку устраивал. И так всю ночь — никак успокоиться не мог.

— Нам ужасно жаль!

Эл выпростал руку из-под одеяла и поскреб щеку.

— Я все еще с вами, Мак. Но старик собрался жаловаться на вас. Утром пошел просить шерифа выгнать вас отсюда. Утверждает, что вы вторглись в частное владение и надо вас прогнать с его земли. Говорит, наказан за то, что слушал таких, как вы. Что я могу отправляться к чертям собачьим, если буду продолжать якшаться с вами. Злой, как шершень!

— Я боялся, что этим кончится, Эл. Слушай, мы

знаем, что ты с нами, ясно? Но злить старика больше, чем он злится сейчас, не стоит. Можно попробовать немного исправить ситуацию. Притворись, что перешел на его сторону. Мы это поймем, Эл. И поддерживать с нами связь ты сможешь. Мне страшно жаль твоего старика.

Эл глубоко вздохнул.

— Я боялся, ты подумаешь, будто я вас предал. А если ты знаешь, что это не так, я скажу отцу, что послал вас к черту.

— Вот это правильно, Эл. А мы создадим тебе рекламу в городе. Ой, слушай, Эл! К тебе вчера вечером док не заглядывал?

— Нет. А что такое?

— Он пошел к тебе незадолго до пожара и до сих пор не вернулся.

— Боже мой! Что могло случиться с ним, как ты думаешь?

— Боюсь, что схватили беднягу.

— Обложили они вас крепко, правда?

— Правда. Но и наши ребята сегодня утром крепко им вдарили. Хотя если твой старик нас сдаст, завтра нас положат на лопатки.

— Значит, все пропало, да, Мак?

— Это ничего не значит. То, ради чего мы приехали, мы сделали. Борьба продолжается, Эл. Так

что прояви миролюбие и притворись, что не допустишь больше никогда рядом с собой никаких пожаров. — Мак прислушался. — Идет кто-то?

Он бросился через кухню к передней двери и выглянул в окно.

— Это мой старик. Узнаю его шаги, — сказал Эл.

Мак вернулся.

— Я хотел проверить, не привел ли он с собой кого. Нет, он один. Можно бы улизнуть, конечно. Но хочется мне попросить у него прощения.

— Лучше не надо, — посоветовал Эл. — И слушать ничего не станет. Он вас теперь ненавидит.

На крыльце послышались шаги, дверь распахнулась. В проеме стоял Андерсон — удивленный и сердитый.

— Черт возьми! — выкрикнул он. — Убирайтесь отсюда, сволочи! Я ходил сдать вас! Шериф вышвырнет вас с моей земли, чтоб и духу вашего здесь не было!

Его грудь вздымалась от ярости.

— Мы только хотели выразить вам соболезнование. Мы не поджигали амбар. Это парни из города сделали.

— Плевать мне, кто это сделал! Амбар сгорел, весь урожай сгорел! Что вам, бродягам, до всего

этого! Пропало теперь мое ранчо! — Глаза его наполнились слезами ярости. — У вас же никогда за душой ничего не было! Вы не сажали деревьев, не растили их, не трогали их руками. Вы же понятия не имеете о том, что такое собственность! Вы никогда не выходили в сад, не гладили стволы ваших собственных яблонь! Что вы в этом понимаете!

— Нам не дали возможности чем-то владеть, — сказал Мак. — А мы бы хотели иметь такую возможность, хотели бы растить деревья.

Андерсон пропустил его слова мимо ушей.

— Наслушался я ваших обещаний! А гляди, что вышло! Весь урожай пропал. В газете это будет.

— А как там пойнтеры? — спросил Мак.

Медленными движениями Андерсон подбоченился. Глаза его зажглись холодной беспощадной ненавистью. Очень медленно, тихо он проговорил:

— Псарня примыкала к стене амбара.

Мак повернулся к Элу и кивнул ему. Секунду Эл глядел на него вопросительно, а потом сердито бросил:

— Отец прав. Убирайтесь-ка отсюда, и чтоб я никогда вас больше здесь не видел!

Андерсон ринулся к кровати, встал напротив.

— Пристрелить бы вас сейчас, — сказал он, — но вместо меня это сделает шериф, и очень скоро.

Мак тронул Джима за руку, и они вышли, закрыв за собой дверь. До калитки дошли не останавливаясь. Мак припустил так быстро, что Джиму, чтобы не отстать, приходилось делать шаги пошире.

Солнце уже садилось, и в междурядьях пролегли тени деревьев, ветер шевелил ветки, и казалось, что и деревья, и земля нервно подрагивают.

— Трудно складывать общую картину из разрозненных впечатлений, — заметил Мак. — Видишь, какого-то парня ранили, фермера, вроде Андерсона, разорили, или глядишь, как коп давит еврейскую девушку, и думаешь: какого черта, какой во всем этом смысл? А потом вспоминаешь о миллионах голодающих — и все опять становится на свои места и делается просто и ясно. А уже одно это кое-чего стоит. И все же приходится постоянно прыгать, сопоставляя картины. Думал ты когда-нибудь об этом, Джим?

— Не сказать, чтобы думал. Не так давно я видел, как умирала мать, кажется, годы и годы прошли с тех пор, хотя было это не так уж давно. Она так мучилась, что даже не захотела видеть

священника. Думаю, в ту ночь во мне словно выгорело что-то. Мне жалко Андерсона, а потом думаешь: какого черта! Тут жизнь отдаешь, а он с амбаром расстаться не может!

— Ну, знаешь… для многих из этих парней собственность важнее жизни.

— Сбавь скорость, Мак, — попросил Джим. — Куда ты торопишься? Мне тяжело так идти.

Мак слегка замедлил шаг.

— Я так и думал, что он жаловаться в город ходил, и хочу вернуться, прежде чем начнется заварушка. Не знаю, как поступит шериф, но, думаю, он будет рад нас расколоть.

Они молча шли по мягкой темной земле в дрожащей тени деревьев.

Выйдя на открытое место, оба замедлили шаг.

— Но пока что, во всяком случае, ничего не произошло, — заметил Мак.

От печек медленно поднимался дымок. Джим спросил:

— Где сейчас ребята, как ты думаешь?

— Наверно, отсыпаются с похмелья. Нам тоже неплохо бы поспать. Ночью, может, и не придется.

Их встретил Лондон.

— Все в порядке? — осведомился Мак.

— Все как всегда.

— Что ж, я оказался прав. Андерсон ходил в город просить шерифа выкурить нас отсюда?

— Ну и?

— Пока повременим. Не говори ничего ребятам.

— Может, в этом ты и оказался прав, — сказал Лондон, — но вот в том, что ребятам будет что жрать, ты ошибся. Вычищено все до последнего. Даже капельки фасоли не осталось. Я для вас пару котелков сберег, в моей палатке стоят.

— Может, и не придется нам больше трапезничать.

— В каком смысле?

— Может, к завтрашнему дню нас здесь уже не будет.

В палатке Лондон указал на ящик, на котором стояли два полных котелка.

— Думаешь, шериф попробует прогнать нас?

— Ясное дело! Он такого случая не упустит.

— Так что, он стрелять будет? Как ты думаешь? Или просто предупредит ребят?

— Откуда мне знать, — ответил Мак. — А где все?

— Попрятались и спят.

— Машина едет, — прислушался Мак. — Может,

это наши возвращаются?

Лондон насторожился.

— Нет. Слишком большая. Это из ихних, тяжелых.

Они поспешили наружу. По дороге из Торгаса катил огромный самосвал со стальным днищем и бортами, поддерживаемыми двойными рядами шин. Машина подъехала к лагерю и встала. Со стального днища поднялся человек. В руках он держал автомат с большим цилиндрическим патронником за передней рукояткой. Над бортами грузовика виднелись еще головы. Забастовщики повыскакивали из палаток.

Стоявший в полный рост мужчина крикнул:

— Я местный шериф. Если у вас есть облеченный ответственностью главный, я хочу его видеть!

Толпа, приблизившись, с любопытством оглядывала грузовик.

— Осторожно, Лондон, — тихонько проговорил Мак. — Они могут нас убрать. Прямо сейчас, если захотят.

Они вышли на обочину и остановились. Люди тоже выстроились по краю дороги.

— Я здесь главный, мистер, — отозвался Лондон.

— У меня имеется жалоба на то, что вы вторглись в частное владение. Мы терпели ваших людей и обращались с ними по справедливости. Мы просили вас вернуться к работе или же, если вы желаете бастовать, делать это мирно. Вы же портите имущество и совершаете убийства. Сегодня утром вы послали своих людей крушить чужое добро. Нам пришлось застрелить некоторых из ваших посланцев, а остальных задержать. — Он бросил взгляд вниз на людей в самосвале и вновь поднял его. — Мы не хотим кровопролития и позволим вам уйти. Вам дается целая ночь, чтобы убраться. Если вы прямиком направитесь к границе округа, никто вас не тронет. Но если к рассвету мы увидим, что лагерь еще здесь, то сровняем его с землей.

Люди стояли молча и глядели на него. Мак шепнул что-то Лондону, и тот сказал:

— Вторжение в частное владение не дает вам права стрелять.

— Может быть, и так, но сопротивление полиции — дает. Я говорю с вами откровенно, и вы теперь знаете, чего следует ожидать. Завтра, как только рассветет, сотня людей в десяти грузовиках, таких, как этот, прибудут сюда. Каждый из них будет при оружии. А еще у нас имеется три

ящика гранат Миллса. Те из вас, кто знает, что такое граната Миллса, пусть объяснит остальным. Это все. Хватит валять дурака. До утра вы должны покинуть округ. Все. — Он повернулся к водителю: — Можешь ехать, Гас.

И шериф скрылся за стальным бортом грузовика. Колеса медленно прокрутились и стали набирать скорость.

Один из забастовщиков прыгнул в мелкую канаву на обочине, схватил камень да так и стоял, разглядывая камень в руке, пока грузовик, удаляясь, не скрылся из глаз. Люди проводили грузовик глазами и вернулись в лагерь.

Лондон вздохнул.

— Что ж, звучит как приказ. Он настроен серьезно.

— Я есть хочу! — нетерпеливо бросил Мак. — Пойду фасоли поем.

Вслед за ним они вернулись в палатку. Мак глотал фасоль — быстро и жадно.

— Надеюсь, ты успел подкрепиться, Лондон?

— Я? Да, конечно. Что мы будем теперь делать, Мак?

— Драться, — отвечал Мак.

— Да, но если он сделает все, что обещал, приедет с гранатами и прочее, то это будет уже не

драка, а бойня.

— Ерунда, — отрезал Мак, и изо рта у него брызнула жеваная фасоль. — Если бы у него все это было, зачем бы он стал нам об этом сообщать? Он лишь надеется, что мы разбредемся кто куда и затеять драку не сможем. Если мы снимемся с места ночью, нас схватят. Они никогда не держат слова.

Лондон посмотрел в лицо Маку, задержал взгляд на его глазах.

— Это правда, Мак? Ты говорил, что я с вами заодно. Ты не хитришь со мной?

Мак отвел глаза.

— Сопротивление необходимо, — сказал он. — Если мы уйдем, даже не пустив в ход кулаки, то все наши испытания будут напрасны.

— Да, но если мы затеем драку, то много наших ребят, которые никому не сделали ничего дурного, получат пулю.

Мак поставил на ящик недоеденную фасоль.

— Послушай, — сказал он, — во время войны каждый генерал знает, что среди его солдат будут потери, и готов к этому. Сейчас мы тоже на войне. Если мы убежим и не примем бой, то потеряем плацдарм. — На мгновение он прикрыл рукой глаза, а затем продолжил: — Лондон, это звер-

ская ответственность. Я знаю, как мы должны поступить, но главный тут — ты и, ради Христа, делай как хочешь. Не заставляй меня брать всю вину на себя.

— Да, — невесело согласился Лондон, — но ты в таких вещах разбираешься. Думаешь, мы должны вступить в бой? Ты правда так считаешь?

— Да, считаю, что должны.

— Ну и к черту тогда, бой так бой! Это если мы сумеем поднять на него ребят.

— Понимаю, — кивнул Мак. — Они могут ополчиться на нас. Каждый из них может. Те, кто слышал шерифа, расскажут все остальным. Они накинутся на нас, станут кричать, что из-за нас все несчастья.

— В каком-то смысле, — сказал Лондон, — я даже надеюсь, что они смоются. Бедные они, бедные! Ни черта не смыслят! Но даже если, как ты говоришь, все равно этим дело кончится, то сейчас пусть будет драка. А как быть с ранеными? — продолжал он. — С Берке, со стариком Дэном, тем парнем, что сломал лодыжку?

— Оставим их, — решил Мак. — Что тут другое придумаешь! Пусть округ теперь о них заботится.

— Пойду гляну, что делается вокруг, — сказал

Лондон. — Беспокоюсь я что-то. Места себе не нахожу. Как кот бесприютный.

— Не ты один беспокоишься, — заметил Мак.

Лондон ушел, а Джим и Мак, переглянувшись, принялись за холодную фасоль с волоконцами говядины.

— Интересно, будет ли драка? — спросил Джим. — Думаешь, они и вправду пропустят ребят, если те вздумают уйти?

— О, шериф-то пропустит! Он только рад будет избавиться от такой напасти, а вот «бдительным» я не доверяю.

— Вечером еды не будет, Мак. Если ребята к этому времени уже со страху в штаны наложили, шанса взбодрить их едой не предвидится.

Мак выскреб дочиста котелок, поставил его.

— Джим, — сказал он, — если я попрошу тебя кое о чем, ты это выполнишь?

— Не знаю. А о чем?

— Видишь ли, солнце вот-вот сядет, наступит темнота. Они устроят засаду на нас, Джим. На тебя и меня. Не сомневайся и не тешь себя иллюзиями. Они хотят нас сцапать. Очень хотят. Мне надо, чтобы ты выбрался отсюда, как только стемнеет, ушел и вернулся в город.

— Это еще зачем, черт возьми?

Глаза Мака скользнули по лицу Джима и опять уперлись в землю.

— Когда я прибыл сюда, Джим, то был на коне. Но ты стоишь десятерых таких, как я, Джим. Теперь я это понял. Если что-то случится со мной, найдутся сотни парней на мое место. Но ты для нашей работы — истинная находка. Мы не вправе терять тебя, Джим. Если тебя шлепнут в какой-то не слишком значимой акции, то это просто не по-хозяйски!

— Я не согласен с тобой, — возразил Джим. — Наших ребят надо не оберегать, а использовать. Я не могу вдруг взять и сбежать! Ты сам говорил, что наша забастовка — это маленькая часть большого целого! Маленькая, но важная часть!

— Но я хочу, чтобы ты ушел, Джим. Драться с такой рукой ты не сможешь. Какая от тебя здесь польза, черт возьми! Какой помощи можно от тебя ждать?

Лицо у Джима стало жестким и неуступчивым.

— Я не уйду, — заявил он. — И могу здесь оказаться полезным. Ты все время оберегаешь меня, Мак, защищаешь, и у меня даже возникает чувство, что делаешь ты это не ради партии, а ради себя!

Мак покраснел от гнева.

— Ну если так — ладно! Пусть тебе башку оторвут! Я сказал тебе, что, по моему мнению, было бы самым лучшим. Пожалуйста, лезь на рожон, если хочешь, веди себя как последний дурак! Не могу я здесь с тобой! Я ухожу, а ты делай что хочешь! Пожалуйста! — И он в сердцах выскочил из палатки.

Джим поднял глаза и стал разглядывать заднюю стенку палатки. На полотне обозначился неясный красный отблеск — след заходящего солнца. Рука Джима поползла вверх, тронула больное плечо, слегка надавила и начала осторожно массировать его кругами, все более узкими, приближаясь к ране. Потом пальцы случайно коснулись больного места, и он вздрогнул и поморщился. И долго сидел не двигаясь.

Он услышал шаги у входа и огляделся. Это была Лайза с ребенком на руках. За ее спиной, дальше, виднелась цепочка старых машин на дороге, а за дорогой, на другой ее стороне, солнце еще освещало верхушки яблонь, но стволы уже окутала тень.

Лайза с птичьим любопытством сунула голову внутрь палатки. Волосы ее были влажны и облепили голову, в волосах заметны были неровные бороздки от чесания пальцами. Плечи покрывало

короткое одеяльце, которое она не без кокетства сдвинула немного наискось.

— Вижу, ты один, — сказал она.

Прошла к тюфяку, села, аккуратно одернув на коленях грубую ткань платья.

— Я слыхала разговоры, что копы гранаты бросать будут, — произнесла она легким веселым тоном и даже с некоторым презрением.

Джима тон ее озадачил.

— Похоже, ты не слишком напугана.

— Нет. Ничего такого я не боюсь.

— Тебя копы не тронут, — сказал Джим. — Не верю, что это они всерьез. Просто они так хвастаются. Ты что-нибудь хотела?

— Думала зайти посидеть. Посидеть просто.

Джим улыбнулся.

— Я нравлюсь тебе, правда, Лайза?

— Да.

— И ты мне нравишься.

— Ты помогал мне тогда с малышом.

— Как там старый Дэн? Ты ухаживаешь за ним?

— Он в порядке. Лежит, бормочет.

— Мак помогал тебе больше моего.

— Да. Но он смотрит на меня не так. Мне нравится, как ты говоришь. Молоденький совсем

парнишка, а говоришь хорошо.

— Слишком много говорю я, Лайза. Одни разговоры, а дел мало. Гляди, совсем смерклось. Скоро лампу зажжем. Тебе ж неловко будет сидеть со мной в темноте.

— А ничего, — поспешно сказала она.

Он опять посмотрел ей в глаза долгим взглядом, и на лице ее выразилось удовольствие.

— Ты замечала когда-нибудь, Лайза, как вечерами вспоминается иногда что-то, что было давным-давно, пусть даже не важное, а так — мелочь. Однажды, помню, в городе, когда я был совсем маленьким, солнце садилось, а там забор был дощатый. И кошка серая вспрыгнула на забор, быстро так взобралась и сидит — длинношерстая, пушистая, и в какую-то минуту шерсть ее вдруг стала золотистой, золотая кошка!

— Я люблю кошек, — тихонько сказала Лайза. — У меня когда-то две кошки были, целых две!

— Гляди — солнце почти ушло, Лайза. Завтра нас здесь не будет. Кто знает, где мы окажемся? Тебе, наверно, опять в дорогу собираться. А я, наверно, попаду в тюрьму. Не страшно — я уже бывал там.

В палатку тихо вошли Мак вместе с Лондоном. Лондон сверху вниз бросил взгляд на девушку.

— Что ты здесь делаешь, Лайза? Иди-ка ты отсюда — у нас дела!

Лайза встала и поплотнее завернулась в свое одеяльце. Проходя мимо Джима, искоса взглянула на него.

— Не понимаю, что творится, — недоумевал Лондон. — По всему лагерю проводятся маленькие собрания — с десяток собраний, должно быть. Но меня ни на одно не зовут.

— Ага, все ясно, — сказал Мак. — Ребята напуганы. Что будет — не знаю, но они захотят убраться отсюда сегодня же ночью.

После этих слов разговор замер. Лондон и Мак сели на ящики напротив Джима. Они сидели молча, пока солнце опускалось и палатка погружалась в сумерки.

Первым подал голос Джим. Он негромко сказал:

— Если даже ребята и прекратят сейчас забастовку, все равно это было не зря. Хоть и недолго, но они сумели действовать сообща.

Мак стряхнул с себя оцепенение.

— Да. Но напоследок мы должны заявить о себе!

— Как ты хочешь заставить ребят драться, если они решили бежать? — хмуро осведомился

Лондон.

— Не знаю. Будем говорить с ними. Можем попробовать их переубедить.

— Что толку в разговорах, если люди напуганы?

— Знаю.

И опять наступило молчание. Слышались лишь негромкие голоса множества людей, слившиеся в многоголосье, похожее на журчание ручья.

Мак сказал:

— Чиркни спичкой, Лондон. Зажги фонарь.

— Так не темно же еще.

— Темновато. Зажги свет. Этот чертов полумрак меня угнетает.

Крышка фонаря скрипнула, когда Лондон приподнял ее, потом скрипнула, когда опустил.

Мак вдруг встревожился:

— Что-то случилось. Что-то не так!

— Это у ребят, — сказал Джим. — Они притихли. Больше не говорят, замолкли.

Все трое сидели, напряженно прислушиваясь. Раздались шаги, которые всё приближались. В просвете входа выросли две низкорослые фигуры парней-итальянцев. Зубы их поблескивали в смущенной улыбке.

— Можно войти?

— Конечно. Входите, ребята.

Они вошли и встали, как ученики, вызванные к доске отвечать урок, поглядывая друг на друга в надежде, что первым начнет говорить другой. Один сказал:

— Там люди… собрание созывают.

— Да? А почему?

Другой поспешил ответить:

— Они говорят, что голосовали за забастовку и что могут переголосовать. Говорят, какой смысл бастовать, если людей убивать будут. Говорят, что не хотят больше бастовать!

Гости замолчали, ожидая, что́ на это скажет Лондон.

Лондон вопросительно взглянул на Мака, глазами прося у него совета.

— Конечно, нужно собрание, — поддержал их Мак. — Здесь распоряжается народ. Как народ решит, так и будет.

Он поднял глаза на парламентеров:

— Идите и скажите ребятам, что примерно через полчаса Лондон ждет всех на собрание. Тогда народ проголосует — будем драться или драпать.

Они глядели на Лондона, ожидая от него подтверждения. Тот медленно кивнул.

— Все верно, — сказал он. — Через полчаса.

Будет так, как проголосуют.

Низкорослые итальянцы церемонно, по-иностранному, поклонились, развернулись и покинули палатку.

Мак расхохотался.

— Это же замечательно! — воскликнул он. — Просто чудесно! Так гораздо лучше! Я-то боялся, что они разбегутся втихомолку, тайно, а они желают голосовать. Это значит, что они еще вместе и действуют сообща. Нет, это действительно превосходно! Можно и прекратить забастовку, лишь бы это было с общего согласия.

— Но разве ты не хочешь убедить их драться? — спросил Джим.

— О, конечно хочу! Надо предусмотреть и такую возможность. Но если драться и откажутся, то все-таки они не сбежали трусливо, как побитые псы. И это, знаешь ли, больше похоже на планомерное отступление, а не на бегство сломя голову от погони.

— А собрание-то как мы будем проводить? — нетерпеливо спросил Лондон.

— Так. Давай посмотрим. Хотя почти уже стемнело. Ты выступишь первым, Лондон. Объяснишь им, почему надо бороться, а не драпать. Мне на этот раз выступать, пожалуй, не стоит. С тех

пор как утром я на них накинулся, особо теплых чувств они ко мне не питают. — Взгляд его упал на Джима. — Вот кто будет говорить, — решил он. — Тебе дается шанс. Ты сможешь им воспользоваться. Посмотрим, сумеешь ли ты переломить ситуацию и развернуть их в другую сторону. Скажи им нужные слова, Джим. Скажи. Ведь ты же ждал именно этого!

Глаза у Джима взволнованно блеснули.

— Мак! — вскричал он. — Я могу сдернуть бинты, кровь тогда так и хлынет. Это может их всколыхнуть!

Мак прищурился, обдумывая сказанное.

— Нет, — решительно сказал он. — Если ты их так всколыхнешь, им потребуется действие быстрое и сильное, а малейшее промедление — и весь пыл пропал. Нет, лучше слова для них найди, Джим. Скажи им прямо и ясно о том, как важна каждая забастовка, о том, что это маленькая битва в ходе большой войны. Ты справишься, Джим.

Джим вскочил:

— Да, ты прав, черт возьми! У меня будто почву выбили из-под ног, но теперь я справлюсь! Я смогу это сделать!

Он словно преобразился. Лицо его светилось и излучало энергию.

Они услышали чей-то быстрый торопливый бег. В палатку влетел молоденький парнишка.

— Там! В саду! — крикнул он. — Парень говорит, что он доктор! Он покалеченный лежит!

Все трое разом сорвались с места.

— Где?

— Там! На другом краю сада! Весь день там пролежал, говорит!

— Как ты нашел его? — сурово спросил Мак.

— Услышал его крики. Он велел к вам прийти и сказать.

Парнишка повернулся и нырнул в темноту.

— Лондон, возьми фонарь! — крикнул Мак. Он бежал бок о бок с Джимом. Тьма была почти полной. Впереди маячила фигура торопливо бегущего парнишки. Луговину они пересекли в одно мгновение. Парнишка добежал до первого ряда деревьев и нырнул под их своды. Они слышали его топот впереди. Вслед за ним они бросились в темную глубь сада.

Внезапно Мак резко ухватил Джима за руку:

— На землю, Джим! На землю! Живо!

В уши ударила звуковая волна, глаза ослепили две яркие вспышки. Мак растянулся на земле. Он услышал бег нескольких пар ног, повернулся к Джиму, но вспышки все еще застилали зрение и

мешали видеть. Не сразу смог он разглядеть фигуру Джима. Тот стоял на коленях, свесив голову.

— На землю кидайся, Джим!

Джим не шевелился. Не вставая в полный рост, Мак пробрался к нему.

— Тебя что, задело, Джим?

Фигура накренилась и упала ничком, уткнувшись лицом в землю.

— О господи!

Мак протянул ладонь, чтобы приподнять голову Джима и, вскрикнув, отдернул руку и вытер ее о штаны. Лица у Джима не было. Мак медленно обвел глазами вокруг себя, обернулся через плечо.

Прыгающий свет фонаря осветил ноги бегущего Лондона.

— Где вы? — крикнул Лондон.

Мак не ответил. Откинувшись назад, он сел на пятки и застыл так коленопреклоненный в позе мусульманина, творящего молитву.

Наконец Лондон заметил их. Подойдя поближе, он остановился и очертил фонарем круг света, в который попали их фигуры.

— Ох, — только и вымолвил он и, опустив фонарь, вгляделся в картину. — Из автомата? — спросил он.

Мак кивнул, не отводя взгляда от своей липкой ладони.

Лондон посмотрел на Мака, и его бросило в дрожь от застывшего лица товарища. Мак с трудом поднялся, потом, наклонившись, поднял Джима и, словно мешок, взвалил на плечо его тело. Голова Джима, с которой капала кровь, свешивалась у Мака за спиной. Мак с трудом, на негнущихся ногах побрел к лагерю. Лондон шел рядом, светя ему фонарем.

На луговине толпились люди. Они теснились к идущим, пока не видели их ноши, а увидев, отшатывались. Мак шел сквозь толпу, словно не замечая никого вокруг. Он шел по луговине, мимо кухни, и толпа в молчании следовала за ним. Подойдя к помосту, он положил тело возле поручня и вспрыгнул на ступеньку. Протащив тело по доскам, он прислонил его к угловому столбу и выровнял, когда оно стало крениться набок.

Лондон поднял фонарь, протянув его Маку, и тот поставил его на помост рядом с телом, так, чтобы свет фонаря освещал голову. Он стоял перед толпой, сжимая поручень помоста. Его широко раскрытые глаза казались бесцветными. Перед ним стояли люди, их глаза блестели от света фонаря. За передним рядом угадывалась

темная неосвещенная масса. Мак содрогнулся, шевельнул губами, чтобы начать говорить, и словно сломал лед, сковавший его челюсти. Он заговорил, и высокий его голос зазвучал монотонно и уныло:

— Этот парень ничего не хотел для себя, — начал он. Его пальцы, сжимавшие поручень, побелели. — Товарищи! Он ничего не хотел для себя лично!